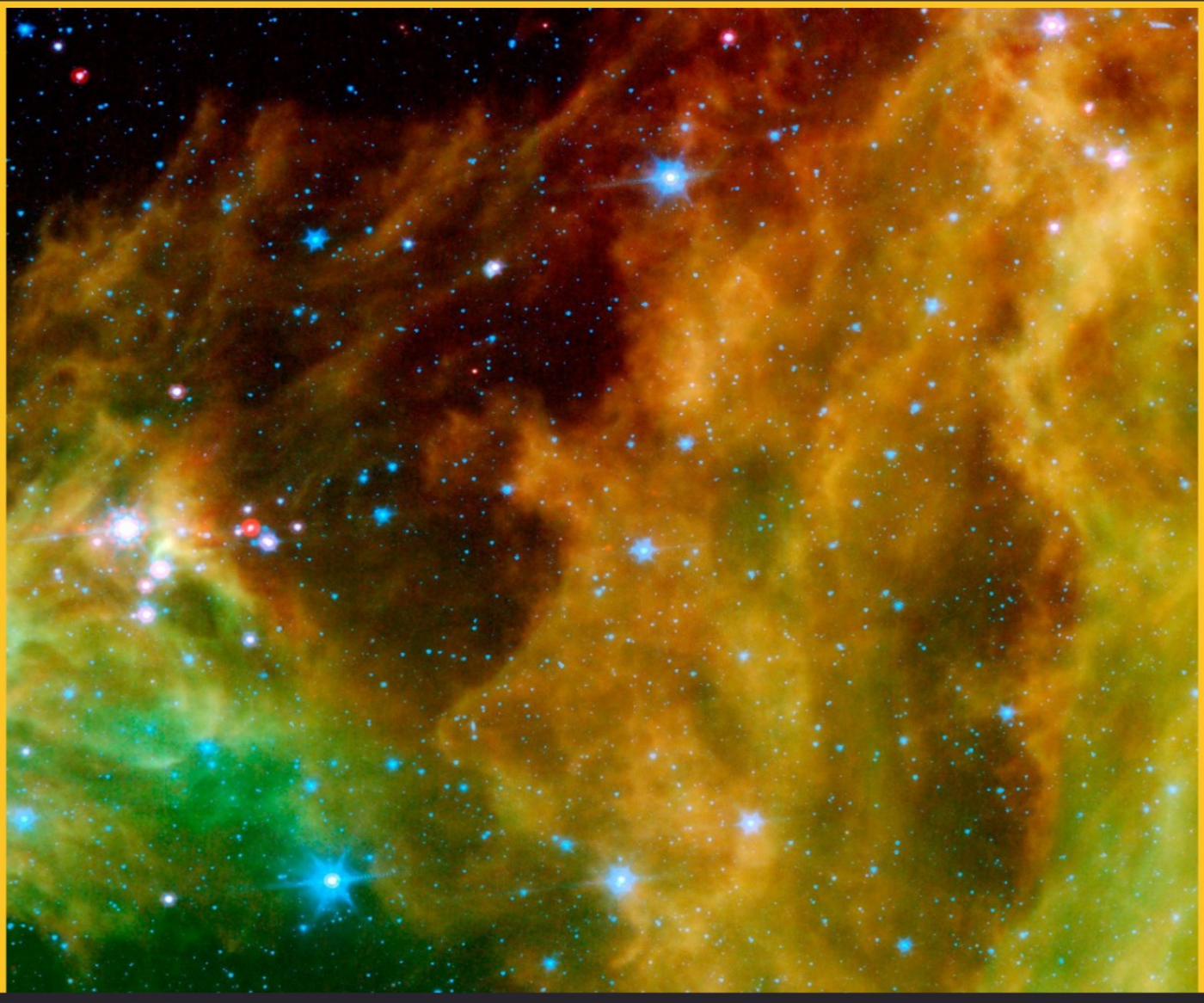
APRIL 2026 | ISSUE #4(1.2)

INTERNATIONAL JOURNAL OF PROFESSIONAL SCIENCE

INTERNATIONAL SCIENTIFIC JOURNAL

SCIPRO.RU
ISSN 2542-1085

SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

UDC 001
LBC 72

International Journal Of Professional Science: international scientific journal, Nizhny Novgorod, Russia: Scientific public organization “Professional science”, №4(1.2) - 2026. 130 p.

ISSN 2542-1085

International journal of Professional Science is the research and practice edition which includes the scientific articles of students, graduate students, postdoctoral students, doctoral candidates, research scientists of Russia, the countries of FSU, Europe and beyond, reflecting the processes and the changes occurring in the structure of present knowledge.

It is destined for teachers, graduate students, students and people who are interested in contemporary science.

All articles included in the collection have been peer-reviewed and published in the form in which they were presented by the authors. The authors are responsible for the content of their articles.

The information about the published articles is provided into the system of the Russian science citation index – RSCI under contract № 2819-10/2015K from 14.10.2015

The electronic version is freely available on the website http://scipro.ru/ijps.html

UDC 001

LBC 72

Editorial team

Chief Editor – Krasnova Natalya, PhD, assistant professor of accounting and auditing the Nizhny Novgorod State University of Architecture and Construction. (mail@nkrasnova.ru)
Zhanar Zhanpeisova — Kazakhstan, PhD
Khalmatova Barno Turdyhodzhaeva — Uzbekistan, MD, Professor, Head of the Tashkent Medical Academy
Tursunov Dilmurat Abdullazhanovich — Kyrgyzstan, PhD, Osh State University
Ekaterina Petkova,Ph.D Medical University — Plovdiv
Stoyan Papanov PhD, Department of Pharmacognosy and pharmaceutical chemistry, Faculty of Pharmacy, Medical University — Plovdiv

Materials printed from the originals filed with the organizing committee responsible for the accuracy of the information are the authors of articles

Editors N.A. Krasnova, 2026

Article writers, 2026

Scientific public organization
“Professional science”, 2026

Table of contents

INTRODUCTION 5
CULTURAL STUDIES AND ARTS 6
Li Ziji. Features of Presenting International News on Chinese and Kazakhstani News Websites 6
Li Ziji. The production and dissemination model of short video news in China's most influential media 10
EDUCATION AND PEDAGOGY 14
Bykadorova T.Y. Peculiarities of motivating generation z students to learn a foreign language 14
Elmurzaev S.M., Kataev U.Sh. Career guidance for a lawyer: how to properly present your legal profession and help you make the right choice 24
Goncharenko E.S. Current trends in professionally-oriented foreign language teaching in Russian universities 30
Kirillova V.V., Sechina K.A. Developing students language competences while training them for participation in international conferences 37
PSYCHOLOGY AND PSYCHOTHERAPY 44
Butler R.S., Adamova L.E. The relationship between professional well-being and intrapersonal conflict in middle-aged men and women 44
JURISPRUDENCE AND LAW 50
Balkina D.A. Capital Punishment through the prism of domestic judicial procedure 50
Belousova E.A., Privalov N.G. The influence of the mentality of the Russian people on the process of formation of constitutional provisions in Russia (interdisciplinary aspect) 56
Bylin V.A. Intellectual property and intellectual rights: differentiation of concepts and their place in the debtor's bankruptcy estate 60
Dushina A.N. Euthanasia in the judicial practice of European countries: high-profile cases and legal consequences 68
Gimbarovskaya A.S. Death penalty: pros and cons in the context of modern morality and law 74
Gulakova L. International Law Through the Lens of Judicial Institutions 78
Igusheva K.R. Artificial intelligence in jurisprudence: replacing the neural network of a legal assistant or attorney 86
Konshina A. Legal Clinic: Definition and its Benefits for Student Education 92
Kovaleva A.P. Judicial protection of honor and dignity in the event of cyberattacks in mess95
Kudryavtsev D.N. Digital Rights and Regulation in the Era of Artificial Intelligence 101
Pashkova T.N. Inquisition as a measure of punishment within the framework of law 105
Soseliia L.B. Employer's Material Liability to Employees: Legal Regulation and Enforcement Issues 114
Verkhoturova M. A. The Problem of Blood Feud: The History of the Concept in the Old Russian State 120
Zimmerman A.S., Tekucheva S.N. Personal non-property rights of legal entities in Russian civil law 124
CONCLUSION 129

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

INTRODUCTION

The new issue of the International Journal of Professional Science (No. 4(1.2)) offers readers a deep dive into current issues in the humanities, covering a wide range of topics: from the transformation of modern media to ethical dilemmas in jurisprudence. The issue is structured to highlight the challenges facing education, law, and psychology in the age of digitalization and the value transformations of society.

The legal section traditionally occupies a central position, presenting an interdisciplinary analysis of complex legal institutions. The authors address pressing and controversial topics, such as the legal consequences of euthanasia, the moral and legal aspects of the death penalty, and the historical roots of blood feuds. Of particular interest is the integration of high technology into the legal field: issues of digital rights regulation and the prospects for using artificial intelligence in the work of lawyers and attorneys.

The educational focus of this issue is focused on the specifics of working with Generation Z. The articles examine innovative approaches to teaching foreign languages and methods for professional orientation of future specialists. The cultural studies section complements the overall picture with an analysis of media production strategies in an international context, exploring contemporary formats for disseminating news in the digital space.

By bringing together research from various fields, this issue aims to provide comprehensive answers to questions about how the professional environment is adapting to changing sociocultural realities.

With best wishes and warm regards,
Editor-in-Chief
International Journal of Professional Science
Krasnova N.A.

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

UDC 070:327

Li Ziji. Features of Presenting International News on Chinese and Kazakhstani News Websites

Li Ziji,
Master's degree, Journalism major, Ali-Farabi Kazakhstan State University

Abstract. *The purpose of this research is to analyze the characteristics of Chinese and Kazakh news websites in international news reports.Through content analysis and case studies, it is found that China news websites pay attention to macro-narrative and national image shaping, emphasize the responsibility of major powers and international cooperation, and have a rigorous and standardized language style; Kazakhstan news websites focus on geopolitical and regional development, reporting perspectives are more diverse, and language expression takes into account tradition and modernity.The two countries have differences in international news reporting, and they also show their own unique communication styles, which are of enlightening significance to cross-cultural communication and international news research.*

Keywords: *China News Website; Kazakhstan News Website; International news; reporting characteristics; Cross-cultural communication*

Рецензент: Сагитов Рамиль Фаргатович - кандидат технических наук, доцент. Заместитель директора, главный научный сотрудник. ООО «Научно-исследовательский проектный институт «Промышленное и гражданское строительство»

Introduction

In the context of globalization, international news dissemination is an important way of information exchange and cultural dissemination between countries.As important partners of the “Belt and Road” initiative, China and Kazakhstan, the international news reports of their news websites not only affect the public perception of international affairs between the two countries, but also shape their respective international images.This research focuses on international news reports from news websites of the two countries, analyzes their characteristics and differences, and aims to provide a reference for cross-cultural communication research[3].

Features of international news reports on China News Website

1.Macro narrative and national image shaping: In international news reports, China News websites often present international affairs from a macro perspective.For example, reports on international conferences related to the ”Belt and Road" not only pay attention to the conference itself, but also emphasize its far-reaching significance to economic cooperation and cultural exchanges between countries along the route, and shape China's image as a

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

responsible country through macro narratives. Image.The content of the reports mostly revolves around topics such as great-power relations and global governance, reflecting China's active participation and contribution in international affairs[1].

2.Emphasize international cooperation and common development: In the selection of international news, China News Website focuses on reporting on international cooperation projects and multilateral diplomatic activities.For example, reports on China-Kazakhstan cooperation projects highlight the mutual benefit and win-win situation between the two sides in the fields of energy and infrastructure construction, and emphasize the importance of common development and cooperation.This reporting tendency reflects the concept of “win-win cooperation” in China's foreign policy and aims to convey a positive signal that China is willing to develop hand in hand with other countries[1].

3.Rigorous and standardized language style: The language of international news reports on the China News Website is rigorous and standardized, and the words are accurate.When it comes to sensitive topics such as politics and diplomacy, be cautious in wording and follow official expressions.For example, when reporting on international disputes, more objective and neutral expressions are used, emphasizing the settlement of problems through dialogue and consultation, reflecting the professionalism and sense of responsibility of the Chinese media in international news reporting[5].

Features of international news reports on Kazakhstan news websites

1.Focus on geopolitical and regional development: Kazakhstan news websites focus on geopolitical and regional development issues in international news reports.Due to its special geographical location, special attention is paid to the dynamic reports of Central Asia and surrounding countries.For example, reports on related activities of the Shanghai Cooperation Organization focus on the process of regional security cooperation and economic integration, reflecting Kazakhstan's active participation in regional affairs.At the same time, reports on the dynamics of the international energy market are also more frequent, reflecting the dependence of its economic structure on the energy sector[2].

2.Diverse reporting perspectives: Unlike China's macro narrative, Kazakhstan's news websites have a more diverse perspective on international news reporting.In addition to reports from the official perspective, it also focuses on presenting the views of civil voices and different stakeholders.For example, when reporting on international cultural exchange activities, we not only pay attention to cooperation at the official level, but also interview ordinary people participating in the activities to show the cultural exchange experience from a diverse perspective.This multi-perspective reporting method makes international news more vivid and close[3].

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

3.Language expression takes into account tradition and modernity: The international news reports of Kazakhstan's news websites take into account traditional and modern elements in language expression.In reports involving traditional culture and ethnic characteristics, the language is rich in cultural connotations; when reporting on topics such as modern science and technology and economic development, the language is concise and clear, which is in line with the characteristics of modern communication.For example, when reporting on international sports events, it not only introduces the modern competitive characteristics of the event, but also incorporates Kazakhstan's traditional sports and cultural elements to show its unique cultural charm[3].

Analysis of the reasons for the differences in international news reports on news websites of the two countries

1.Cultural background differences: Traditional Chinese culture emphasizes collectivism and harmonious coexistence, which has affected the characteristics of China News websites that pay attention to macro-narratives and international cooperation in international news reports.As a Central Asian country, Kazakhstan's culture combines nomadic traditions with modern civilization, making it pay more attention to geopolitical and regional development in international news reports, while paying attention to the presentation of diverse perspectives[3].

2.Media environment and policy orientation: China's media environment emphasizes the social responsibility and national interests of news reporting, and policy orientation promotes news websites to shape a positive national image in international news reports.Kazakhstan's media environment is relatively diverse. Different types of media websites have different priorities in international news reporting. Policies also encourage the media to play an active role in international affairs, but give a certain degree of freedom of reporting[5].

3.National development needs: As the world's second largest economy, China's international news reports focus on demonstrating the responsibilities of major powers and the results of international cooperation to enhance its international influence.As an important country in Central Asia, Kazakhstan's international news reports focus on regional development and geopolitics, aiming to enhance its position in regional affairs and promote national economic development[4].

conclusion

Chinese and Kazakh news websites have their own characteristics in international news reports.The China News website is oriented to macro-narrative and international cooperation, and the language is rigorous and standardized; the Kazakhstan news website focuses on geopolitical and regional development, with a diverse perspective and a language that takes into account tradition and modernity.These differences reflect the differences in culture, media

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

environment and development needs of the two countries.In the future, news websites of the two countries can strengthen exchanges and cooperation in international news reports, promote cross-cultural communication, and contribute to the construction of a more harmonious international communication order.

References

1. Li Haiping. Analysis of International News and Global news [J]. https://www.sciscanpub.com/uploads/2021/07/09/sjc20211001v3.pdf?utm_source=chatgpt.com

2. Shi Zijuan. The right to international voice in news dissemination and the construction of China's national image [J]. https://www.xwdk.cbpt.cnki.net/WKG/WebPublication/wkTextContent.aspx?colType=4&st=18&yt=2022&utm_source=chatgpt.com

3. Editorial Department of International Press. Research on international News Communication [J].

4. https://cjjc.ruc.edu.cn/EN/article/downloadArticleFile.do?attachType=PDF&id=1195&utm_source=chatgpt.com

5. Shanghai Cooperation Organization. Official research materials [EB/OL].

6. https://eng.sectsco.org/?utm_source=chatgpt.com

7. Hallin D C, Mancini P. Comparing Media Systems: Three Models of Media and Politics[M]. Cambridge University Press.

8. https://www.worldcat.org/title/comparing-media-systems-three-models-of-media-and-politics/oclc/49354821?utm_source=chatgpt.com

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

UDC 070:327

Li Ziji. The production and dissemination model of short video news in China's most influential media

Li Ziji,
Master's degree, Journalism major, Ali-Farabi Kazakhstan State University

Abstract. *The article examines the features of short-form news video production and distribution within the activities of leading Chinese media outlets, such as Xinhua, CCTV, and China Daily. It is shown that amid the rapid growth of short video audiences, traditional media are transitioning from a simple "news publishing" model to a hybrid strategy that combines authority, event-driven immediacy, and a focus on audience needs. The study analyzes key principles of content creation: the reconstruction of news reports into short-form formats, the use of storytelling, the enhancement of emotional engagement, and the implementation of 5G, AI, and VR/AR technologies to improve production efficiency and quality. Special attention is paid to the transformation of the distribution model, based on multi-platform dissemination, personalized recommendations, and the formation of a recognizable media brand. Using CCTV and Jiangxi Radio and Television's "Today Video" as examples, the author demonstrates how integrating traditional editorial resources with the logic of platform services allows media to maintain their authority while simultaneously expanding their reach and influence. The article concludes that the development of short-form video within the mainstream media system is linked to a shift toward a user-oriented communication model, while maintaining professional standards and social significance.*

Keywords: *short video; news journalism; Chinese media; mainstream media; media technology; digital communication; multimedia distribution; storytelling; content personalization; media communication transformation*

Рецензент: Сагитов Рамиль Фаргатович - кандидат технических наук, доцент. Заместитель директора, главный научный сотрудник. ООО «Научно-исследовательский проектный институт «Промышленное и гражданское строительство»

1. Introduction

In the context of the rapid development of mobile Internet technology, short video has become the core carrier of information dissemination.The 52nd "Statistical Report on the Development of China's Internet" released by the China Internet Network Information Information Center (CNNIC) shows that as of June 2023, the number of short video users in China has reached 1.026 billion, accounting for 94.8% of the total number of Internet users [1].In this context, China's most influential media, represented by the central-level mainstream media, is accelerating the layout of the short video field and promoting in-depth changes in news production and dissemination models.This article takes authoritative media such as Xinhua, CCTV, and China Daily as its research objects to discuss the production logic and dissemination mechanism of short video news, and reveals how mainstream media can achieve a leap in communication power while maintaining their authority.

2. Production mode: from content reconstruction to technology empowerment

In the production of short video content, the mainstream media breaks through the serious

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

stereotypes of traditional news and emphasizes the dual attributes of “authoritative publishing + people's livelihood perspective”.Xinhua's video channel focuses on hitting the news scene directly at the first time, highlighting timeliness and authenticity; China Youth Network focuses on topics of concern to youth groups to achieve accurate content supply.This kind of ”high-standing, small-cut" narrative strategy presents macro issues through specific scenes and character stories, enhancing users' empathetic ability.For example, the Global Times micro-video focuses on international hot spots in a sharp interpretation style, not only maintaining a clear position, but also resonating with the public through detailed descriptions.

The viewing habits of short videos require the content to complete the information transmission within 15 seconds to 3 minutes.Mainstream media generally adopt a ”story-based narrative" structure to refine complex events into plot units with ups and downs.When reporting on major emergencies on the CCTV “CCTV Frequency” platform, it often uses a first-person perspective or live simultaneous sound cut, supplemented by subtitles to strengthen key information, forming a strong sense of scene.At the same time, literary techniques such as suspense and emotional paving are used to enhance the attractiveness of the content.For example, <url> “Weishi China” interprets policies in an easy-to-understand way, transforming abstract provisions into concrete cases to make them easier for the audience to understand.

The widespread application of technologies such as 5G, AI, and VR has significantly improved the production efficiency and experience of short video news.AI technology is used to automatically generate subtitles, intelligent editing and speech synthesis, which shortens the news production cycle by more than 30%; VR/AR technology provides users with an immersive viewing experience, especially when reporting high-risk events such as natural disasters and wars. It can effectively enhance the authenticity of information. For short video news using VR/AR technology, user viewing time increased by an average of 50%, and the interaction rate increased by 30% [2].

3. Communication model: from platform distribution to ecological construction

Mainstream media generally adopt the integrated media communication strategy of “one-time collection, multiple generation, and multi-platform distribution”.Taking Jiangxi Radio and Television "Today Video" as an example, it integrates resources to publish content simultaneously on platforms such as Kuaishou, Douyin, and Weibo, and adjusts the title, cover, and editing style according to the user portraits of different platforms.Kuaishou users prefer grounded people's livelihood information, and Douyin users pay more attention to hot topics. This video has formulated a differentiated distribution plan based on this to achieve accurate reach. At the same time, relying on big data analysis technology, the user's browsing history, likes, comments and other behaviors are analyzed to increase the click-through rate of personalized recommendations by 20%.

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

Media accounts have gradually evolved in the direction of "down", enhancing users' sense of trust and closeness by shaping a "media person IP" with a distinct personality.The Guangming Network video channel features “in-depth cultural reporting” to form an intellectual and rational brand image; Zhongxin video has won a wide audience with “grounded” people's livelihood information.Luo Zhenyu once pointed out: “The essence of content should be a virtual personality, not a collection of information."[3] This kind of personification operation strategy makes the media no longer a cold information publisher, but an “interlocutor” with temperature and attitude.

4. Typical case analysis

As the official short video platform of the Central Radio and Television Administration, CCTV adheres to the "global perspective and Chinese perspective" in content, and takes the lead in applying cutting-edge technologies such as 4K/8K ultra-high-definition and AI synthetic anchors in technology.Its success lies in combining the high-quality content resources of traditional radio and television with the communication logic of short video platforms, which not only maintains the authority of mainstream media, but also realizes the transformation of youth and mobility.

Jiangxi Radio and Television “Today Video" has won the title of “Influential Media of the Year” for three consecutive years through Changtian News Kuaishou.Since 2024, the account has published more than 11,000 works, with a cumulative playback volume of more than 10 billion, demonstrating strong content productivity and dissemination power.Its positioning of "Jiangxi characteristics + Chinese perspective" accurately grasps the platform algorithm mechanism and user preferences, and provides a template for local mainstream media to achieve a leap in influence in the era of short videos.

5. Conclusion

In the production and dissemination of short video news, China's most influential media is undergoing a profound transformation from “communicator center” to “user center”.Through content innovation, technology empowerment, platform integration and personification operations, mainstream media has not only held the main position of public opinion, but also reshaped the image of authority in the emerging communication landscape.In the future, only by adhering to integrity and innovation, and deeply integrating the beauty of literary narrative and the convenience of communication technology, can we continue to play a leading role in the torrent of information.

References

1. China Internet Network Information Center (CNNIC). The 52nd "Statistical Report on the Development of China's Internet Network" [R]. Beijing: China Internet Network

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

Information Center, 2023.

https://www.cnnic.net.cn/n4/2023/0828/c88-10829.

2. Yu Guoming, Yang Ya. The changes and format of news dissemination in the 5G era [J]. Friends of the Editor, 2019 (09):5-10.

https://www.cnki.net/

3. Luo Zhenyu. Friends of Time 2016 New Year's Eve Speech [M]. Beijing: China Friendship Publishing Company, 2017. (Note: Luo Zhenyu's relevant theoretical views on “virtual personality” are quoted here, and the specific page number needs to be determined according to the actual cited version)

4. https://m.bilibili.com/video/BV1rs41187Pp?

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

EDUCATION AND PEDAGOGY

UDC 37.015.3:811

Bykadorova T.Y. Peculiarities of motivating generation z students to learn a foreign language

Особенности мотивации студентов поколения Z к изучению иностранного языка

Bykadorova Tatiana Yurievna,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Foreign Languages Department,
Moscow Metropolitan Governance Yury Luzhkov University.
Быкадорова Татьяна Юрьевна,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков, Московский городской университет управления Правительства Москвы имени Ю.М. Лужкова.

Abstract. *The article examines the psychological and pedagogical characteristics of the modern generation of students (Generation Z) and their impact on the process of learning a foreign language. The subject of the study is the motivational sphere of "digital" students. The idea that traditional teaching methods lose effectiveness when working with this age group, characterized by clip thinking and fluid intelligence, is substantiated. Key cognitive and behavioral traits of Generation Z, such as multitasking, visualization of perception, and pragmatism, are analyzed. As a result of the study, the most effective tools for enhancing learning motivation have been identified: gamification, project-based learning, and a democratic style of pedagogical communication. Empirical data from a survey of MSUU students confirming the theoretical findings are presented.*

Keywords: *Generation Z, motivation, foreign language, clip thinking, gamification, project-based learning, visualization, digital didactics.*

Аннотация. *В статье рассматриваются психолого-педагогические особенности современного поколения студентов (поколения Z) и их влияние на процесс обучения иностранному языку. Предметом исследования является мотивационная сфера «цифровых» студентов. Обосновывается положение о том, что традиционные методики теряют эффективность при работе с данной возрастной группой, обладающей клиповым мышлением и флюидным интеллектом. Проанализированы ключевые когнитивные и поведенческие характеристики поколения Z, такие как многозадачность, визуализация восприятия и прагматизм. В результате исследования выявлены наиболее действенные инструменты повышения учебной мотивации: геймификация, проектная деятельность и демократичный стиль педагогического общения. Приводятся эмпирические данные опроса студентов МГУУ, подтверждающие теоретические выводы.*

Ключевые слова: *поколение Z, мотивация, иностранный язык, клиповое мышление, геймификация, проектная деятельность, визуализация, цифровая дидактика.*

Рецензент: Кузьменко Наталья Ивановна, к.п.н., доцент ВАК.
ГБПОУ "Магнитогорский педагогический колледж"

Современная образовательная парадигма сталкивается с необходимостью трансформации методов обучения в связи со сменой поколенческих психотипов. Теория поколений была разработана в 1991 году американскими исследователями — историком Уильямом Штраусом (William Strauss) и демографом Нейлом Хоувом (Neil

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

Howe) и изложена в их фундаментальном труде «Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069». В ходе анализа истории США Н. Хоув и В. Штраус пришли к выводу, что люди, рождённые в один и тот же временной период, обладают схожими ценностями и моделями поведения. При этом их взгляды и привычки существенно отличаются от тех, которые были свойственны представителям предыдущих поколений [21, с. 84]. Эти различия обусловлены особенностями социально-экономической и политической среды, в которой проходило взросление и становление личности.

В основе теории поколений лежит идея цикличности. Авторы полагают, что история движется не по прямой линии, а по спирали, образуя повторяющиеся восьмидесятилетние циклы. Каждый такой цикл включает смену четырёх поколений. По завершении полного цикла появляется поколение, чьи ценности во многом напоминают ценности людей, живших в аналогичной фазе предыдущего цикла. Таким образом, именно цикличная смена поколений, с точки зрения исследователей, выступает одной из движущих сил исторических и социальных изменений.

На основе своей теории У. Штраус и Н. Хоув выделили ряд поколений, каждое из которых обладает уникальными характеристиками, сформированными под влиянием ключевых событий эпохи их взросления. Несмотря на то, что границы поколений часто являются предметом дискуссий, в научной и практической среде утвердилась следующая периодизация:

- **Поколение Беби-бумеров** (1946–1964). Становление данной когорты протекало на фоне послевоенного экономического подъёма, общественной стабильности и активного распространения потребительской модели поведения.
- **Поколение X** (1965–1982). Социализация представителей этой группы пришлась на этап экономических спадов, политической неопределённости и начальной фазы технологической революции, связанной с внедрением первых информационных систем.
- **Поколение Y (Миллениалы)** (1983–2000). Взросление данных индивидов совпало с процессами глобализации, ускоренным развитием интернет-технологий и мобильной связи, что сделало их очевидцами и непосредственными участниками перехода к цифровой эпохе.
- **Поколение Z (Зумеры или Центениалы)** (2000–2010). Данная возрастная когорта представляет собой первое поколение, чьё раннее развитие и вхождение в социум осуществлялись в условиях уже сложившейся и повсеместно доступной цифровой среды, что обусловило формирование у них отличительных когнитивных и поведенческих характеристик.

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

- **Поколение Альфа** (с 2011 по настоящее время). Социализация этой группы протекает в среде, отличающейся ещё более глубокой технологической интеграцией во все сферы жизни. Вопрос о том, каким образом данные условия повлияют на систему их ценностей и мыслительные стратегии, остаётся на сегодняшний день открытым и требует дальнейшего научного осмысления.

Важно отметить, что теория поколений, сформулированная Н. Хоувом и В. Штраусом, не является универсальным шаблоном, применимым без изменений к любой стране. Исторические, политические и социально-экономические события, формирующие ценности, обладают ярко выраженной национальной спецификой. Осознавая это, команда российских исследователей под руководством Евгении Шамис и Алексея Антипова в 2003–2004 гг. предприняла масштабную работу по адаптации данной концепции для России [19, с. 23]. Ими был основан проект «RuGenerations – Теория поколений в России», который на сегодняшний день является ведущим исследовательским центром в этой области, накопившим базу из более чем 6000 групповых исследований [18].

Ключевая задача адаптации заключалась в соотнесении глобальных поколенческих архетипов с конкретными вехами российской истории, которые оказали решающее влияние на формирование мировоззрения граждан. Исследователи скорректировали временные границы поколений, «наложив» их на такие ключевые для нашей страны события, как период «застоя», перестройка, распад СССР, экономическая и политическая турбулентность 90-х годов, а также последовавшая за ними стабилизация 2000-х гг. [19, с. 45]. При этом был сохранён фундаментальный принцип теории: глубинные ценности человека формируются под влиянием макросреды в возрасте приблизительно до 10–12 лет.

Именно с этих позиций российскими исследователями обосновывается нижняя граница поколения Z в России, которая часто сдвигается к 2003 г., в отличие от 1995–2000 гг. в западной традиции. Данная датировка связывается с началом периода, когда персональные компьютеры, мобильные устройства с сенсорными экранами и доступный интернет стали не просто атрибутом, а повсеместной и неотъемлемой частью быта, в том числе в процессе воспитания детей, что и обусловило их социализацию в принципиально иной, цифровой среде [1, с. 19].

Таким образом, теория поколений дает педагогу необходимый инструментарий для понимания того, что современный студент — это не просто «другой» человек, а представитель определенной исторической эпохи, чьи ценности, мотивация и способы взаимодействия с информацией фундаментально отличаются от опыта предыдущих поколений. Учет этих особенностей является обязательным условием для создания

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

эффективной образовательной среды и выбора действенных методик обучения, в особенности иностранному языку.

Поколение Z (подростки и молодёжь в возрасте 14–23 лет) представляет собой первое в истории поколение, чьё рождение и социализация полностью пришлись на эпоху глобализации и постмодернизма. Представители данного поколения выросли в условиях цифровой революции и с раннего детства интегрировали цифровые устройства в повседневную жизнь [3, с. 115]. Они отличаются любознательностью, открытостью к современным технологиям и виртуальной коммуникации, быстро и легко усваивают новую информацию [14, с. 72].

С точки зрения психологии развития, для центениалов характерен так называемый **флюидный интеллект** — способность гибко адаптироваться к новым, нестандартным задачам, оперативно анализировать изменяющиеся условия и находить решения вне рамок усвоенных ранее алгоритмов. В отличие от кристаллизованного интеллекта, основанного на накопленных знаниях и опыте, флюидный интеллект определяет скорость и точность обработки информации в непривычных ситуациях, а также склонность к многозадачности [10, с. 8]. Благодаря этой особенности представители поколения Z легко осваивают цифровые интерфейсы и предпочитают визуальный контент текстовому [22, с. 29].

Однако цифровая среда, в которой происходит взросление данного поколения, порождает и ряд негативных последствий. Как отмечает И.А. Баева, увлечённость виртуальной средой приводит к формированию **клипового мышления** — восприятия мира через короткие, яркие образы, что провоцирует дефицит внимания, неспособность к длительной концентрации и снижение критического мышления [2, с. 12]. Непрерывный поток текстовых, визуальных и видеоматериалов в цифровом пространстве затрудняет для них идентификацию источников, сочетающих верифицированность и содержательную пользу [9, с. 91].

Кроме того, постоянное присутствие в жизни представителей поколения Z различных коммуникационных устройств делает ненужным накопление и сохранение знаний в памяти по причине их постоянного лёгкого доступа, вследствие чего возникает нежелание осваивать большие тексты, а предпочтение отдаётся малым объёмам информации. Регулярное восприятие динамично обновляющегося визуального контента с экранов компьютеров и смартфонов ведёт к тому, что у центениалов преобладает краткосрочное запоминание, а усвоение знаний приобретает неглубокий, фрагментарный характер [4, с. 38].

При общении центениалы предпочитают использовать различные изображения, фотографии, смайлики, отдавая предпочтение текстовым сообщениям, а не устной

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

коммуникации. В связи с этим их можно считать более склонными к визуализации в познавательных процессах. Студенты поколения Z предпочитают предварительно посмотреть, как другой человек выполняет действие или задание, прежде чем делать это самостоятельно [11, с. 54]. Возможность визуально увидеть концепцию, представленную в видеоматериале, а не прочитать о ней, позволяет им понять ожидания, необходимые для успешного выполнения поставленной задачи.

Следует отметить, что представители данного поколения более заинтересованы в эффективности использования своего времени. Для них является важным обучение практически полезным знаниям, которые они затем могли бы применять непосредственно в своей профессиональной деятельности.

Для преподавателя иностранного языка эти особенности создают двойственную ситуацию. С одной стороны, студенты Z открыты новому, любознательны и технически оснащены. С другой — классические упражнения на грамматику и чтение объёмных текстов вызывают у них скуку и отторжение, так как вступают в конфликт с привычным способом потребления информации [8, с. 200]. В этой связи мотивация к изучению языка напрямую зависит от способности педагога говорить с поколением Z на «их языке» — языке технологий, краткости и прагматичной пользы.

Проведенное теоретическое исследование, а также данные опроса 50 студентов бакалавриата направления подготовки «Международные отношения» Московского городского университета управления Правительства Москвы им. Ю.М. Лужкова (МГУУ) позволили выделить следующие приоритетные направления повышения мотивации во время занятий по иностранному языку.

Одним из базовых условий успешной работы со студентами поколения Z выступает поддержание **динамичного ритма учебного занятия**. Как отмечают исследователи, центениалы, выросшие в среде с высокой скоростью обновления информации, испытывают трудности при длительном удержании внимания на однотипной деятельности и требуют регулярной смены видов работы. В этой связи методически оправданным становится чередование различных форм учебной активности в рамках одного занятия: письменные упражнения сменяются устной коммуникацией, аудирование — чтением, индивидуальная работа — парной или групповой. Такая ротация не только предотвращает когнитивное пресыщение, но и способствует более глубокой проработке языкового материала за счёт его многоканального восприятия.

Эмоциональная насыщенность занятия достигается за счёт использования ярких, запоминающихся примеров, аутентичных материалов, вызывающих живой отклик, а также создания доброжелательной атмосферы, в которой студент не боится совершить ошибку. Как подчеркивается в исследованиях, положительный эмоциональный фон

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

способствует выработке дофамина, что, в свою очередь, усиливает запоминание и формирует устойчивую ассоциативную связь между изучением языка и позитивными переживаниями [5, с. 347].

Личность преподавателя, его **педагогический стиль** и межличностные навыки оказывают существенное влияние на мотивацию студентов и их учебную деятельность. У представителей поколения Z нарушено понимание иерархических отношений из-за снижения авторитета старших поколений вследствие смены ролей в межпоколенческой коммуникации — теперь родители учатся у детей ориентироваться в новых технологиях. Поэтому наиболее подходящим стилем преподавания для студентов Z является демократичный. Он ориентирован на взаимодействие и сотрудничество, позволяет студентам чувствовать себя комфортно и активно участвовать в образовательном процессе [16, с. 83].

Эмпатия, терпение, умение слушать и понимать студентов, а также способность к позитивной и конструктивной обратной связи способствуют созданию благоприятной атмосферы. Позитивный настрой и оптимизм преподавателя также заразительны и могут дополнительно положительно влиять на настроение и мотивацию студентов. Таким образом, авторитет педагога основывается не на формальном статусе, а на экспертности и эмпатии. Согласно опросу, наиболее ценными качествами преподавателя студенты назвали открытость (85%), умение давать конструктивную обратную связь (72%) и индивидуальный подход (68%). Демократичный стиль общения, при котором преподаватель выступает в роли наставника и модератора дискуссии, а не транслятора знаний, создает комфортную атмосферу для преодоления языкового барьера [20, с. 245].

Особое значение приобретают **визуальные форматы представления учебного материала**. В условиях доминирования визуального канала восприятия у современных студентов использование иллюстраций, видеоматериалов и инфографики становится не просто желательным дополнением, а необходимым условием эффективного обучения. Как отмечает И.В. Угликова, в современной лингводидактике происходит трансформация роли визуальных форм передачи информации: визуальные элементы (инфографика, схемы, ментальные карты, видеоконтент) перестают быть вспомогательным средством и приобретают статус самостоятельного когнитивного инструмента, способствующего формированию устойчивых ассоциативных связей между языковым явлением и его смысловым наполнением. Кроме того, качественная визуализация позволяет сформировать прочные ассоциативные связи между объектом или понятием и иноязычным словом, что особенно важно при работе с профессионально-ориентированной лексикой [17].

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

Для поколения Z характерен выраженный прагматизм: студенты заинтересованы в получении практически полезных знаний, которые могут быть непосредственно применены в будущей профессиональной деятельности. Ввиду этого предлагаемые упражнения и задания должны быть связаны с реальными жизненными ситуациями, интересами студентов и их профессиональными целями. Методически это может быть реализовано через использование кейс-технологий, моделирование ситуаций профессионального общения, анализ аутентичных текстов по специальности, а также проектную деятельность, в рамках которой студенты решают конкретные практические задачи с применением изучаемого языка. Как подчёркивает Е.С. Полат, **метод проектов** позволяет органично интегрировать языковую подготовку с развитием универсальных и профессиональных компетенций, что существенно повышает субъективную значимость изучаемого материала и укрепляет внутреннюю мотивацию обучающихся [13, с. 8]. Создание видеопрезентаций, инфографики или мини-подкастов на иностранном языке позволяет связать теорию с реальной коммуникативной задачей. Результаты опроса показали, что 78% респондентов предпочитают просмотр и обсуждение видеороликов традиционному пересказу текста.

Применение **геймификации** в обучении иностранному языку рассматривается современными исследователями как эффективный методический приём, отвечающий когнитивным и психологическим особенностям поколения Z. Под геймификацией понимается интеграция игровых элементов (баллы, рейтинги, уровни, награды) в неигровой образовательный контекст с целью усиления вовлечённости и мотивации обучающихся [16, с. 136].

Использование игровых меиодик способствует не только развитию духа соперничества, но и формированию навыков командной работы, поскольку многие геймифицированные задания предполагают коллективное выполнение и распределение ролей. Кроме того, решение проблемных ситуаций в рамках игровых сценариев стимулирует развитие критического мышления, требуя от студентов не пассивного восприятия информации, а активного применения знаний в нестандартных условиях [12, с. 38].

Важным преимуществом геймификации является обеспечение высокого уровня интерактивности и оперативной обратной связи. Студенты получают возможность применить языковые навыки на практике и немедленно оценить свои достижения, что создаёт ощущение прогресса и способствует более глубокому погружению в языковую среду. Как отмечает А.С. Сарсенова, эмпирические исследования подтверждают, что внедрение игровых элементов в обучение английскому языку положительно воспринимается большинством студентов поколения Z и приводит к повышению

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

учебной мотивации по сравнению с традиционными методами [15, с. 628].

В таблице 1 представлено обобщенное распределение предпочтений студентов относительно видов учебной деятельности на занятиях по иностранному языку (на основе опроса студентов МГУУ, n=50).

Таблица 1

Предпочтения студентов поколения Z в выборе учебных активностей

Вид деятельности	Доля студентов, %
Просмотр и обсуждение видеороликов / фильмов	82
Командные игры и квизы (геймификация)	76
Работа над проектами (презентации, кейсы)	68
Чтение и обсуждение коротких статей / постов	54
Выполнение письменных грамматических упражнений	22
Чтение и пересказ больших текстов	14

Таким образом, мотивация студентов поколения Z к изучению иностранного языка неразрывно связана с внедрением цифровой дидактики и сменой педагогического дизайна занятия. Игнорирование особенностей клипового мышления и потребности в визуализации неизбежно ведет к снижению академической успеваемости. Напротив, использование геймификации, проектных методик и партнерского стиля общения позволяет не только удержать внимание «цифровых» студентов, но и сформировать устойчивую внутреннюю мотивацию к изучению языка как инструмента профессионального и личностного роста. Дальнейшие исследования в этой области видятся в разработке конкретных сценариев учебных занятий, интегрирующих элементы микрообучения (microlearning) и иммерсивных технологий.

References

1. Антипов А.А., Шамис Е.М. Ценности поколения Z в российском контексте // Социологические исследования. – 2020. – № 5. – С. 18–25. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43829112 (дата обращения: 13.04.2026).

2. Баева И.А., Якиманская И.С. Мониторинг психологической безопасности образовательной среды и качества образования в условиях модернизации // Психологическая наука и образование. – 2023. – № 6. – С. 10–15. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=pzrndb (дата обращения: 3.04.2026).

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

3. Бухарбаева А.Р., Сергеева Л.В. Клиповое мышление поколения Z: методы развития творческого потенциала студентов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. – 2020. – Т. 17. – № 1. – С. 110–125. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/klipovoe-myshlenie-pokoleniya-z-metody-razvitiya-tvorcheskogo-potentsiala-studentov (дата обращения: 10.03.2026).

4. Гиренок Ф.И. Клиповое мышление. – М.: Академический проект, 2016. – 249 с. URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01008654321 (дата обращения: 13.03.2026).

5. Дирина А.И. Геймификация в образовании: сущность и перспективы применения // Молодой ученый. – 2017. – № 21. – С. 346–349. URL: https://moluch.ru/archive/155/43791/ (дата обращения: 10.04.2026).

6. Загвязинский В.И. Современная образовательная ситуация и задачи модернизации российского образования // Народное образование. – 2019. – № 3. – С. 81–97. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-obrazovatelnaya-situatsiya-i-zadachi-modernizatsii-rossiyskogo-obrazovaniya (дата обращения: 10.04.2026).

7. Зимняя И.А. Педагогическая психология: учебник для вузов. – 3-е изд., пересмотр. – М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2010. – 448 с. URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01004321789 (дата обращения: 3.02.2026).

8. Игнатьева М.Н., Стамбульчик Э.В. Системный подход к определению качества образования // Журнал экономической теории. – 2012. – № 4. – С. 199–201. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=18282156 (дата обращения: 1.04.2026).

9. Исаева М.А. Поколения кризиса и подъема в теории В. Штрауса и Н. Хоува // Знание. Понимание. Умение. – 2011. – № 3. – С. 290–295. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pokoleniya-krizisa-i-podema-v-teorii-v-shtrausa-i-n-houva (дата обращения: 1.04.2026).

10. Кулакова А.Б. Поколение Z: теоретический аспект // Вопросы территориального развития. – 2018. – № 2 (42). – С. 1–10. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pokolenie-z-teoreticheskiy-aspekt (дата обращения: 3.04.2026).

11. Нечаев В.Д., Дурнева Е.Е. «Цифровое поколение»: психолого-педагогическое исследование проблемы // Педагогика. – 2016. – № 1. – С. 36–45. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25656789 (дата обращения: 1.03.2026).

12. Орлова О.В., Титова В.Н. Геймификация как способ организации обучения // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2015. – № 9 (162). – С. 60–64. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/geymifikatsiya-kak-sposob-organizatsii-obucheniya (дата обращения: 11.04.2026).

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

13. Полат Е.С. Метод проектов на уроках иностранного языка // Иностранные языки в школе. – 2000. – № 2. – С. 3–10. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9203456 (дата обращения: 10.04.2026).

14. Сапа А.В. Поколение Z — поколение эпохи ФГОС // Инновационные проекты и программы в образовании. – 2014. – № 2. – С. 70–75. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pokolenie-z-pokolenie-epohi-fgos (дата обращения: 13.03.2026).

15. Сарсенова А.С. Геймификация в обучении английскому языку как средство повышения учебной мотивации у студентов // Молодой учёный. – 2025. – № 49 (600). – С. 626–630. URL: https://moluch.ru/archive/600/130825 (дата обращения: 13.04.2026).

16. Титова С.В., Чикризова К.В. Геймификация в обучении иностранным языкам: психолого-дидактический и методический потенциал // Педагогика и психология образования. – 2019. – № 1. – С. 135–152. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/geymifikatsiya-v-obuchenii-inostrannym-yazykam-psihologo-didakticheskiy-i-metodicheskiy-potentsial (дата обращения: 13.04.2026).

17. Угликова И.В. Визуальные формы передачи информации в преподавании иностранного языка в университете // Теория и практика становления информационной культуры личности в мире и Беларуси: сб. науч. ст. – Минск: БГТУ, 2025. – С. 370–375. URL: https://elib.belstu.by/handle/123456789/74065 (дата обращения: 1.04.2026).

18. Шамис Е.М. Теория поколений: как приручить «зумеров» и «альф» // Forbes Club. – 2024. – 8 мая. URL: https://www.forbes.ru/club/538816-issledovatel-evgenia-samis-u-kazdogo-pokolenia-svoa-kartina-mira (дата обращения: 1.04.2026).

19. Шамис Е.М., Никонов Е.В. Теория поколений: Необыкновенный Икс. – М.: Университет Синергия, 2018. – 184 с. URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01009654321 (дата обращения: 1.04.2026).

20. Шамова Т.И., Давыденко Т.М., Шибанов Г.Н. Управление образовательными системами: учебное пособие. – М.: Академия, 2007. – 382 с. URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01003185608 (дата обращения: 3.04.2026).

21. Howe N., Strauss W. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. – New York: William Morrow & Company, 1991. – 538 p. URL: https://www.google.ru/books/edition/Generations/ftadAAAAMAAJ (дата обращения: 13.02.2026).

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

UDC 347.965

Elmurzaev S.M., Kataev U.Sh. Career guidance for a lawyer: how to properly present your legal profession and help you make the right choice

Профориентация адвоката: как правильно презентовать адвокатскую профессию и помочь сделать правильный выбор

Elmurzaev Saidamin Musaevich,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure at the A.A. Kadyrov Chechen State University, Attorney at the Chechen Republic Bar Association "KK"
Kataev Umar Shamilyevich,
Attorney at the "KK" Bar Association, the Bar Association of the Chechen Republic
Эльмурзаев Сайдамин Мусаевич,
Кандидат юридических наук, Доцент кафедры гражданского права и процесса Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова, адвокат коллегии адвокатов Чеченской Республики "КК"
Катаев Умар Шамильевич,
Адвокат коллегии адвокатов "КК", Адвокатской палаты Чеченской Республики

Abstract. *In this study, the author considers the actual problem of professional orientation of young people in the legal profession in modern conditions. It should be noted that, despite the traditionally high prestige of the legal profession in the public consciousness, today there is a certain shortage of young professionals who are ready to link their fate with the bar. In the article, the author analyzes various approaches to the presentation of the legal profession, paying special attention to the historical experience and the role of outstanding personalities in the formation of an attractive image of a lawyer. The paper consistently reveals the significance of such legendary figures of the Russian legal profession as Fyodor Plevako, Anatoly Koni, and Heinrich Padva, whose professional path can serve as a guide for future generations of lawyers. At the same time, the author critically reflects on the influence of the media space and popular programs on the formation of young people's ideas about the legal profession, rightly pointing out the danger of excessive romanticization of legal activity. Of particular value is the aspect of research that raises questions about the personal readiness of future specialists for the real conditions of professional activity, including the monotony of work, moral dilemmas and the need for constant professional development.*

Keywords: *professional orientation, lawyer's profession, lawyer's activity, image of a lawyer, professional path of a lawyer, ideas about the lawyer's profession, professional development of a lawyer.*

Аннотация. *В настоящем исследовании, автором рассматривается актуальная проблема профессиональной ориентации молодежи, в адвокатскую деятельность, в современных условиях. Необходимо отметить, что, несмотря на традиционно высокий престиж юридической профессии в общественном сознании, сегодня наблюдается определенный дефицит молодых специалистов, готовых связать свою судьбу с адвокатурой. В рамках статьи, автор анализирует различные подходы к презентации адвокатской профессии, уделяя особое внимание историческому опыту и роли выдающихся личностей, в формировании привлекательного образа адвоката. В работе последовательно раскрывается значение таких легендарных фигур отечественной адвокатуры, как Федор Плевако, Анатолий Кони, Генрих Падва, чей профессиональный путь, может служить ориентиром, для будущих поколений юристов. Вместе с тем, автор критически осмысливает влияние медиапространства и популярных передач, на формирование представлений молодежи о юридической профессии, справедливо указывая на опасность чрезмерной романтизации адвокатской деятельности. Особую ценность, представляет аспект исследования, где поднимаются вопросы личностной готовности будущих специалистов к реальным условиям профессиональной деятельности, включая монотонность работы, моральные дилеммы и необходимость постоянного профессионального развития.*

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

Ключевые слова: *профессиональная ориентация, профессия адвоката, адвокатская деятельность, образ адвоката, профессиональный путь адвоката, представления о профессии юриста, профессиональное развитие адвоката.*

Рецензент: Кузьменко Наталья Ивановна, к.п.н., доцент ВАК.
ГБПОУ "Магнитогорский педагогический колледж"

«Адвокатом быть престижно, адвокатом быть почетно» – несмотря на такую устоявшуюся в общественном мнении позицию сегодня юридическая профессия не выделяется знаменитыми именами и громкими историческими кейсами. Генрих Падва, Генри Резник, Анатолий Кучерена, Павел Астахов и другие – все это яркие представители современной российской адвокатуры, но среди них практически нет молодежи. Как сделать адвокатскую профессию привлекательной для будущего специалиста, как правильно профориентировать и презентовать? Вопрос остается открытым.

С точки зрения проведения различных профориентационных мероприятий юридическая профессия сама по себе сложна, поскольку во многом теоретизирована. В такой ситуации грамотным педагогическим ходом представляется либо «выход за пределы» учебной аудитории, либо активное привлечение к образовательному процессу известных личностей. Идеальный вариант – сочетание обоих перечисленных выше приемов. [1]

Собственно, для адвокатской профессии профориентация через известных представителей всегда была «визитной карточкой», благо история российской адвокатуры продолжительная, сложная, насыщенная. Например, Фёдор Плевако, которого по праву считали легендой отечественной адвокатуры времен империи. Плевако блестяще владел ораторским искусством, сегодня одной из самых престижных наград для российского адвоката является линейка наград имени Ф.Н. Плевако – Золотая и Серебряная медали имени Ф.Н. Плевако, Бронзовый бюст Ф.Н. Плевако. В историю Плевако вошел также как автор самой короткой адвокатской речи.

Или, например, Анатолий Кони, ставший легендой профессии после участия в деле Веры Засулич – революционерки, которая в 1877 году осуществила покушение на убийство градоначальника Петербурга Фёдора Трепова.

«Я председательствую всего третий раз в жизни, ошибки возможны и, вероятно, будут, но делать их сознательно я не стану, считая это совершенно несогласным с достоинством судьи!» (Анатолий Кони, из судебной речи)

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

Хотя для карьеры Анатолия Кони участие в деле закончилось трагично, тем не менее, Засулич была признана судом присяжных невиновной, а имя Кони навеки вошло в историю отечественной адвокатуры, где остается значимым и по сей день.

Из выдающихся адвокатов современности особенно хочется привести в пример недавно умершего Генриха Падву, отдавшего более 70 лет адвокатской практике, которую начал, по собственным же замечаниям, в год смерти Иосифа Сталина. В профессиональном прошлом Падвы – и громкие судебные разбирательства доверителей – российских и зарубежных компаний, и представительство интересов публичных лиц (Ольга Ивинская, Вячеслав Иваньков, Владимир Высоцкий, семья Андрея Сахарова и другие), и более простые, незаметные гражданские и уголовные дела – да, в отдельных случаях, несмотря на статус одного из самых высокооплачиваемых адвокатов России, Падва работал бесплатно. [2]

«Генрих – юрист высочайшей пробы. И без преувеличения – выдающийся адвокат. Ему присуще качество, которые, увы, сейчас, уходит, к великому сожалению. Это высочайшая правовая культура. Дело в том, что Падва беззаветно предан профессии». (Генри Резник, адвокат, преподаватель)

К сожалению, последние несколько лет ввиду тяжелой болезни адвокатской профессией Генрих Падва уже не занимался.

Итак, презентация уникальной работы адвоката через персоналии, как мы видим, это реальный процесс, причем эффективный с точки зрения достижения результата. Ориентирование на конкретную успешную личность, особенно – вошедшую в историю отечественного права и адвокатской практики благодаря своей работе, – это тонкий психолого-педагогический ход, который действует на подсознательном уровне. Психологи отмечают: зачастую именно известность, публичность, какая-либо медийная активность презентации той или иной профессии приводит к повышению интереса к ней молодого поколения. Например, нашумевшие в советское время сериалы о милиции «Место встречи изменить нельзя», «Следствие ведут знатоки» и другие, в конце 90-х – легендарный сериал «Улицы разбитых фонарей» и его последователи привели к ощутимому росту абитуриентов, поступающих в юридические и милицейские вузы. Активно «продвигает» судебно-следственную, адвокатскую практику сериал «Тайны следствия». [3]

Все это – об интересе к профессии, о том, чтобы показать ее увлекательной и сложной загадкой, которую так интересно разгадывать. Да, адвокатская профессия, как и любое другое направление в юриспруденции, – это сложная, зачастую монотонная работа, не ежедневно яркая, насыщенная и разнообразная. Это нельзя исключать, к этому нужно заранее готовить. Тем не менее, акцент в презентации профессии адвоката

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

нужно сделать именно на ярких, интересных моментах, на том, к какой цели может прийти специалист, если выберет данную стезю, а также на привлекательных моментах самого процесса. Жизнь – это путь, и он должен нравится.

В профориентации на адвоката (как, собственно, и на любого другого юриста) важно учитывать еще момент готовности будущего специалиста к профессии, его понимание того, как будет происходить работа на самом деле. Да, невероятно эффективны сериалы и медиа с точки зрения представления юридической профессии, однако здесь, что называется, палка о двух концах. Такие проекты в своем большинстве излишне романтизируют работу юриста, адвоката, из-за чего выпускник юрфака, приходя на реальную службу, может столкнуться буквально с разрушением иллюзий. А у тебя уже диплом, профессия и необходимость идти по колее вперед… Поэтому в профориентации важно учитывать психологический момент, обратить внимание на вопросы: [4]

– насколько я готов к монотонной, однообразной работе? к тому, что изо дня в день долгое время я буду заниматься одним и тем же?

– насколько я готов к сложным, неоднозначным делам, способным вызвать во мне серьезный моральный конфликт? (Например, в рамках статьи 50 Уголовно-процессуального кодекса России адвокат действует по назначению, т.е., не имеет права выбора, чьи именно интересы ему защищать). Статья 46 Конституции России обязует иметь защитника и убийцу, и педофила, и насильника.

– насколько я готов постоянно обучаться, развиваться, совершенствоваться? Юридическая профессия сама по себе «не стоит на месте», постоянно меняется, реформируется – собственно, как и само право, поэтому настоящий юрист, адвокат обязан находится в динамичном развитии, не избегать его.

– обладаю ли я достаточным уровнем ответственности, внимательности, организованности и другими качествами, крайне важными для профессии адвоката?

То есть, прежде чем выбирать профессию адвоката, будущему специалисту следует не слепо следовать увиденному где-то красивому шаблону, а взвесить все плюсы и минусы, все характеристики и особенности профессии. Важный момент – собственное ее понимание и готовность к профессии как сегодня, так и в будущем (профессиональное выгорание никто не отменял, а для юридического сообщества это довольно распространенное явление). И здесь рекомендации остановиться и задуматься будут актуальными, скорее, не для самих будущих адвокатов, а для их родителей, которые также в большинстве случаев «наблюдают» адвокатскую профессию со стороны, не понимают, с чем именно в работе придется столкнуться далее их детям. [5]

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

Таким образом, для грамотной презентации адвокатской профессии необходимо рассматривать ее как комплексную работу, которая включает одновременно и плюсы, и минусы. Нужно не излишне романтизировать профессию, но при этом и не показывать адвокатуру как нечто скучное, страшное, муторное. Все это направлено на презентацию адвокатской профессии как она есть в реальности, в ее истинном свете.

Одновременно важно определить, насколько будущий специалист готов к профессии, обладает ли он необходимыми личностными качествами, характеристиками, моральной готовностью к тем или иным сложным вопросам, с которыми может столкнуться в будущем. Только так возможно и правильно презентовать адвокатскую профессию, и помочь сделать верный выбор. [6]

Подводя итоги проведенного исследования, следует подчеркнуть, что, эффективная профориентация в адвокатскую профессию, требует комплексного и сбалансированного подхода. Безусловно, опора на исторические примеры выдающихся адвокатов, остается мощным инструментом привлечения молодежи в профессию, поскольку яркие личности всегда вдохновляли и будут вдохновлять новые поколения специалистов. Тем не менее, крайне важно избегать односторонней идеализации адвокатской деятельности, которая нередко формируется под влиянием медиапродукции и массовой культуры. Представляется необходимым показывать профессию во всей ее полноте, честно рассказывая, как о захватывающих моментах судебных баталий, так и о рутинной, кропотливой работе с документами и законодательством.

Будущий адвокат, должен заранее осознавать те моральные вызовы, с которыми ему предстоит столкнуться. Так же адвокат должен понимать специфику работы в условиях постоянно меняющегося правового поля и быть готовым к непрерывному самосовершенствованию.

Таким образом, грамотная профориентация в профессию адвоката, должна строиться на принципах объективности, честности и всесторонности представления профессии. Только при таком подходе, возможно привлечь в адвокатуру действительно мотивированных, подготовленных молодых специалистов, способных не только войти в профессию, но и достойно продолжить славные традиции российской адвокатуры, заложенные выдающимися предшественниками.

References

1. Григорьева, Н. В. Адвокат: становление от студента до профессионала / Н. В. Григорьева, Ю. А. Качиури // Ученый совет. – 2022. – № 12. – С. 758-762.

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

2. Гармаев, Ю. П. Ошибочные ожидания и заблуждения по поводу работы "уголовного" адвоката / Ю. П. Гармаев, В. В. Савцов // Евразийская адвокатура. – 2021. – № 4(53). – С. 59-64.

3. Кырлан, М. Профессиональная нравственная деформация юристов как угроза общественной безопасности: новые вызовы для системы образования / М. Кырлан // Вопросы безопасности. – 2024. – № 2. – С. 67-80.

4. Матвийчук, С. Б. Профессиональная этика адвоката / С. Б. Матвийчук // Актуальные проблемы гражданского права. – 2023. – № 2(22). – С. 184-194.

5. Джахбаров, Ю. А. Профессиональная этика и репутация в деятельности адвоката / Ю. А. Джахбаров // Репутациология. – 2023. – № 3-4(69-70). – С. 9-13.

6. Дашков, Г. В. К портрету профессионала, юриста высокого класса / Г. В. Дашков // Закон и право. – 2021. – № 9. – С. 222-224.

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

UDC 37

Goncharenko E.S. Current trends in professionally-oriented foreign language teaching in Russian universities

Современные тенденции профессионально-ориентированного обучения иностранному языку в российских вузах

Goncharenko Elena Stanislavovna,
PhD in Economics, Associate Professor, Department of Foreign Languages, MADI (Moscow Automobile and Road Construction State University), Moscow, Russia
MTUCI (Moscow Technical University of Communications and Informatics), Moscow, Russia
Гончаренко Елена Станиславовна,
кандидат экономических наук, доцент кафедры "Иностранные языки" МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный университет), Россия, г. Москва
МТУСИ (Московский Технический Университет Связи и Информатики), Россия, г. Москва

Abstract. *This study is devoted to the analysis of current trends in professionally oriented foreign language teaching in Russian higher educational institutions. The aim of the study is to identify and systematize key areas of transformation of language training of specialists in the context of changing requirements of the labor market and educational policy. When writing this article, the author used the following methods of scientific knowledge: theoretical analysis of scientific literature, synthesis, comparison and generalization of pedagogical experience. The main results of the study show that modern professionally-oriented foreign language teaching is characterized by: increased digitalization, integration of subject-language training, a shift in emphasis on communicative competence in a professional context, as well as the active introduction of hybrid formats. The author concludes that there is a need for a systematic rethinking of the methodological foundations of language training in higher education, taking into account the current challenges of the professional environment.*

Keywords: *professionally-oriented foreign language teaching, language training in higher education, digitalization of education, CLIL, communicative competence, English for special purposes, hybrid learning.*

Аннотация. *Настоящее исследование посвящено анализу современных тенденций, профессионально-ориентированного обучения иностранному языку, в российских высших учебных заведениях. Цель исследования – выявить и систематизировать, ключевые направления трансформации языковой подготовки специалистов, в условиях меняющихся требований рынка труда и образовательной политики. При написании данной статьи, автором применялись следующие методы научного познания: теоретический анализ научной литературы, синтез, сравнение и обобщение педагогического опыта. Основные результаты исследования, показывают, что современное профессионально-ориентированное обучение иностранному языку, характеризуется: усилением цифровизации, интеграцией предметно-языкового обучения, смещением акцента на коммуникативную компетентность в профессиональном контексте, а также, активным внедрением гибридных форматов. Автором сделан вывод, о необходимости системного переосмысления методологических основ языковой подготовки в вузе, с учётом актуальных вызовов профессиональной среды.*

Ключевые слова: *профессионально-ориентированное обучение иностранному языку, языковая подготовка в вузе, цифровизация образования, CLIL, коммуникативная компетенция, английский для специальных целей, гибридное обучение.*

Рецензент: Кузьменко Наталья Ивановна, к.п.н., доцент ВАК.
ГБПОУ "Магнитогорский педагогический колледж"

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

Введение

Вопрос о том, каким должно быть иноязычное образование в высшей школе, никогда не терял своей остроты, и сегодня, пожалуй, он стоит особенно остро. Современный рынок труда, предъявляет к выпускникам российских вузов, требования, которые ещё 10–15 лет назад, казались избыточными: свободное владение профессиональным дискурсом на иностранном языке; умение вести переговоры с зарубежными партнёрами; читать и создавать научные тексты; работать в мультикультурных командах. Всё это, делает профессионально-ориентированное обучение иностранному языку, не факультативным дополнением к образовательной программе, а её органичной и неотъемлемой составляющей. [1]

Несмотря на обширную научную базу, целостного осмысления современных тенденций профессионально-ориентированного обучения иностранному языку в российских вузах, с учётом реалий 2024–2026 годов, в литературе явно недостаточно. Именно это обстоятельство и определяет научную новизну настоящего исследования. В данной работе, автором предпринята попытка, систематизировать актуальные направления трансформации профессионально-ориентированного языкового образования, в их взаимосвязи и взаимообусловленности.

Цель исследования – выявить и охарактеризовать ключевые тенденции профессионально-ориентированного обучения иностранному языку, в российских высших учебных заведениях, на современном этапе.

Теоретическая значимость исследования, состоит в авторской систематизации и концептуализации, современных тенденций профессионально-ориентированного обучения иностранному языку, как целостного педагогического явления. Практическая значимость исследования, определяется возможностью использования полученных автором результатов, при разработке рабочих программ дисциплины «Иностранный язык» для неязыковых специальностей, а также при совершенствовании методической работы кафедр иностранных языков.

Материалы и методы исследования

Материалом для настоящего исследования, послужили научные публикации в рецензируемых журналах, включённых в базы данных РИНЦ и ВАК; нормативные документы в сфере высшего образования Российской Федерации, в том числе Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования (ФГОС ВО 3++) и профессиональные стандарты; аналитические материалы Министерства науки и высшего образования РФ; образовательные программы ведущих российских университетов.

Методологическую основу исследования, составляет системный подход, позволяющий рассматривать профессионально-ориентированное обучение

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

иностранному языку, как многоуровневое и многокомпонентное явление, элементы которого находятся в постоянном взаимодействии. Так, компетентностный подход, закреплённый в ФГОС ВО, задаёт нормативную рамку для анализа целей и результатов языковой подготовки специалистов. Кроме того, был использован деятельностный подход, восходящий к трудам Л. С. Выготского и А. Н. Леонтьева, обеспечивает понимание механизмов формирования иноязычной компетентности в контексте профессиональной деятельности.

В числе конкретных методов исследования использованы: теоретический анализ научной и методической литературы; синтез и обобщение существующих концепций и подходов; сравнительный анализ отечественного и зарубежного опыта профессионально-ориентированного обучения иностранному языку; контент-анализ нормативных документов и образовательных программ; классификация и систематизация выявленных тенденций.

Результаты и обсуждение

Анализ современного состояния профессионально-ориентированного обучения иностранному языку, в российских вузах, позволяет выделить несколько ключевых тенденций, каждая из которых заслуживает отдельного рассмотрения. [2]

Таблица 1.

Анализ тенденций профессионально-ориентированного обучения иностранному языку в российских вузах

Тенденция	Содержательная характеристика	Ключевые инструменты реализации	Потенциальные риски
Усиление компетентностной ориентации	Смещение акцента с языковых знаний на способность к профессиональной иноязычной коммуникации	Кейс-метод, ролевые игры, проектная деятельность	Формализация компетенций, разрыв между декларируемыми и реальными результатами
Цифровая трансформация	Интеграция адаптивных платформ, ИИ-инструментов, корпусных технологий	LMS-системы, языковые приложения, ИИ-ассистенты	Цифровое неравенство, снижение роли преподавателя, проблема академической честности
Интеграция языка и содержания (CLIL)	Иностранный язык как средство освоения профессионального знания	Аутентичные профессиональные тексты, межпредметные проекты	Дефицит подготовленных преподавателей, перегрузка студентов

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

Тенденция	Содержательная характеристика	Ключевые инструменты реализации	Потенциальные риски
Гибридное обучение	Сочетание аудиторной и онлайн-работы в единой образовательной модели	Видеоконференции, асинхронные задания, цифровые портфолио	Снижение мотивации при дистанционной работе, технические трудности
Индивидуализация образовательных траекторий	Учёт профессиональных потребностей и языкового уровня конкретного студента	Адаптивные системы, индивидуальные планы, портфолио	Высокая нагрузка на преподавателя, сложность оценивания

Важно подчеркнуть, что перечисленные тенденции, не существуют изолированно, они взаимно усиливают и обусловливают друг друга. Отметим, что: Цифровизация, создаёт технологическую инфраструктуру для индивидуализации; CLIL-подход органично вписывается в гибридный формат; компетентностная ориентация, задаёт целевые ориентиры для всех остальных преобразований. [3]

Особого внимания, заслуживает вопрос, о соотношении отечественных и зарубежных методических традиций, в современном профессионально-ориентированного обучения иностранному языку в российских вузах. Долгие годы, российская методика, испытывала сильное влияние западных концепций: коммуникативного подхода, задачно-ориентированного обучения, CLIL. Сегодня, в условиях изменившейся геополитической ситуации, всё настойчивее звучат призывы к развитию самобытной отечественной методической школы. Думается, что истина, как это нередко бывает, находится посередине: критическое освоение зарубежного опыта, с учётом специфики российского образовательного контекста, представляется более продуктивным, нежели как механическое копирование, так и огульное отрицание. [4]

Серьёзной проблемой, тормозящей реализацию современных тенденций профессионально-ориентированного обучения иностранному языку в российских вузах, остаётся кадровый вопрос. Так, преподаватель иностранного языка, в неязыковом вузе, сегодня должен обладать не только лингвистической и методической компетентностью, но и достаточной осведомлённостью в предметной области, которую он обслуживает. Кроме того, необходимо наличие умения работы и взаимодействия преподавателя с цифровыми инструментами, а так же наличие готовности к постоянному профессиональному развитию. Это принципиально иной профессиональный профиль, по сравнению с тем, что был актуален ещё 20 лет назад. Далее, в таблице 2, отражена эволюция требований к профессиональному профилю преподавателя иностранного языка в неязыковом вузе. [5]

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

Таблица 2.

Эволюция профессионального профиля преподавателя иностранного языка в неязыковом вузе

Характеристика	Традиционная модель (до 2010 г.)	Переходная модель (2010–2020 гг.)	Современная модель (после 2020 г.)
Языковая компетентность	Базовая, ориентированная на литературную норму	Коммуникативная, с элементами профессионального дискурса	Высокая, включая профессиональный и академический дискурс
Предметная осведомлённость	Минимальная	Элементарная, ситуативная	Системная, обеспечивающая интеграцию языка и содержания
Цифровая компетентность	Не требовалась	Базовая (работа с LMS, мультимедиа)	Высокая (адаптивные системы, ИИ-инструменты, аналитика данных)
Методическая гибкость	Ориентация на единый учебник	Использование разнообразных методических приёмов	Проектирование индивидуальных образовательных траекторий
Исследовательская активность	Не обязательна	Желательна	Необходима (публикации, участие в грантах, методические разработки)

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о роли английского языка в профессиональной коммуникации. Несмотря на геополитические изменения последних лет, английский язык сохраняет доминирующее положение в научном и деловом общении. Вместе с тем, заметно возрастает интерес к китайскому языку, арабскому языку, хинди и другим языкам, что отражает реальную диверсификацию международных связей российских организаций. Указанное обстоятельство, ставит перед современными отечественными вузами, задачу расширения спектра предлагаемых языков, при сохранении качества подготовки. Отметим, что данная задача является непростой, прежде всего, с организационной и кадровой точки зрения. [6]

Показательно, что в ряде ведущих российских университетов, НИУ ВШЭ, МГУ им. М. В. Ломоносова, СПбГУ, МГИМО, уже апробируются инновационные модели языковой подготовки. Данные модели, предполагают: индивидуализацию образовательных траекторий, языковой коучинг, интенсивные форматы языкового

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

погружения. Опыт этих университетов, безусловно, заслуживает внимания и осмысления. Хотя, механический перенос практик ведущих вузов, в региональные университеты, с иными ресурсными возможностями, потребует серьёзной адаптации.

Выводы

Таким образом, реализация современных тенденций профессионально-ориентированного обучения иностранному языку, сопряжена с рядом системных противоречий: между декларируемыми компетентностными целями и реальными результатами обучения; между потребностью в предметно-языковой интеграции и дефицитом соответствующих кадров; между возможностями цифровых технологий и неравномерностью цифровой готовности вузов. В процессе исследования, установлено, что преодоление этих противоречий, требует скоординированных усилий на уровне образовательной политики, вузовского менеджмента и педагогического сообщества.

Принципиально важным условием, успешной модернизации профессионально-ориентированного обучения иностранному языку, является изменение профессионального профиля преподавателя иностранного языка, в неязыковом вузе. Сегодня востребован специалист, сочетающий высокую лингвистическую и методическую компетентность, с предметной осведомлённостью, цифровой грамотностью и исследовательской активностью. Подготовка такого специалиста, самостоятельная и неотложная задача педагогического образования.

Эффективная трансформация профессионально-ориентированного обучения иностранному языку, невозможна без опоры на фундаментальные достижения отечественной методической науки, при одновременном критическом освоении лучших зарубежных практик. Синтез традиции и инновации, а не их противопоставление, представляется наиболее продуктивной стратегией развития профессионально-ориентированного языкового образования, в российской высшей школе.

References

1. Фролова, Т. П. Психолого-педагогические особенности профессионально-ориентированного обучения иностранному языку в политехническом вузе / Т. П. Фролова // Современный ученый. – 2024. – № 8. – С. 205-211.
2. Орлова, Г. Л. Виртуальная реальность как один из современных методов оптимизации профессионально ориентированного обучения иностранному языку в техническом вузе / Г. Л. Орлова // Методические вопросы преподавания инфокоммуникаций в высшей школе. – 2022. – Т. 11, № 2. – С. 22-26.

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

3. Книга, А. В. О методах формирования универсальных компетенций в рамках профессионально-ориентированного обучения иностранным языкам в юридическом вузе / А. В. Книга // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. – 2025. – № 5(57). – С. 71-75.

4. Алексеева, Н. В. Концепция профессионально-ориентированного обучения иностранному языку студентов технических вузов / Н. В. Алексеева // Chronos: психология и педагогика. – 2021. – Т. 6, № 1(24). – С. 8-9.

5. Кутузова, З. Ю. Информационно-технологическое обеспечение профессионально-ориентированного обучения иностранным языкам студентов вуза / З. Ю. Кутузова, О. Ю. Иванова // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2024. – № 3. – С. 35-38.

6. Синицына, Ю. Н. Профессионально-ориентированный подход в обучении иностранным языкам в вузе культуры / Ю. Н. Синицына, С. А. Тихонова // Казанская наука. – 2024. – № 4. – С. 150-152.

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

UDC 378.147:802

Kirillova V.V., Sechina K.A. Developing students language competences while training them for participation in international conferences

Развитие языковых компетенций студентов при подготовке к участию в международных конференциях

Kirillova Viktoria Vitalievna,
Sechina Ksenia Aleksandrovna
Higher School of Technology and Energy of Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design
Кириллова Виктория Витальевна,
Сечина Ксения Александровна
Высшая школа технологии и энергетики Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна

Abstract. *The aim of this study is to investigate the process of developing language skills of students of nonlinguistic specialties in the process of their training for participation in a conference in English. The authors describe the principles, methods and approaches to foreign language teaching in a non-linguistic university, as well as determine the basic organizational and pedagogical conditions necessary for students' language training. Scientific novelty of the study is the technology of language skills development of students, which is implemented in the process of their training for speaking in English. The results of the study, as well as the identified language difficulties experienced by students influence the selection of appropriate content and methods used in the process of teaching foreign language communication.*

Keywords: *foreign language in a technical university, communicative culture, intercultural communication, communicative foreign language competence, development of language skills, independency of students' work.*

Аннотация. *Цель данного исследования – изучение процесса развития языковых навыков у студентов неязыковых специальностей в ходе подготовки к участию в конференции на английском языке. Авторы описывают принципы, методы, подходы к обучению иностранному языку в неязыковом вузе, а также определяют базовые организационно-педагогические условия, необходимые для языковой подготовки учащихся. Научную новизну исследования представляет технология развития языковых навыков у студентов, которая реализуется в процессе их подготовки к выступлению на английском языке. Результаты исследования используются при отборе соответствующего языкового содержания, а также методов, применяемых в процессе обучения иноязычному общению.*

Ключевые слова: *иностранный язык в техническом вузе, коммуникационная культура, межкультурная коммуникация, коммуникативные иноязычные компетенции, развитие языковых навыков, самостоятельная работа студентов.*

Рецензент: Кузьменко Наталья Ивановна, к.п.н., доцент ВАК.
ГБПОУ "Магнитогорский педагогический колледж"

Начиная с конца XX века положение английского языка как ведущего языка международного общения продолжает оставаться на высоком уровне. Важнейшей задачей обучения иностранному языку является повышение коммуникативной культуры в сфере межкультурного общения. Под межкультурной коммуникацией подразумевается «обращение языка в область иноязычной культуры» [1, с. 418]. Под

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

«коммуникационной культурой» студентов, изучающих иностранный язык как второй, подразумевается «следование определенным правилам общения как в письменной, так и устной речи» [2, с. 348]. В связи с этим главной задачей конференции является повышение коммуникационной культуры студентов-нефилологов в сфере межкультурного общения и в области их профессиональной деятельности.

Преподавание иностранных языков в технических вузах, безусловно, обладает определенной спецификой. Впрочем, как и преподавание любого предмета гуманитарной направленности. Неподготовленный студент может сослаться на тот факт, что поступал он в технический вуз, и с иностранным языком у него не складываются отношения именно в силу того, что у него технический склад ума.

Знание иностранного языка расширяет возможности изучения специальных предметов, предоставляет доступ к информации, существующей только в источниках на иностранных языках. Не последним аргументом, привлекающим студентов к творческому подходу в изучении данного предмета, является наш лозунг: «В современном мире молодому поколению неприлично не знать иностранный язык!». И здесь сразу нужно отметить, что молодежь откликается на подобные сентенции, видя, как быстро меняется окружающий мир.

Появление еще в конце двадцатого века понятия о гуманитарно-ориентированном определении развития привело и к появлению нового термина в области образования - развивающее образование или образование для развития. Мы разделяем мнение коллег о том, что основной задачей преподавателей высшей школы является не просто трансляция или передача знаний студентам, а вовлечение их в процесс приобретения этих знаний. Студентам необходимо понимание того, что приобретаемые ими знания, не имеют застывшую, раз и навсегда созданную форму. Знания и образование – это путь к постоянному развитию, совершенствованию себя и мира вокруг, как бы высокопарно это не звучало.

В число постулатов развивающего образования включают потребность индивидуума в приобретении таких знаний, навыков и такого отношения к действительности, которые повысят и усилят его осознанное восприятие этой действительности, дадут ему возможность и способность решать проблемы сообщества и улучшать его, сообщества, состояние. И знание иностранного языка является одним из средств, помогающих в решении современных проблем общества.

Преподавание иностранного языка в техническом вузе должно основываться на ведущих идеях современного образования – идее антропоцентризма как сосредоточенности на личности обучающегося и ее потребностях, непрерывного образования как образования в течение всей жизни, а также синергетики и интегративности, отражающей взаимосвязь образования, производства и общества.

Молодому поколению необходимо такое образование, которое подготовит их к

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

жизни в глобальном мире и к роли ответственного гражданина. Наше образование всегда не только давало знания, но и воспитывало студентов. Наши выпускники высших учебных заведений, в большинстве своем, осознают, что одних знаний своей специальности в современном мире недостаточно. Знания необходимо объединять с такими навыками и умениями как критическое мышление, принятие решений на основе полученной всесторонней информации, активное участие в социальной жизни. Привлечение студентов к участию в международной конференции расширяет значительным образом их кругозор, активизирует познавательную и научно-исследовательскую деятельность, а главное – дает возможность межкультурной коммуникации.

Цель подготовить специалистов, обладающих всеми необходимыми современными навыками, требует от преподавателей иностранного языка в техническом вузе необходимости совершенствовать (а иногда и менять) приёмы организации профессионально-ориентированного обучения [3]. Для достижения этой цели преподаватели нашей кафедры с успехом используют разнообразные методы и подходы к обучению, такие, как контекстное обучение, активное обучение и другие. Технология контекстного обучения активно изучается и используется как в отечественной, так и в зарубежной науке и практике преподавания иностранных языков. [4]–[6]. В центре внимания контекстного подхода находится неязыковое содержание и информация по изучаемой специальности, которую студенты должны усвоить. При этом предполагается смещение акцента с пассивной абсорбации готовых знаний на создание условий для трансформации учебно-познавательной деятельности в профессиональную. В рамках использования технологии контекстного обучения студенты учатся работать как автономно, так и в команде. Они не только прорабатывают предлагаемый им учебный материал, но и отрабатывают навыки поиска, интерпретации и анализа новой информации по заданной теме. Новое знание всегда строится на основе имеющегося и продуцируется при взаимодействии обучающихся друг с другом, а также с преподавателем. Данная модель обучения позволяет преподавателю непрерывно и целенаправленно формировать у обучающихся умения и навыки иноязычной речевой деятельности, обеспечивать их практическое использование в устном общении, в частности при подготовке докладов на английском языке. «Создавая на аудиторных и внеаудиторных занятиях разнообразные ситуации общения, используя профессионально ориентированные учебные и дополнительные к ним материалы при последовательно возрастающем уровне их сложности, обеспечивая индивидуальный подход в обучении, преподаватель успешно формирует и поддерживает у студентов интерес к иностранному языку, подводит их к практическому использованию полученных знаний в будущей профессиональной деятельности, реализуя тем самым принципы контекстности и непрерывности образовательного процесса по усвоению

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

иностранного языка в техническом вузе» [4, с. 187-188].

Преподаватели кафедры иностранных языков Высшей школы технологии и энергетики (ВШТЭ) также используют различные методы активного обучения студентов. «При разработке технологий необходимо включать в процесс обучения те виды деятельности, которые побуждают студентов к активным действиям, максимально способствуют развитию, помогают выбирать решения в различных ситуациях, работать с информацией, выдвигать гипотезы, исследовать процессы и явления, выражать суждения, принимать позиции в деятельности в групповом взаимодействии» [7, с. 101].

Одной из самых действенных и практических форм по вовлечению студентов в процесс приобретения знаний, развития критического мышления, активного участия в социальной жизни является участие в международных конференциях. Подготовка студентов неязыкового вуза к участию в научных конференциях на иностранном языке играет большую роль в развитии языковых компетенций, повышает коммуникационную культуру в сфере межкультурной и профессиональной коммуникации, формирует междисциплинарные связи. С одной стороны, целью участия в научных конференциях на иностранном языке является привлечение студентов к научно-исследовательской деятельности и развитие их профессиональной культуры и компетенции, с другой стороны, - создание условия для мотивации и саморазвития студентов, вовлечение их в творческую деятельность на иностранном языке.

На протяжении многих лет кафедра иностранных языков ВШТЭ проводит ежегодную международную научно-практическую конференцию «Диалог культур».

Этот особый процесс обучения, который ведет от знаний к действию и является обучающим процессом, и включает следующие шаги:

- исследование – изучение информации по предмету, т.е. по заданной теме выступления;
- реагирование – использование полученной информации в собственном опыте, т.е. отбор материала для доклада и презентации;
- действие – принятие решения о том, какие шаги необходимо предпринять по данному вопросу, т.е. создание готового выступления и презентации по проблеме.

Кроме того, подготовка выступления на иностранном языке включает все виды речевой деятельности: говорение, чтение, письмо, аудирование. Так, говорение происходит в момент самого выступления на конференции и в процессе дискуссии, во время которой оценивались и навыки аудирования выступающего. Готовность вступить в коммуникационный акт, конечно же, означает и умение воспринимать речи на слух. Участие в дискуссии, способность понимать вопросы оппонентов и донести нужную информацию до аудитории являлись непременным условием для получения высокой оценки выступления.

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

Как правило, участники могут продемонстрировать свои знания, навыки и умения во всех видах лингвистической деятельности. Следует отметить, что аспект «Письмо» вызывает наибольшие трудности у подавляющего большинства участников, поэтому подготовку студентов к этому виду деятельности на английском языке следует считать очень актуальным вопросом.

Данный аспект осуществляется в трех видах деятельности:

1) написании тезисной части для мультимедийной презентации;

2) подготовки устного доклада;

3) написание статьи в сборнике материалов к конференции.

Известно, что грамматические и лексико-семантические конструкции в письменной и устной речи очень отличаются. Студенты неязыковых специальностей изучают иностранный язык на основе чтения аутентичных текстов. Основная задача курса «Иностранный язык» в техническом вузе – научить свободно пользоваться научной литературой, написанной на английском языке, и заложить лексико-грамматическую базу для развития навыков устной речи, разговора по специальности. По этой причине довольно часто студенты ошибочно включают сложные синтаксические конструкции, характерные для научной речи, в свой устный доклад.

Критерии для оценки устного выступления включали следующие:

- Logic and structure, по которому оценивалось раскрытие темы, использование визуальных средств и навыки презентации;
- Speaking skills – умение говорить, а не читать, взаимодействие с аудиторией, навыки аргументации;
- Language skills – грамматика, словарный запас, фонетический аспект.

Таким образом, участники должны продемонстрировать не только умение правильно отвечать на вопросы в рамках предложенной темы, но и аргументировать свою точку зрения, что может быть довольно сложным для тех, кто не имеет специальной подготовки. С методологической точки зрения в этом аспекте хорошие результаты показывает применение интенсивного метода. Данный метод основывается на использовании различных языковых клише в зависимости от ситуации и может успешно применяться для получения быстрых результатов при подготовке выступающих.

Содержательная сторона доклада, включающая лексико-семантические поля общенаучной и узкоспециальной терминологии, играет большую роль для различения оригинального характера работы и машинного перевода. Студенты первого или второго курса еще не в полной мере владеют терминологическим аппаратом своей специальности, поэтому не могут отследить корректность машинного перевода. Очень часто компьютерный переводчик в той или иной форме использует переводные

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

соответствия на уровне поверхностных структур. Учитываются наиболее простые, широко употребительные случаи соответствие для конкретных языковых пар. Выбор точного термина – результат многолетней работы с терминологией определенного научного направления. Методическая работа преподавателя со студентами по чтению специальных научно-технических текстов, выполнение специально подобранных заданий, лексических упражнений вырабатывает у студентов определенные навыки работы и с компьютерным переводом, и с лексико-семантическими полями.

Особую проблему для большинства выступающих представляет фонетический аспект выступления. Произносительные навыки у студентов инженерных специальностей не всегда считаются значимыми. Хотя для английского языка правильное ударение, долгота, краткость гласных и другие аспекты произносительной стороны речи являются смыслоразличительными факторами. Преподавателями кафедры иностранных языков разработан специальный «Коррективный курс», где в сжатой форме представлены основные фонетические правила английского языка [8].

В заключении можно сказать, что для подготовки к выступлению на английском языке студентов различных курсов необходимо наличие высокого уровня сформированности всех речевых навыков в комплексе (говорения, чтения, письма и аудирования). Мы рассмотрели такую эффективную практическую форму для применения всех вышеперечисленных навыков, как подготовка и проведение конференции на английском языке. Кроме того, мы показали основные критерии оценивания устных выступлений, проанализировали и сгруппировали проблемы, с которыми сталкиваются студенты-нелингвисты в процессе подготовки к выступлению на иностранном языке.

Опираясь на теоретические предпосылки нашего исследования и имеющийся многолетний опыт проведения международной конференции на английском языке, нами были разработаны такие теоретические основы подготовки студентов неязыкового вуза, как принципы, подходы, организационно-педагогические условия процесса подготовки. Полученные выводы и наблюдения будут использованы в дальнейшей разработке комплекса практико-ориентированных заданий и упражнений, основанных на современных технологиях образования и подходах к обучению и направленного на развитие речевых навыков студентов. Данный комплекс будет успешно применяться в различных видах внеаудиторной и аудиторной деятельности студентов Высшей школы технологии и энергетики. Таким образом, конференция «Диалог культур» способствует развитию не только всех речевых навыков, но и развитию навыков самостоятельной работы, командной работы, а также выявляет пробелы в языковой подготовке у студентов.

Результатом исследования является выработанная технология подготовки студентов неязыковых специальностей к участию в конференции на иностранном языке,

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

которая мотивирует к продолжению участия в других научных конференциях, дает возможность самим участникам становиться высококвалифицированными научными кадрами с хорошим уровнем владения иностранным языком и навыками подготовки студентов к участию в различных международных мероприятиях.

Перспективы дальнейших исследований могут включать разработку специальных методических рекомендаций по языковой подготовке к конференции на английском языке и их практическую апробацию с привлечением высокомотивированных студентов.

References

1. Кабакчи В.В. Практика англоязычной межкультурной коммуникации. – СПб.: Издательство Союз, 2001. - 480 с.

2. Кириллова В.В. Многоаспектность языковой подготовки студентов-нефилологов для участия в международной конференции на иностранном языке // Профессионально-ориентированное обучение языкам: реальность и перспективы: сб. ст. / СПБГЭУ. 2021.- С.347–352.

3. Pushmina S.A. English for specific purposes (ESP) on-line teaching for engineering students World Transactions on Engineering and Technology Education // World Transactions on Engineering and Technology Education. Vol.19, No.2, 2021. №2. P. 215-219.

4. Вербицкий А.А., Григоренко О.А. Контекстное обучение иностранному языку специальности: учебно-методическое пособие. – М.: РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2015. – 205 с.

5. Клюева М.И. Контекстный подход как основа иноязычного профессионального образования // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 2 (часть 4). – С. 773-777.

6.Richards J., Rogers T. Approaches and Methods in Language Teaching. Cambridge: CUP, 2012 https://doi.org/10.1017/CBO9780511667305 (дата обращения: 15.02.2022).

7. Перфилова М.А., Герасимова И.Г. Проблемы внедрения современных технологий обучения иностранным языкам в учебный процесс вузов / М.А.Перфилова, И.Г.Герасимова // Записки Горного института. - СПб: 2008. - Т.175. - С. 101-102.

8. Вихман Т.М., Сергеева К.Я., Шарапа Т.С. Английский язык. Коррективый курс: учебно-методическое пособие. – 2-е изд. – СПб.: ВШТЭ СПбГУПТ.- СПб., 2016. – 121 с.

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

UDC 159.9

Butler R.S., Adamova L.E. The relationship between professional well-being and intrapersonal conflict in middle-aged men and women

Взаимосвязь профессионального благополучия и внутриличностной конфликтности у мужчин и женщин среднего возраста

Butler Regina Sergeevna,
Master's Student, Department of General and Clinical Psychology, Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia
Adamova Larisa Evgenjevna,
Ph.D. of Psychological Sciences Associate Professor of the Department of General Psychology and Labor Psychology at the Humanitarian Institute of the Russian New University, Moscow, Russia
Батлер Регина Сергеевна,
магистрант кафедры общей и клинической психологии Московского института психоанализа, Россия, г. Москва
Адамова Лариса Евгеньевна,
кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и психологии труда Гуманитарного института Российского Нового Университета, Россия, Москва

Abstract. *In today's socio-economic environment, characterized by high dynamism in the professional sphere, scientists and practicing psychologists are paying significant attention to the issue of professional well-being. In middle age, professional activity is an essential sphere of self-realization, making it particularly relevant to study the factors that influence subjective experiences of well-being. One such factor is intrapersonal conflict, which reflects the degree of discrepancy between a person's values, goals, and self-perceptions. Of particular interest is the internal conflict of professional self-attitude, which reflects the degree of alignment between professional requirements and a person's perception of their own capabilities. The paper examines the features of professional well-being and intrapersonal conflict in middle-aged people. The results of an empirical study of their relationship are described, and it is revealed that an increase in the level of intrapersonal conflict is accompanied by a decrease in professional well-being, and the differences in the nature of this relationship between men and women are also indicated.*

Keywords: *intrapersonal conflict, middle adulthood, professional well-being, self-attitude.*

Аннотация. *В современных социально-экономических условиях, характеризующихся высокой динамичностью профессиональной среды, ученые и практикующие психологи уделяют значительное внимание проблеме профессионального благополучия. В среднем возрасте профессиональная деятельность выступает важнейшей сферой самореализации, что делает особенно актуальным изучение специфики взаимосвязи профессионального благополучия и внутриличностной конфликтности у мужчин и женщин, влияющей на субъективное переживание благополучия. Одним из таких факторов является внутриличностная конфликтность, отражающая степень рассогласования ценностей, целей, и представлений человека о себе. Особый интерес представляет внутренняя конфликтность профессионального самоотношения, отражающая степень согласованности между профессиональными требованиями и представлениями субъекта о собственных возможностях. В работе рассмотрены особенности профессионального благополучия и внутриличностной конфликтности у людей среднего возраста. Описаны результаты эмпирического исследования их взаимосвязи,*

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

выявлено, что повышение уровня внутриличностной конфликтности сопровождается снижением показателей профессионального благополучия, а также обозначены различия в характере данной взаимосвязи у мужчин и женщин.

Ключевые слова: *внутриличностная конфликтность, средний возраст, профессиональное благополучие, самоотношение.*

Рецензент: Кузьменко Наталья Ивановна, к.п.н., доцент ВАК.
ГБПОУ "Магнитогорский педагогический колледж"

Изучение проблемы профессионального благополучия людей среднего возраста представляет собой актуальное направление современной психологической науки, поскольку в условиях высокой динамичности профессиональной среды именно профессиональная деятельность становится ключевой сферой самореализации личности. В среднем возрасте усиливается значимость оценки достигнутых результатов, что сопровождается переосмыслением жизненных и профессиональных целей и может приводить к возникновению внутриличностных противоречий. Внутриличностная конфликтность, отражающая степень рассогласования ценностей, целей и представлений личности о себе, выступает важным фактором, влияющим на субъективное переживание профессионального благополучия.

Особую значимость данная проблема приобретает в среднем возрасте, который характеризуется максимальной профессиональной активностью, накоплением жизненного и профессионального опыта, а также переосмыслением жизненных и карьерных достижений. Согласно теории психосоциального развития Э. Эриксона, данный период связан с разрешением конфликта между генеративностью и стагнацией. В этот период человек соотносит достигнутые результаты с первоначальными целями и ожиданиями, что может сопровождаться как ростом субъективного благополучия, так и возникновением внутренних противоречий [2].

В современной психологической науке профессиональное благополучие рассматривается как многокомпонентный конструкт. Теоретические основы изучения благополучия сформированы в рамках гедонистического и эвдемонистического подходов (Н. Брэдберн, Э. Динер, Р. Райан, Э. Деси), а их интеграция представлена в модели психологического благополучия К. Рифф. В общем смысле, профессиональное благополучие отражает гармоничное и эффективное функционирование личности в профессиональной сфере. Это ценный ресурс, который помогает человеку реализовать свой потенциал и получать удовлетворение от процесса труда [5].

Одновременно с этим значительное внимание уделяется изучению внутриличностной конфликтности как устойчивой характеристики личности. Основы изучения данного феномена были заложены в психоаналитической традиции (З. Фрейд,

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

К. Хорни), теории поля К. Левина, а также в работах отечественных исследователей А.Я. Анцупова и А.И. Шипилова. В гуманистической психологии К. Роджерса внутриличностная конфликтность рассматривается как следствие нарушения конгруэнтности между реальным и идеальным «Я» [1].

В своих работах О.Г. Митрофанова и А.В. Пачколина отмечают, что существуют особенности профессионального благополучия и внутриличностной конфликтности у мужчин и женщин. Женщины среднего возраста чаще сталкиваются с конфликтом между работой и семейными обязанностями из-за необходимости выполнять обязанности на двух фронтах. Для мужчин данного возраста важнее иметь жизненную цель и профессиональный авторитет. При этом в профессиональной сфере психологическое благополучие женщин хуже, чем у мужчин [3, 4].

На основании теоретического анализа по теме исследования нами была выдвинута гипотеза о том, что высокий уровень внутриличностной конфликтности взаимосвязан с низким уровнем профессионального благополучия у людей среднего возраста, при этом данная связь имеет специфику у мужчин и женщин. Для проверки данной гипотезы нами было организовано и проведено эмпирическое исследование.

В эмпирическом исследовании приняли участие 60 человек в возрасте от 35 до 45 лет, из них 30 женщин и 30 мужчин. Изучение профессионального благополучия и внутриличностной конфликтности респондентов проводилось с использованием следующих методик: методика оценки профессионального благополучия (Е.И. Рут, Л.И. Августова), методика по выявлению уровня внутриличностной конфликтности (А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов), методика «Уровень соотношения ценности и доступности в разных жизненных сферах» (Е.Б. Фанталова), опросник профессионального самоотношения личности (К.В. Карпинский, А.М. Колышко). В процессе обработки полученных данных применялись непараметрические методы анализа: критерий Манна-Уитни и критерий Спирмена. Статистическая обработка данных проводилась с использованием пакета IBM SPSS Statistics 27.0.

Для определения статистической значимости выявленных различий был применен U-критерий Манна-Уитни. Статистически значимые результаты сравнительного анализа представлены в таблице 1.

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

Таблица 1

Результаты сравнительного анализа в группах женщин и мужчин среднего возраста

Показатель	Женщины (n=30) M±SD	Мужчины (n=30) M±SD	U	p
Методика оценки профессионального благополучия (Е.И. Рут, Л.И. Августова)				
Автономность	3,45±0,62	3,91±0,62	288	0,02*
Методика по выявлению уровня внутриличностной конфликтности (А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов)				
Нереализованного желания тип конфликтов	5,67±3,69	3,40±2,58	284	0,01*
Адаптационный тип конфликтов	7,17±4,22	4,07±3,48	253,5	0,004**
Мотивация	12,23±8,17	8,03±6,06	300,5	0,03*
Долженствование	15,87±8,65	10,83±8,35	293,5	0,02*
Самооценка	19,90±10,71	12,77±9,34	282,5	0,01*
Общий уровень внутриличностной конфликтности	24,87±14,26	16,20±12,01	282	0,01*
*Примечание: M – среднее значение; SD – стандартное отклонение; U – значение U-критерия Манна-Уитни; p – уровень статистической значимости; * – различия статистически значимы при p < 0,05; ** – различия статистически значимы при p < 0,01.*				

Анализ, проведенный по методике оценки профессионального благополучия (Е.И. Рут, Л.И. Августова), показал, что мужчины и женщины среднего возраста имеют схожие профили профессионального благополучия с умеренной выраженностью всех компонентов. Однако существует значительное различие: мужчины проявляют более высокую степень автономности в своей профессиональной деятельности. Это может быть связано с социокультурными факторами, которые определяют разные роли в профессиональной сфере, а также с особенностями организационных условий труда.

Анализ данных, полученных с помощью методики определения уровня внутриличностной конфликтности (А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов), показывает, что женщины среднего возраста сталкиваются с более сложными жизненными обстоятельствами. Они вынуждены совмещать множество социальных ролей и предъявлять к себе повышенные требования как в профессиональной деятельности, так и в семье. Примечательно, что при одинаковом уровне профессионального успеха и самооценки женщины испытывают значительно более высокий уровень внутриличностного конфликта, особенно в аспектах адаптации, оценки себя и собственных возможностей.

Результаты исследования по методике «Уровень соотношения ценности и доступности в различных сферах жизни» (Е.Б. Фанталова), демонстрируют, что мужчины и женщины среднего возраста имеют схожие показатели общего уровня удовлетворённости жизнью. Статистически значимых различий в соотношении ценности и доступности между этими группами не выявлено. Для обеих категорий

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

характерно низкое значение дезинтеграции в мотивационно-личностной области, что свидетельствует о согласованности между желаниями и реальными возможностями их воплощения. Однако, наблюдаются тенденции, указывающие на качественные различия в восприятии жизненных обстоятельств: мужчины чаще испытывают чувство недостижимости значимых целей, в то время как женщины склонны переживать избыточность того, что не представляет для них важности.

В процессе анализа результатов по опроснику профессионального самоотношения (К.В. Карпинский, А.М. Колышко) не было выявлено существенных различий между мужчинами и женщинами в плане внутренней конфликтности. Это указывает на то, что в среднем возрасте представители обоих полов в равной мере сталкиваются с противоречиями между профессиональными обязанностями и личными способностями. Они также испытывают схожий уровень несоответствия между своими личностными качествами и требованиями профессиональной деятельности.

Для определения возможных особенностей взаимосвязей между изучаемыми конструктами у мужчин и женщин применялся корреляционный анализ с использованием критерия Спирмена. Результаты этого анализа приведены в таблице 2.

Таблица 2

Результаты корреляционного анализа в группах женщин и мужчин среднего возраста

Показатель профессионального благополучия	Женщины (n=30)			Мужчины (n=30)		
	Общий уровень ВЛК	ВК, %	ВК ПС	Общий уровень ВЛК	ВК, %	ВК ПС
Автономность в профессиональной деятельности	-,426*		-,612**			-0,252
Удовлетворенность уровнем компетентности	-,478**		-,613**			-,635**
Удовлетворенность профессиональными достижениями			-,574**			-,597**
Профессиональное самопринятие	-,365*		-,666**			-,623**
Профессиональный рост						-,544**
Профессиональные цели	-,471**		-,444*			
Профессиональное развитие			-,368*			-,413*
Позитивные отношения в коллективе	-,378*		-,594**			-,549**
Профессиональное благополучие (общий показатель)	-,499**		-,692**			-,601**

*Примечание: ВЛК – общий уровень внутриличностной конфликтности; ВК – внутренний конфликт (процент жизненных сфер, где ценность превышает доступность); ВК ПС – внутриличностная конфликтность профессионального самоотношения; * – корреляция значима на уровне p < 0,05; ** – корреляция значима на уровне p < 0,01.*

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

Корреляционный анализ показал, что у людей среднего возраста внутренняя конфликтность профессионального самоотношения отрицательно коррелирует с показателями профессионального благополучия: чем выше уровень благополучия, тем ниже уровень конфликтности. В структуре взаимосвязей между мужской и женской выборками были обнаружены различия, что свидетельствует о разной силе связей между изучаемыми показателями. У женщин выявлены более выраженные отрицательные корреляции как между компонентами профессионального благополучия и внутренней, так и общей внутриличностной конфликтностью. У мужчин аналогичные связи присутствуют, но они менее значимы и в основном касаются внутренней конфликтности профессионального самоотношения.

Таким образом, наше исследование позволило провести теоретическое переосмысление и эмпирическую проверку связи между профессиональным благополучием и внутриличностным конфликтом у мужчин и женщин среднего возраста. Полученные результаты обосновывают необходимость разработки и апробации программы психологического сопровождения, учитывающая общие механизмы формирования профессионального благополучия для людей среднего возраста, а также включающая специальные модули, которые помогают учитывать особенности внутриличностной конфликтности и профессионального самоотношения у мужчин и женщин. Это и будет являться перспективой нашего дальнейшего исследования.

References

1. Гальченко А.В. Внутриличностный конфликт: суть явления, причины, возможные последствия и принципы коррекции // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2022. №. 3 (74). С. 101-115.
2. Елецкая Т.В. Психологические особенности мужчин и женщин среднего возраста (35-60 лет): кризисы, линии развития – личностные и профессиональные // Педагогический форум. 2025. № 15. С. 83-86.
3. Митрофанова О.Г. Психологическое благополучие и самооценка профессиональной востребованности у руководителей-женщин и руководителей-мужчин // Огарёв-Online. 2020. № 11 (148). С. 5.
4. Пачколина А.В. Проблема ролевого внутриличностного конфликта работающей женщины Психолог. 2022. № 3. С. 60-67.
5. Реан А.А. Психологическое благополучие личности: обзор подходов к теоретическому конструкту // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2025. № 4. С. 499-513.

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

JURISPRUDENCE AND LAW

UDC 34

Balkina D.A. Capital Punishment through the prism of domestic judicial procedure

Balkina Darya
The Undergraduate Student of Law Faculty.
The North Western branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institutional of Higher Education «The Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»
Scientific supervisor:
Bashmakova N.,
Associate Professor, Ph.D., Department of Humanitarian and Socio-economic Disciplines The North Western branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institutional of Higher Education «The Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»

Abstract. *This article examines the evolution of the institution of the death penalty in the history of the Russian state and law. The concept of capital punishment, its legal nature and social role are analyzed. Particular attention is paid to the historical cyclical nature of the use of the death penalty, the current state of the moratorium and the prospects for the existence of this punishment in the legal system of the Russian Federation.*

Keywords. *Capital punishment, moratorium, criminal judicial procedure, court sentence, especially serious crimes, highest measure of punishment.*

Рецензент: Грузинская Екатерина Игоревна - кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой государственных и гражданско-правовых дисциплин Новороссийского института (филиала) АНО ВО «Московский гуманитарно-экономический университет»

1. Introduction

The institution of capital punishment is one of most debated in modern jurisprudence. Over the centuries, the attitude of the state and society to the deprivation of life of a criminal as a measure of punishment has undergone significant changes [1]. As a present time, despite the existence of a moratorium, this time of sanction is not legally excluded from the Criminal Code of the Russian Federation, which creates legal uncertainty and gives rise to disputes about the possibility of its return to judicial practice [2].

2. Material and methods

Capital punishment – is the highest measure of punishment for a person for a crime they have committed, carried out by a court sentence that has entered into force or by a decision of other state bodies [5]. Nowadays, capital punishment as a penalty is used very rarely. In some countries, a moratorium has been introduced. However, there are situations where the only just decision would be capital punishment – these are especially serious crimes encroaching on human life. Since a person's life, rights and freedoms are highest value not

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

only for the person themselves but also for the state, one who has encroaching on this value must be punished proportionally [10].

Capital punishment as a type of penalty for a crime appeared back in Ancient Rus. For the first time, it was established in legislation in 1397 in the Dvina Charter, as a punishment for theft committed for the third time. Over the years, the list of crimes punishable by execution increased, and already in the Pskov Charter of 1467, such punishment followed for: horse theft, murder, arson, high treason, church theft, and others. In 1497, the list expanded, and crimes such as robbery, slander, and sacrilege were added [4]. In the era of Ivan the Terrible, capital punishment acquired the character of a public ceremony aimed at intimidation. Both simple types of execution, such as hanging or drowning, and mutilating types – quartering or burning – were practiced, intended to get up the punitive effect of justice.

However, in the 18th century, some monarchs, upon ascending the throne, began to declare amnesties for convicts and sent them to hard labor instead of execution. Elizaveta Petrovna, by her decrees, replaced executions with punishment by the knout or eternal exile to hard labor. Catherine II believed that the application of the highest measure of punishment was justified only for those criminals who, even while imprisoned, continued to pose a threat to legal order [1].

The application of capital punishment in the Russian Empire of the 19th – early 20th centuries was characterized by cyclical fluctuations: from isolated cases (under Alexander – 24 executions and 40 under Nicholas II), to a complete rejection of the practice (in the era of the reforms of Alexander II). After 1905, a series of repressions followed: until 1911, about 2,800 people were executed by military courts. The Provisional Government after the February Revolution first abolished, but then returned the death penalty at the front [4].

In Soviet period, the cyclical nature of the application of capital punishment continued. The Decree of the Second All-Russian Congress of Soviets of October 28, 1917, formally abolished the highest measure of punishment, but already during the period of the «Red Terror» in 1918, the practice of extrajudicial executions already restored it [6].

Later, the Criminal Code of the RSFSR of 1926 provided for execution for a wide range of state and official crimes. The highest point in the use of the death penalty was the period 1937-1938, when more than 680 thousand death sentences were passed by decisions of the bodies of the People's Commissariat of Internal Affairs.

In the post-war period, there was a liberalization – by the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of May 26, 1947, capital punishment was replaced by imprisonment in a correctional labor camp for 25 years. However, in 1950 for traitors of the Motherland and saboteurs, and then in 1954 for premeditated murder, the highest measure was restored.

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

Since the 1960s, the scope of capital punishment expanded to include serious economic crimes. In the period 1962-1989, courts passed about 25 thousand death sentences [1].

By the early 1990s, the RSFSR Criminal Code contained more than 30 articles that provided for execution, including treason, premeditated murder under aggravating circumstances, theft of state property, and military crimes occurring in wartime.

So, in domestic judicial practice, there are precedents where capital punishment was the penalty. Until the decree of Boris Yeltsin of May 16, 1996, No. 724 «On the gradual reduction of the application of capital punishment in connection with Russia's entry into the Council of Europe», these were mainly crimes concerning: premeditated murders with aggravating circumstances, state crimes, theft of state property on an especially large scale, rape of a minor, and others. A moratorium and complete abolition of the death penalty are in effect in more than 100 countries, but in the Russian Federation, the death penalty is not completely abolished; the legislative position remains shaky. According to Part 1 of Art. 59 of the Criminal Code of the Russian Federation, the «exceptional measure of punishment» can still be imposed for especially grave crimes [14].

The conducted analysis of the historical background allows us to draw the following conclusions: Russian legislation has always been characterized by cyclical patterns in matters of applying the death penalty, meaning periods of complete ban alternated with periods of mass executions, indicating the absence of stable legal traditions in this area [3]. Also, the application of capital punishment in Russian history was rarely determined solely by an increase in the crime rate in a particular period; more often, it served as an instrument of political struggle and intimidation. Public opinion on this issue tended to view the death penalty historically as just retribution for especially grave crimes, which creates tension between the norms of international law, which require the abolition of executions, and the development of public legal consciousness [11].

History knows many examples where the death penalty became not just a legal norm but a resonant public event. Let us examine several similar precedents.

One of the most notorious cases in Russian history is case of the serial killer Andrei Romanovich Chikatilo. He operated in the period 1978-1990 in the Rostov region and other regions of the USSR and was found guilty of 52 premeditated murders with particular cruelty. The trial took place in the Rostov Regional Court in 1992 and was characterized by unprecedented security measures and public attention. In 1994, he was executed. This case occurred already in post-Soviet Russia and was actively used by supporters of retaining the death penalty as an argument in favor of the impossibility of rehabilitating certain categories of criminals [7].

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

However, the highest measure of punishment was applied not only for murders but also for crimes against property. So, the director of the grocery store No. 1 «Eliseevsky» in Moscow, Yuri Sokolov, together with accomplices, organized a large-scale system of the theft and corruption. The criminal group was engaged in the production of unaccounted products at controlled enterprises and their sale through the retail network, appropriating multi-millions ruble incomes. Sokolov was sentenced by the Moscow City Court to death for theft of state property on an especially large scale and bribery. The sentence was carried out in 1984. It can be concluded that the approach of Soviet justice, which equated serious property crimes to attacks on life in terms of their degree of social danger, serves as the basis for disputes about proportionality of punishment in different historical periods [8].

The case of Sergei Alexandrovich Golovkin («Fisher») holds a special place in domestic judicial practice, as Golovkin is considered the last criminal whose death sentence was carried out. In the period 1986-1992 in the Moscow region, he committed a series of murders of 11 boys and youth, involving sexual acts, torture, and particular cruelty. A forensic psychiatric examination found him sane. The Moscow City Court sentenced him to death. The sentence was carried out in 1996 in the Butyrka pre-trial detention center, after the signing of the decree on the gradual reduction of the application of capital punishment, but before the introduction of a complete moratorium, which allows us to view this case as a boundary between two eras of Russian justice [9].

3. Results and discussions

During the study:

- the evolution of the institution of the death penalty in the history of the Russian state and law has been considered:
- the concept of the death penalty, its legal nature and social role have been analysed;
- the historical cyclical nature of the use of the death penalty has been studied;
- the current state of the moratorium has been traced;
- prospects for the existence of this punishment in the legal system of the Russian Federation have been proposed.

4. Conclusion

The conducted research indicates that capital punishment in domestic judicial procedure has come a long way from public intimidation to a moratorium. Currently, the Russian Federation, following its commitments to the Council of Europe, maintains a moratorium on the application of capital punishment. However, the formal presence of this measure in the Criminal Code leaves a chance for its return. The discussion about the return of the death penalty in Russia periodically resumes in connection with the increase in grave crimes and terrorist acts.

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

However, it should be remembered that a return to the death penalty could become a «step backward» from the standpoint of the evolution of legal consciousness, which is moving away from the principle of «a life for a life» in favor of civilized forms of protecting and ensuring the security of society.

References

1. History of the death penalty in Russia [Electronic resource] // TASS : news agency. – 2024. – February 18. – URL: https://tass.ru/info/20361101 (accessed: 18.02.2026).

2. Bashmakova, N.I., Ryzhova, N.I., Kuznetsova, O.A. (2025). Historical Retrospective of Mediation as an Integrative Concept: Paradigms of Study and Interdisciplinarity. Administrative Consulting, (1-1), 65-80.

3. Privalov, N. I. The Third Way of Russia: A New Hope in the XXI Century. Ekaterinburg: Ural Publishing, 2012. 434 p.

4. Korovin, S. S., Romanenko, E. A. (2024). The death penalty in Russia: The formation and its place in punitive politics. Humanitarian Scientific Bulletin, (1), 61–64. https://doi.org/10.5281/zenodo.10666052

5. Tumanov, A. A. (2014). The history of the institution of the death penalty. Scientific and Methodical Electronic Journal “Koncept”, 20, 2776–2780. http://e-koncept.ru/2014/54819.htm

6. Kasha, I. V., Lagutina, N. A. (2022). The death penalty in the legal system of the Russian Federation. Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management and Law, (1), 48–56.

7. 360.ru. (2024, July 8). Stop Chikatilo: How one of the USSR’s most terrifying murderers was caught. Retrieved March 3, 2026, https://360.ru/tekst/obschestvo/ostanovit-chikatilo/

8. Pravo.ru. (2010, March 12). Combating corruption in the USSR: The case of the director of the Eliseevsky grocery store. Retrieved March 13, 2026, from https://pravo.ru/process/view/25722/

9. 360.ru. (2025, February 10). Scarier than Chikatilo: The story of the Moscow region maniac Fisher. Retrieved March 6, 2026, from https://360.ru/tekst/crime/fisher/

10. Glotov, D. V. (2022). The philosophy of capital punishment in Russia. Modern scientific research and innovation, (12). https://web.snauka.ru/issues/2022/12/99271

11. Zakharov, V. A. (2014). Some problems of imposition and implementation of capital punishment in modern Russia. Scientific and Methodological Electronic Journal "Koncept", (10), 146–150. https://e-koncept.ru/2014/14290.htm

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

12. Korchinsky, P. P. (2019). Capital punishment in Russian criminal law (Scientific work). Simferopol: Association of Lawyers of Russia, Crimean Regional Branch.

13. Voloshin, I. A., Chayka, A. V. (2019). Capital punishment: for or against. Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Legal Sciences, 5 (71)(2), 99–104.

14. Farvazova, M. B., Zakirova, E. F. (2024). Capital punishment: Global practice. Bulletin of Economics, Law and Sociology, (2), 301–305.

15. Dotskevich, M. V. (2014). The death penalty in Russia – to be or not to be. Scientific and Methodological Electronic Journal "Koncept", (S15), 21–25. https://e-koncept.ru/2014/14691.htm

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

UDC 34

Belousova E.A., Privalov N.G. The influence of the mentality of the Russian people on the process of formation of constitutional provisions in Russia (interdisciplinary aspect)

Belousova Elena
The North Western branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institutional of Higher Education «The Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»
Privalov N.G.
Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the North-West Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev.
Scientific supervisor:
Privalov N.G.,
Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the North-West Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev.

Abstract. *The global crisis and Russia's break with the liberal course of reforms require the establishment of the ideology of the third way, taking into account national traditions. The mentality of the Russian people was realized in the provisions of the Constitution of the Russian Federation on federal ownership of subsoil, marriage as a union of a man and a woman and mentioning the name of God. In accordance with this ideology, the key principles are outlined.*
Keywords: *The Constitution, the third way of Russia, patriotic ideology, the mentality of the Russian people.*

Рецензент: Грузинская Екатерина Игоревна - кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой государственных и гражданско-правовых дисциплин Новороссийского института (филиала) АНО ВО «Московский гуманитарно-экономический университет»

1. Introduction

In 2014, Russia began a decisive break with the liberal course of reforms. Moving away from liberalism and communism means choosing a third path for Russia's development based on national traditions and the rejection of alien cultural elements. This was evidenced by the Decree of the President of the Russian Federation dated November 9, 2022. No. 809 "On the approval of the Foundations of State Policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values", containing a list of threats to the Russian people: "Ideological and psychological influence on citizens leads to the imposition of a system of ideas and values alien to the Russian people and destructive to Russian society, including the cultivation of selfishness, permissiveness, immorality, denial of ideals patriotism, service to the Fatherland, the natural continuation of life, the values of a strong family, marriage, having many children, and creative work, Russia's positive contribution to world history and culture, the destruction of the traditional family through the propaganda of non-traditional sexual relations"[1].

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

2. Material and methods

Exploring the reasons for the formation of the Russian mentality (large expanses of flat territory, communal lifestyle, remoteness from central government, constant communication with nature, Christian faith in the form of Orthodoxy), Ilyin describes the following main features of it – and above all, "Heartfelt contemplation": "The Russian idea is the idea of the heart.

The idea of a contemplative heart. A heart that contemplates freely and objectively; and transmits its vision to the will for action, and thoughts for awareness and words. Russian Russians are the main source of Russian faith and Russian culture. This is the main force of Russia and Russian identity. This is the way of our salvation and renewal."[2].

Slavs, like many Eastern nations, are distinguished by their hospitality. In particular, the monasteries operated a service of free hotels for pilgrims.

When meeting foreigners, Russians are primarily interested in their lifestyle, culture and way of life. Quite a few Russian women went abroad, marrying foreigners. Such a famous woman was Anna Yaroslavna, the daughter of Prince Yaroslav Mudrovo of Kiev, who became Queen of France, mother and grandmother of several French kings.

Russians, for the most part, even the modern generations of "market youth", are adherents of the traditional family. Opinion polls show persistent rejection of non-traditional sexual relations in all strata of society. Therefore, it is quite natural that article 72 of the Constitution of Russia was amended: "The joint jurisdiction of the Russian Federation and the subjects of the Russian Federation are: protection of the family, motherhood, fatherhood and childhood; protection of the institution of marriage as a union of men and women; creation of conditions for decent upbringing of children in the family, as well as for the implementation of adult children have the responsibility to take care of their parents [3]."

The family of the Slavs in the old days was built on the model of a "small church". Under socialism, it was proclaimed a cell of socialism. Nowadays, it is often the basis of a small business in the form of an individual entrepreneur or a peasant farm.

According to I. Ilyin, Russians' sense of justice is "formless, good-natured and just." This can be explained by a significant distance from the central government, which, in the absence of modern means of communication, required a powerful development of local informal dormitory rules.

Self-government, including dispute resolution, investigation and punishment for violations, took place within the rural peasant community. The community decided who would enlist in the army, as there were no age lists or universal military service. Examples of reflecting this mentality in Russian legislation include the federal form of ownership of mineral resources and the mention of God's name in Article 67.1 of the Constitution.: "The Russian Federation, united by a thousand-year history, preserving the memory of the ancestors who passed on to

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

us the ideals and faith in God, as well as continuity in the development of the Russian state, recognizes the historically formed state unity [4]."

In the monograph "The Third Way of Russia: a new hope in the 21st century" proved the basic principles of the methodology of moral and religious neo-institutionalism, which began to be embodied in educational literature in connection with the systemic crisis of Russian education [5, 6, 7].

3. Results and discussions

During the research:

1) the necessity of creating an ideology of the third way of Russia, taking into account national traditions, has been substantiated [8];

2) the mentality of the Russian people has been analyzed through the prism of the provisions of the Constitution of the Russian Federation [9, 10];

3) the key principles of the new ideology have been outlined [11, 12].

4. Conclusion

The most important principle, consistency, makes it possible to combine the positive content of various forms of social consciousness, of which science and religion are the most important [13].

The principle of balance is realized primarily in the model of the Triune essence of man as a socio-spiritual-biological being.

Earlier, a new paradigm of the development of science and society was derived from this model - the need to restore man's balance with nature, society and God.

Morality is understood through the concept of justice, as an adequate reward for the preservation of human essence.

These are the main principles of the "Philosophy of the Third Way" [6].

References

1. Decree of the President of Russia dated November 9, 2022 No. 809 "On Approval of the Foundations of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values." http://www.consultant.ru / (date of request: 04/04/2026).

2. Ilyin, I. (2011). National Russia: our tasks/ Ivan Ilyin; edited by O.A. Platonova. Moscow: Eksmo: Algorithm. pp.84-85.

3. Privalov, N.G. (2020). Economics of the non-profit sector: textbook/ N.G.Privalov.-2nd ed., revised and add.-M.: INFRA-M. p.373.

4. Bondarev, V.G., Bashmakova, N.I., Sinina, A.I. (2020). Judicial discourse: genesis and definition of the concept//Conflictology. Vol. 15. № 1. pp. 52-65.

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

5. Privalov, N.G. (2012). The Third way of Russia: a new hope in the 21st century. Yekaterinburg: Ural Publishing House. -430 p.

6. Bashmakova, N.I., Ryzhova, N.I., Kuznetsova, O.A. (2025). Historical Retrospective of Mediation as an Integrative Concept: Paradigms of Study and Interdisciplinarity. Administrative Consulting, (1-1), 65-80.

7. Privalov, N.G. (2020). Economics of the non-profit sector: textbook/N.G.Privalov. -2nd ed., revised and add. -M.: INFRA-M. - p.373.

8. Privalov, N.G. (1993). The formation of farming: the logic of agrarian reform. Ural village on the way to the market: Collection of scientific papers- Yekaterinburg: Urinkh.

9. Privalov, N.G. (2002). Social partnership: from the labor market to civil society. Bulletin of Orenburg State University.2002. № 5.

10. Privalov, N.G., Semin, A.N. (2002). Problems of peasant self-government. Agrarian Bulletin of the Urals. -№ 6 (12)

11. Bashmakova, N.I., Gromova, O.N., Zalyalutdinova, Z.A., Ryzhova, N.I. (2015). The relevance of development and the main approaches to determining the content of legal competence of a modern specialist in the humanities. Modern problems of science and education. No. 2-1. p. 510.

12. Bashmakova, N.I. (2015). Mediation as a phenomenon and an actual component of the professional activity of a modern specialist in the context of the globalization of society. The world of science, culture, and education. No. 1 (50). pp. 76-79.

13. Bashmakova, N. et al. (2022). Economic space in the era of integration and digitalization. Smolensk. -347 p.

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

UDC 347

Bylin V.A. Intellectual property and intellectual rights: differentiation of concepts and their place in the debtor's bankruptcy estate

Интеллектуальная собственность и интеллектуальные права: соотношение понятий и их место в конкурсной массе должника

Bylin Vyacheslav Alexandrovich,
PhD student, 1st year, Law Institute,
St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg
Былин Вячеслав Александрович,
аспирант, 1 курс, юридический институт,
Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, г. Санкт-Петербург

Abstract. *The article discusses the problem of distinguishing the concepts of "intellectual property" and "intellectual rights" in the context of bankruptcy. Based on the analysis of Articles 1225-1226, 128 of the Civil Code of the Russian Federation, definitions of IP and IP are formulated, and the difference between the author's property (exclusive) and personal non-property rights is emphasized. The article examines the differentiation of the essence of these categories in determining the debtor's assets constituting the bankruptcy estate. An analysis of judicial practice (the Supreme Court of the Russian Federation dated 03/17/2021 and 02/11/2026) shows that exclusive IP rights are recognized as the debtor's property and included in the bankruptcy estate, while personal rights are retained by the copyright holder. Foreign experience is reviewed: WIPO emphasizes the importance of evaluating IP assets and their market value in bankruptcy. The conclusions of the article indicate the need to clarify the Bankruptcy Law: specific formulations of amendments are proposed that exclude personal non-property rights from the bankruptcy estate in order to avoid identified conflicts with the Civil Code of the Russian Federation.*

Keywords: *intellectual property, intellectual property rights, exclusive rights, personal non-property rights, bankruptcy estate.*

Аннотация. *В статье рассматривается проблема разграничения понятий «интеллектуальная собственность» и «интеллектуальные права» в контексте банкротства. На основе анализа ст. 1225–1226, 128 ГК РФ формулируются определения ИС и ИП, подчеркнуто различие между имущественными (исключительными) и личными неимущественными правами автора. Исследуется разграничение сущности этих категорий при определении имущества должника, составляющего конкурсную массу. Анализ судебной практики (определения ВС РФ от 17.03.2021 и от 11.02.2026) показывает, что исключительные права на ИС признаются имуществом должника и включаются в конкурсную массу, тогда как личные права сохраняются за правообладателем. Рассмотрен зарубежный опыт: ВОИС подчёркивает важность оценки IP-активов и их рыночной стоимости при банкротстве. Выводы статьи свидетельствуют о необходимости уточнения Закона о банкротстве: предлагаются конкретные формулировки поправок, исключающих из конкурсной массы личные неимущественные права, во избежание выявленных коллизий с ГК РФ.*

Ключевые слова: *интеллектуальная собственность, интеллектуальные права, исключительные права, личные неимущественные права, конкурсная масса, банкротство.*

Рецензент: Грузинская Екатерина Игоревна - кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой государственных и гражданско-правовых дисциплин Новороссийского института (филиала) АНО ВО «Московский гуманитарно-экономический университет»

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

В последние годы роль нематериальных активов растёт: интеллектуальная собственность (далее – ИС и IP) становится ценным имуществом компаний [13]. Однако правовое регулирование ИС осложняется смешением терминов «интеллектуальная собственность» и «интеллектуальные права» (далее – ИП). Гражданский Кодекс РФ (далее – ГК РФ) (часть IV) [1] ст. 1225 перечисляет объекты ИС – результаты творчества и приравненные к ним средства (программы, базы данных, патенты, товарные знаки и др.). Ст. 128 ГК РФ прямо называет охраняемые результаты интеллектуальной деятельности объектами гражданских прав. В то же время ст. 1226 ГК РФ закрепляет понятие интеллектуальных прав, трактующееся более широко, и подразумевающее под собой целую совокупность прав, которая включает в себя и имущественные (исключительные права) и, личные неимущественные права. Целью настоящей статьи является выявление правовых различий между ИС и ИП в контексте процедуры конкурсного производства с целью выявления влияния такого разграничения на включение рассматриваемых категорий в конкурсную массу должника. Работа опирается на нормы ГК РФ и Федеральный Закон № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) [2], а также на судебную практику и иностранные источники.

В целях разграничения указанных понятий автор предлагает следующие определения: интеллектуальная собственность (ИС) – это непосредственно объекты охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации, перечисленных в ст. 1225 ГК РФ, к которым, в частности, относятся: произведения науки, литературы и искусства, программное обеспечение, базы данных, изобретения, товарные знаки, ноу-хау и др. Эти объекты имеют характер имущественного блага и прямо названы объектами гражданских прав (ст. 128 ГК РФ).

Как ранее уже было описано, понятие интеллектуальных более широкое по своему сущностному содержанию, поскольку подразумевает под собой не только право в контексте имущества и соответствующих ему полномочий, а также (в предусмотренных случаях) и личные неимущественные права, а также «иные» права, применяемые лишь к категории ИП (например, права следования, доступа и т.д.).

Таким образом, личные неимущественные права (право авторства, на имя, на неприкосновенность произведения и др.) являются неотчуждаемыми и не могут передаваться или отчуждаться любым способом, и именно в указанной способности выступать предметом гражданского оборота заключается существенное различие между указанными двумя понятиями.

На основании вышеуказанного критерия важно чётко разграничивать понятия «интеллектуальная собственность» и «интеллектуальные права».

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

Отечественная научная литература характеризуется наличием фундаментальных исследований в области интеллектуальной собственности, выступающей частью гражданского права (Е.А. Суханов [8], А.П. Сергеев [7], В.А. Дозорцев [5] и др.) однако вопросы её функционирования, сущности и места, занимаемого в конкурсной массе при проведении процедуры банкротства освещены фрагментарно.

Примечательно, что в российской доктрине подчёркивается, что понятия ИС и ИП не тождественны. Т.В. Каравай отмечает введение в законодательство понятия ИП (ст. 1226 ГК) и их отличие от самого имущества [6, с. 176]. В контексте законодательства о банкротстве А. Баринов [4] рассматривает ИП как актив, пригодный для формирования конкурсной массы, но указывает особенности отдельных объектов (фирменное наименование, доменные имена. В обзорной литературе WIPO (Всемирная организация интеллектуальной собственности) подчёркивается ценность IP-активов и их роль при инвестиционном финансировании и банкротстве [13]. Таким образом, зарубежные исследования указывают на необходимость сохранения рыночной стоимости ИС в банкротстве (ВОИС) и на различное отношение к нематериальным активам в законодательстве США и ЕС (особая защита лицензиатов).

Как и ранее было указано, по мнению В.А. Дозорцева, принципиальное значение также имеет разграничение интеллектуальных прав по критерию их оборотоспособности [5, с. 7]. Так, исключительные права на большинство объектов могут свободно отчуждаться, тогда как личные неимущественные права автора, являются неотчуждаемыми в силу прямого запрета.

Зарубежные юрисдикции обычно рассматривают IP-объекты как обычные активы. ВОИС подчёркивает, что IP-активы должны оставаться рыночными даже в случае банкротства (для целей взыскания залога или продажи) [13]. В США ИС (патенты, авторские права и др.) входят в конкурсную массу, при этом особое внимание уделяется защите прав лицензиатов (раздел 365(n) US Bankruptcy Code) [11], а именно, указанный пункт даёт лицензиату выбор сохранить лицензию при банкротстве лицензиара, что позволяет коммерциализировать результат интеллектуальной деятельности и получать доход даже после признания правообладателя банкротом.

В англо-американской доктрине интеллектуальная собственность прямо включается в состав конкурсной массы, при этом основное внимание уделяется вопросам судьбы лицензионных договоров и их реализации в процедуре банкротства [14].

На практике основной проблемой является не допущение IP к массе, а вопросы оценки и передачи прав. Аналогично в ЕС и других странах IP обычно реализуют в процедурах несостоятельности, учитывая специфику лицензионных договоров [15].

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

Таким образом, международный опыт показывает, что ИС признаётся полноценным имуществом, включаемым в конкурсную массу, а механизмы реализации через продажу или передачу лицензий регулируются специализированно, оставаясь дискуссионными вопросами. Обобщая, российская практика соответствует общим тенденциям, но требует детализации процедур выявления и обращения IP (оценка, оформление сделок) при банкротстве.

Одним из ключевых международных источников регулирования является Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (TRIPS), заключённое в рамках World Trade Organization [10]. В соответствии с данным соглашением (п.1 ст. 41) интеллектуальная собственность признаётся объектом гражданского оборота, а государства-участники обязаны обеспечивать эффективные механизмы защиты прав правообладателей. Хотя TRIPS не регулирует напрямую процедуры банкротства, оно формирует базовый принцип оборотоспособности исключительных прав.

В рамках деятельности World Intellectual Property Organization (WIPO) интеллектуальная собственность рассматривается как ключевой элемент экономики знаний [13]. В аналитических материалах организации подчеркивается, что объекты ИС обладают признаками имущества и могут выступать предметом сделок, включая отчуждение, лицензирование и обеспечение обязательств [13]. Это подтверждает возможность их включения в конкурсную массу должника.

Существенное внимание в зарубежной доктрине уделяется, точно как и в российской, особенностям оборота интеллектуальной собственности в условиях банкротства. Так, Jay Lawrence Westbrook указывает, что ключевой проблемой является баланс между интересами кредиторов и необходимостью сохранения стоимости интеллектуального актива, особенно в случаях, когда его ценность зависит от конфиденциальной информации или продолжающейся коммерческой деятельности [12].

В российском законодательстве по общему правилу конкурсной массой признаётся всё имущество должника на дату открытия конкурсного производства (ст. 131 Закона о банкротстве), куда, согласно ст. 128 ГК РФ, входят и имущественные права, в том числе исключительные права на объекты ИС. Арбитражная практика подчёркивает, что исключительные права в конкурсную массу включаются как имущественные права должника.

Как указывает, А. Станишевский со ссылкой на Определение ВС РФ от 17.03.2021 г. № 305-ЭС16-19-742 по делу № А40-150393/2014, «в конкурсную массу должника включается все его имущество, в том числе имущественные права» [9]. При этом, Закон

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

о банкротстве предусматривает исключения, согласно которых из конкурсной массы исключаются имущество, изъятое из оборота, имущественные права, связанные с личностью должника (например, лицензии на осуществление деятельности) и другие специальные случаи (ст. 131 Закона о банкротстве).

Однако прямо о личных неимущественных правах, которые также входят в категорию интеллектуальных прав, в Законе о банкротстве в главе, посвященной банкротству граждан (гл. X) не сказано.

Очевидно, следует исходить из логики того, что по своей природе личные неимущественные интеллектуальные права попросту не являются имуществом, а потому не только не включаются в конкурсную массу, но и законом прямо запрещены к отчуждению.

Вместе с тем, анализ действующего правового регулирования формирования конкурсной массы в делах о банкротстве позволяет выявить внутреннюю несогласованность норм, обусловленную особенностями юридико-технического построения положений законодательства о несостоятельности.

Так, в отношении юридических лиц применяется общая норма ст. 131 Закона о банкротстве, которая прямо исключает из состава конкурсной массы личные неимущественные права. В то же время применительно к гражданам законодатель закрепил специальную норму – ст. 213.25 указанного Закона, определяющую состав конкурсной массы, однако не содержащую аналогичного исключения.

Формально данное различие может быть объяснено системным действием норм гражданского законодательства, прежде всего положениями части IV ГК РФ, в силу которых личные неимущественные права, связанные с результатами интеллектуальной деятельности, в частности право авторства, являются неотчуждаемыми и непередаваемыми. Вместе с тем подобное решение представляется недостаточно последовательным с точки зрения юридической техники.

С одной стороны, отсутствие в ст. 213.25 Закона о банкротстве прямого указания на исключение личных неимущественных прав создает риск расширительного толкования состава конкурсной массы применительно к гражданам. С другой стороны, наличие такого указания в ст. 131 Закона о банкротстве в отношении юридических лиц представляется избыточным, поскольку юридическое лицо по своей правовой природе является правовой фикцией, а потому не обладает личными неимущественными правами в классическом смысле, за исключением отдельных элементов правосубъектности (например, деловой репутации и права на фирменное наименование).

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

При этом следует учитывать, что право на фирменное наименование в ряде случаев корреспондирует со средствами индивидуализации (в частности, товарными знаками), которые обладают имущественной природой и, согласно правовой позиции высших судебных инстанций (определение ВС РФ №305-ЭС25-11634 от 02.02.2026 г. по делу № А40-180253/2024 [3]) подлежат включению в конкурсную массу и реализации в рамках процедуры банкротства.

Выявленная коллизия во многом обусловлена отсутствием четкого разграничения понятий «интеллектуальная собственность» (как совокупности объектов гражданских прав, указанных в ст. 1225 ГК РФ) и «интеллектуальные права» (как комплексного правового института, включающего как имущественные, так и личные неимущественные элементы, согласно ст. 1226 ГК РФ). Использование в законодательстве о банкротстве обобщающей категории «имущество» без должной дифференциации указанных понятий приводит к неопределенности в вопросе включения соответствующих прав в конкурсную массу.

В этой связи представляется обоснованным совершенствование законодательной конструкции посредством придания норме ст. 213.25 Закона о банкротстве отсылочного характера к общим положениям о составе конкурсной массы (ст. 131 Закона о банкротстве), в то время как ст. 131 требует уточнения содержания путем закрепления в ней прямого указания на включение в конкурсную массу объектов интеллектуальной собственности как разновидности имущества, что позволит достичь нормативного разграничения в рамках законодательства о банкротстве имущественных (исключительных) прав и личных неимущественных прав, не подлежащих реализации в процедуре.

Таким образом, «интеллектуальная собственность» – это сами охраняемые объекты (ст. 1225 ГК РФ), тогда как «интеллектуальные права» – это права на эти объекты (ст. 1226 ГК РФ). Чёткое разграничение необходимо для правильной квалификации активов должника, подлежащих включению в конкурсную массу, однако в настоящее время законодательство о банкротстве включает в конкурсную массу все имущественные права должника, а в отношении личных неимущественных прав указывает на изъятие из общего правила только лишь применительно к юридическим лицам, игнорируя указанный вопрос в специальной норме, посвящённой конкурсной массе граждан, что на практике означает включение исключительных прав на ИС, однако ГК РФ прямо предусмотрено, что личные неимущественные права автора при банкротстве не затрагиваются, так как являются «неотчуждаемыми», что порождает расхождение законодательства, поскольку ГК РФ запрещает отчуждение таких прав, а Закон о банкротстве не проясняет их статус.

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

Для приведения Закона о банкротстве в соответствие с ГК РФ предлагается внести уточнение в ст. 131 Закона о банкротстве со следующей формулировкой: «все отчуждаемые имущественные права на объекты интеллектуальной собственности включаются в конкурсную массу, за исключением неимущественных личных прав, прямо не подлежащих переходу» (см. ст. 1228, 1318 ГК РФ), одновременно с чем предусмотреть отсылочный характер и нормы ст. 213.25 Закона о банкротстве с целью урегулирования указанного вопроса и в отношении граждан.

Вместе с тем положения указанной статьи также могут иметь и практическое значение для конкурсных управляющих и арбитражных судов, которым следует учитывать, что при банкротстве должника исключительные права на ИС подлежат продаже/реализации, а личные права – остаются непоколебимо за автором.

Таким образом, настоящее исследование показывает, что формально Закон о банкротстве охватывает всю интеллектуальную собственность должника, но для соблюдения норм ГК РФ необходимо уточнить, что в конкурсную массу включаются лишь имущественные права на нее. Внедрение предложенных поправок поможет унифицировать подход и избежать конфликтов законодательства.

References

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2006 – № 52 (1 ч.). – ст. 5496.
2. О несостоятельности (банкротстве) : Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 29.05.2024, с изм. от 04.06.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2002 – № 43. – ст. 4190.
3. Определение Верховного суда РФ №305-ЭС25-11634 от 02.02.2026 г. по делу № А40-180253/2024 // СПС Консультант Плюс.
4. Баринов А. Интеллектуальные права и банкротство: идентифицировать и включить в конкурсную массу // ЭЖ-Юрист. – 2022. – №32(1233). – С. 48–52.
5. Дозорцев В. А. Интеллектуальные права: понятие, система, задачи кодификации // Законодательство. – 2006. – № 3. – С. 5–15.
6. Каравай Т. В. Понятие и правовая природа интеллектуальных прав. // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2015. – №(1 (42)). – С. 175-182.
7. Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. М.: Проспект. – 2019. 752 с.
8. Суханов Е.А. Гражданское право: Учебник. — М.: БЕК. – 2017. 720 с.

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

9. Станишевский А. И. Банкротство: Интеллектуальная собственность в Конкурсной Массе [Электронный ресурс] // Адвокатский кабинет Станишевского А. И. URL: https://stanishevski.ru/blog/bankruptcy-ip (дата обращения: 30.03.2026).

10. Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights (TRIPS) [Электронный ресурс]. // TRIPS Agreement (official WTO text). URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/trips_e.htm? (дата обращения: 30.03.2026).

11. Bankruptcy Code Section 365(n) Protects Licensees' Right to [Электронный ресурс] // Findlaw : корпоративный сайт. 2017. URL: https://corporate.findlaw.com/intellectual-property/bankruptcy-code-section-365-n-protects-licensees-right-to.html (дата обращения: 30.03.2026).

12. Westbrook J. L., White K. S. The Demystification of Contracts in Bankruptcy [Электронный ресурс]. // American Bankruptcy Law Journal. – 2018. – Vol. 91. – P. 481– 520. URL: https://journals.tulane.edu/TIP/article/view/3835/3605? (дата обращения: 30.03.2026).

13. Valuing Intellectual Property Assets [Электронный ресурс] // Всемирная организация интеллектуальной собственности (WIPO). [Б. г.]. URL: https://www.wipo.int/en/web/business/ip- valuation#:~:text=business,event%20of%20foreclosure%20or%20bankruptcy (дата обращения: 30.03.2026).

14. Contreras J. L. Bankruptcy and Insolvency Issues [Электронный ресурс] // Intellectual Property Licensing and Transactions. – Cambridge: Cambridge University Press. – 2022. – P. 673-690. URL: https://www.cambridge.org/core/books/intellectual-property-licensing-and-transactions/bankruptcy-and-insolvency-issues/A38341EAB0E6A04CFC1B40A4FB9437B8 (дата обращения: 30.03.2026).

15. Gabriel-Pizarro G. Mirroring the American Bankruptcy Code? IP Licences in the European Insolvency Harmonisation Project [Электронный ресурс]. // GRUR International. – 2024. – Vol. 73, №. 2. – P. 128–138. URL: https://academic.oup.com/grurint/article-abstract/73/2/128/7485843?redirectedFrom=fulltext&login=false (date of access: 30.03.2026).

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

UDC 34

Dushina A.N. Euthanasia in the judicial practice of European countries: high-profile cases and legal consequences

Dushina Anastasia
The Undergraduate Student of Law Faculty.
The North Western branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institutional of Higher Education «The Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»
Scientific supervisor:
Bashmakova N.,
Associate Professor, Ph.D., Department of Humanitarian and Socio-economic Disciplines The North Western branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institutional of Higher Education «The Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»

Abstract. *The article analyzes eight significant court cases that have influenced the legal regulation of euthanasia and assisted suicide in European countries, namely the Netherlands, Belgium, Switzerland, and France. The legal consequences of each precedent are identified: legalization of euthanasia in dementia without final consent; protection of doctors from criminal prosecution; recognition of existential suffering as a ground for assisted suicide; affirmation of the right of doctors to discontinue treatment in cases of "unreasonable obstinacy". It is concluded that courts consistently expand the scope of euthanasia practice while simultaneously tightening procedural safeguards.*

Keywords: *euthanasia, assisted suicide, judicial practice, legal consequences, Netherlands, Belgium, Switzerland, France, European Court of Human Rights.*

Рецензент: Грузинская Екатерина Игоревна - кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой государственных и гражданско-правовых дисциплин Новороссийского института (филиала) АНО ВО «Московский гуманитарно-экономический университет»

1. Introduction

The legalization of euthanasia and assisted suicide remains one of the most complex and debated issues in contemporary European law. After the Netherlands adopted the world's first law permitting active euthanasia in 2002, various regulatory models have emerged. The European Court of Human Rights acts as a key arbiter in defining the limits of national discretion [6]. Judicial practice plays an important role in the development of this area of law. Through the resolution of specific cases, the scope of the law is clarified, adapted, and expanded.

The object of this study is the legal regulation of euthanasia and assisted suicide in European countries. The subject of the study is specific judicial precedents that have significantly influenced the formation and development of judicial practice. The aim of this work is to identify the legal consequences of significant judicial precedents in selected European countries. To achieve this aim, the following tasks were set: to select the most significant court cases in the Netherlands, Belgium, Switzerland, and France; for each case,

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

to describe the content, legal issue, and court decision; and to formulate the specific legal consequences of each precedent for the national legal system.

2. Material and methods

The empirical basis of the study comprises decisions of national courts: the Supreme Court of the Netherlands, the Court of Assizes of Ghent, the Federal Supreme Court of Switzerland, the Council of State of France, and judgments of the European Court of Human Rights. The theoretical framework of the work is formed by scientific articles and monographs devoted to the legal and ethical consequences of euthanasia.

The main method of research is comparative legal analysis, which allows comparing the approaches of different countries to similar legal issues. The formal legal method was used in the interpretation of specific legal norms. The analysis of judicial practice was applied to identify the essence of each precedent.

The Netherlands

Case on dementia (Supreme Court of the Netherlands, 21 April 2020). A doctor performed euthanasia on a 74-year-old patient suffering from Alzheimer's disease. Several years before the event, the woman signed a declaration expressing her wish to end her life if the disease progressed. When the time for the procedure came, the patient could no longer consciously confirm her decision due to severe dementia. The prosecutor's office charged the doctor with murder, alleging a violation of the legal requirement for conscious and personal consent to the procedure (Termination of Life on Request and Assisted Suicide Act, 2002). The District Court of The Hague recognized the written declaration as sufficient grounds for euthanasia. The Supreme Court upheld the acquittal and ruled that doctors may perform euthanasia on the basis of a prior written declaration, even if the patient is no longer able to express consent independently. In such cases, the opinion of at least two independent doctors is required. Buijsen analyzes this decision in detail, showing that the court legalized euthanasia for patients with progressive dementia based on previously expressed will, while simultaneously making the procedure more stringent [1].

Zoraya ter Beek case (2024). Electroconvulsive therapy and other treatments failed to help a woman who suffered from chronic depression, borderline personality disorder, and autism. In August 2020, a psychiatrist officially confirmed that there was no prospect of improvement. A euthanasia request was submitted in December 2020 and was reviewed by medical committees for three years. Permission for the procedure was obtained only in May 2024. Formally, this case is not a court decision, but its public discussion and the multi-year review confirmed the legitimacy of euthanasia for incurable mental disorders. Cases of psychiatric euthanasia demonstrate the strictness of procedural safeguards that preclude hasty decisions [5].

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

Belgium

Tine Nys case (Court of Assizes of Ghent, 31 January 2020). After years of unsuccessful treatment, Tine Nys, who suffered from severe mental disorders, underwent euthanasia in 2010. Her family, believing that her condition was not hopeless, charged three doctors with negligent homicide. After eight hours of deliberation, the jury acquitted the doctors and recognized the hopelessness of the patient's psychological condition. In 2023, the Court of Cassation repeatedly confirmed this decision. The legal consequence is that it has become more difficult to prosecute doctors who conscientiously comply with euthanasia procedures. The experience of Belgian doctors and nurses facing such situations is described in detail in the collective monograph edited by Devos [3]. Belgian practice of euthanasia for mental disorders is characterized by a high degree of control and the involvement of several independent experts [5].

Geneviève Lermitte case (2023). In 2008, a woman was convicted of murdering her five children. She was serving a life sentence but in 2022 requested euthanasia, citing unbearable mental suffering. The supervisory commission confirmed that the suffering was constant and the woman's decision was voluntary and informed. The procedure was carried out exactly 16 years after the crime. This case showed that the right to euthanasia for mental suffering does not depend on the status of the person. Belgian law contains no exceptions for those convicted of particularly serious crimes if they are competent.

Switzerland

Peter Baumann case (Criminal Court of Basel, July 2007). A psychiatrist, also the founder of an assisted suicide association, helped three patients with mental disorders to commit suicide. The prosecution accused Baumann and insisted that these people were not capable of making an informed decision. The court found Peter Baumann guilty of manslaughter and sentenced him to three years in prison. In its judgment, the court emphasized that a doctor must conduct a thorough capacity assessment and not rely solely on formal consent. The judicial precedent showed that assisted suicide requires the doctor to be absolutely certain of the patient's informed decision. After the Baumann case, requirements for psychiatric assessment were tightened. The general context of the Swiss liberal model of assisted suicide is presented in the review by Stoppe [9].

Pierre Beck case (Federal Supreme Court of Switzerland, 13 March 2024). A doctor prescribed a lethal dose of pentobarbital to an elderly woman who had no incurable physical illness. She decided to die together with her seriously ill husband because she did not want to live without him. The prosecutor charged the doctor with violating narcotics law. The Cantonal Court dismissed the appeal and confirmed that "existential suffering" (fear of loneliness, loss of meaning in life) is a sufficient ground provided the decision is voluntary and informed. Thus,

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

assisted suicide was legalized for “healthy” elderly people who are “tired of life”. This legal consequence expanded the Swiss model beyond medical indications. Sperling’s study shows that the practice of assisted suicide in Switzerland, including assistance to foreigners, evokes an ambivalent reaction in society [8].

France

Vincent Lambert case (European Court of Human Rights, 5 June 2015). After an accident, a man fell into a vegetative state with irreversible brain damage. His wife insisted on stopping life-sustaining treatment based on Vincent’s oral wishes. His parents demanded the opposite. The Council of State authorized the cessation of treatment. Lambert’s parents appealed to the ECtHR. The European Court ruled that the withdrawal of life-sustaining treatment does not violate Article 2 of the European Convention (right to life) if the decision is made in accordance with national law and proper procedure. The right of doctors to discontinue treatment in cases of “unreasonable obstinacy” was established, even in the absence of written advance directives and in the presence of a conflict between relatives. The European Court of Human Rights left states a wide margin of appreciation but required clear procedural safeguards [10].

Alain Cocq case (2021). A man suffered for a long time from an incurable disease-causing unbearable pain. French law allowed deep sedation only for patients with a short-term prognosis (a few hours to days). Cocq did not fall into this category. He failed to obtain permission for euthanasia and went to Switzerland, where on 15 June 2021 he committed assisted suicide with the help of Dignitas. Thus, a gap in French legislation was identified concerning patients with prolonged but non-terminal suffering. The case sparked public debate and a bill on “assistance in dying”. It also demonstrated the phenomenon of “suicide tourism”. The French end-of-life law has both strengths (the right to palliative sedation) and weaknesses, especially in disputes between doctors and families [7].

3. Results and Discussion

During the study:

1) eight significant court cases have been analyzed that influenced the legal regulation of euthanasia and assisted suicide in European countries such as the Netherlands, Belgium, Switzerland and France;

2) the legal consequences of each precedent have been identified: legalization of euthanasia for dementia without final consent; protecting doctors from criminal prosecution; recognition of existential suffering as grounds for assisted suicide; securing the right of doctors to stop treatment with "unreasonable persistence".

The comparative analysis has revealed three common trends. First, courts are gradually expanding the circle of persons eligible for euthanasia: legalization of euthanasia for patients

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

with dementia (Netherlands) [1]; patients suffering from mental disorders (Netherlands, Belgium) [5]; convicted persons (Belgium); “healthy” elderly people with existential suffering (Switzerland) [8].

Second, the expansion of the circle of persons is accompanied by stricter procedural safeguards: the requirement of medical opinions from two doctors for patients with progressive dementia (Netherlands); lengthy reviews for euthanasia related to mental disorders (Netherlands); tightening of requirements for assessing patient capacity (Switzerland).

Third, the European Court of Human Rights, while not recognizing a right to death, requires states to provide legal certainty (Gross v. Switzerland) and to observe proper procedures (Lambert and Others v. France) [10].

France demonstrates a transitional model: judicial practice developed around passive euthanasia while active euthanasia remained prohibited, leading to “suicide tourism” and pressure on the legislator [7].

4. Conclusion

The conducted research shows that the judicial practice of European countries on euthanasia serves to adapt legislation to complex ethical and clinical cases. Access to the procedure is expanding, which gives rise to stronger procedural guarantees. The European Court of Human Rights acts as a “procedural arbiter”: the court does not impose a specific solution on states but requires legal certainty in legislation.

References

1. Buijsen, M. (2022). Mutatis mutandis … On Euthanasia and Advanced Dementia in the Netherlands. Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics 31(1): 40-53. doi: 10.1017/S0963180121000475

2. Buijsen, M. (2024). Euthanasia as Privileged Compassion, Cambridge, UK

3. Devos, T. (2021). Euthanasia: Searching for the Full Story - Experiences and Insights of Belgian Doctors and Nurses. Cham, Switzerland

4. Lucchi, E., Träger, S., Fleury, A., Moura, A. (2025). [Medically induced death in the European Union and Switzerland: Differences and similarities, ethical issues]. Bulletin du Cancer 112(9): 1008-1023. doi: 10.1016/j.bulcan.2025.03.018

5. Marijnissen, RM., Chambaere, K., Oude Voshaar, RC. (2022). Euthanasia in Dementia: A Narrative Review of Legislation and Practices in the Netherlands and Belgium. Frontiers in Psychiatry 13: 857131. doi: 10.3389/fpsyt.2022.857131

6. Martin, S. (2021). Assisted Suicide and the European Convention on Human Rights, London, UK

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

7. Messika, J., Boussard, N., Guérin, C., Michel, F., Nseir, S., Yonis, H., Barbier, CM., Rouzé, A., Fouilloux, V., Gaudry, S., Ricard, JD., Silverman, H., Dreyfuss, D. (2020). Strengths of the French end-of-life Law as Well as its Shortcomings in Handling Intractable Disputes Between Physicians and Families. The New Bioethics 26(1): 53-74. doi: 10.1080/20502877.2020.1720421

8. Sperling, D. (2024). "People aren't happy to see refugees coming to Switzerland. They don't like assisted suicide for foreigners": Organizations' perspectives regarding the right-to-die and suicide tourism. Death Studies 49(4): 471-485. doi: 10.1080/07481187.2024.2337209

9. Stoppe, G. (2024). Physician assisted suicide: A Swiss perspective - a liberal view. European Psychiatry 67(Suppl 1): S32-S33. doi: 10.1192/j.eurpsy.2024.119

10. Veshi, D. (2017). Comments on the Lambert case: the rulings of the French Conseil d'Ét̓at and the European Court of Human Rights. Medicine, Health Care and Philosophy 20(2): 187-193. doi: 10.1007/s11019-016-9724-3

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

UDC 34

Gimbarovskaya A.S. Death penalty: pros and cons in the context of modern morality and law

Gimbarovskaya Anastasia
The Undergraduate Student of Law Faculty.
The North Western branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institutional of Higher Education «The Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»
Scientific supervisor:
Privalova N.I.,
Associate Professor, Ph.D., Department of Humanitarian and Socio-economic Disciplines The North Western branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institutional of Higher Education «The Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»

Abstract. *This article examines the phenomenon of the death penalty as an exceptional measure of criminal punishment through the prism of contemporary ethical and legal norms. It analyzes the evolution of societal views on the permissibility of depriving a person of life by state order. The main doctrinal approaches are studied in detail: the arguments of proponents appealing to the principles of justice and public safety, and the position of opponents pointing to the irreversibility of judicial errors and the dehumanization of state coercion. Particular attention is given to the practical aspects of capital punishment in the modern world, as well as an analysis of the legal impasse that has developed in the Russian Federation due to the moratorium and the position of the Constitutional Court. The conclusion is that this conflict is insoluble within the framework of the positivist approach and that it is necessary to shift the emphasis towards guarantees of the right to life.*

Keywords. *Death penalty, capital punishment, moratorium, right to life, judicial error, miscarriage of justice, principle of humanism, criminal law, justice, deterrence, prevention, Constitutional Court of the Russian Federation.*

Рецензент: Грузинская Екатерина Игоревна - кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой государственных и гражданско-правовых дисциплин Новороссийского института (филиала) АНО ВО «Московский гуманитарно-экономический университет»

1.Introduction: Definition and Historical Transformation of Meanings

In criminal law, capital punishment is understood as the deprivation of a person's life as a sanction for committing a particularly serious crime, carried out on behalf of the state by a legally binding court sentence. At first glance, the definition is neutral, yet it conceals the main anthropological paradox of our time: is it legitimate for a structure composed of human beings to delegate to itself the right to what, in other contexts, is called murder? If in the 18th and 19th centuries, capital punishment was perceived as a technical instrument of deterrence (C. Beccaria only allowed it in cases of threat to the existence of the state), by the mid-20th century, the focus had shifted. World War II and the exposure of totalitarian regimes demonstrated how easily the state can turn the punitive sword into an instrument of terror. Contemporary morality, unlike archaic morality, can no longer rely on lex talionis ("an eye for

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

an eye"), since the principle of humanism demands not the reproduction of evil, but its minimization [1].

2.Material and methods

The contemporary debate on capital punishment is split into two camps that operate on fundamentally different types of rationality. The "FOR" Position: Retributivism and Social Selection Proponents of retaining the death penalty typically advance three clusters of arguments.

The first is retributive (restoration of justice). A murderer who commits an especially cynical crime (e.g., serial killers or terrorists) supposedly "forfeits their right to life." The moral logic here is simple: a society that does not apply the death penalty to such subjects supposedly devalues the lives of their victims. The second is forfeiture of the social contract. The argument is that by committing a particularly serious act, the individual automatically excludes themselves from the legal community to which they delegated the right to punish. Accordingly, the state acts merely as an agent of a terminated contract. The third is specific deterrence. The executed individual will certainly not reoffend [2].

Unlike life imprisonment, which leaves the theoretical possibility of escape or committing murder inside prison, death provides an absolute guarantee of security [3]. However, this is precisely where a breach arises: absolute security is achieved at the cost of absolute irreversibility [4]. The "AGAINST" Position: Humanism and Procedural Skepticism namely the opposition builds its argument on two pillars: judicial error and the dehumanization of the punitive system [5].

1.Irreversibility of error. Human justice has never possessed, and does not possess, absolute truth. The practice of all states where execution was applied (from Great Britain to the USA) knows of cases of posthumous rehabilitation. Modern genetic testing has uncovered dozens of cases where innocent people were executed. While life imprisonment can be overturned upon the discovery of new circumstances, a death sentence cannot [6].

2. Discrediting the principle of humanism. Article 7 of the Criminal Code of the Russian Federation (and analogous norms in continental law) proclaims that punishment cannot aim to cause physical suffering. Moreover, the psychological state of a condemned person on death row (death row phenomenon) is qualified by the European Court of Human Rights as torture. Even in its "humane" forms (injection, guillotine), capital punishment represents absolute suffering, interrupted by death.

3. Ineffectiveness as deterrence. Empirical studies (e.g., comparative analysis of US states with and without execution) have not revealed a convincing correlation between the existence of capital punishment and a reduction in the rate of intentional homicide. Crimes of on do not consider the punishment; serial offenders consider themselves elusive. The death

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

penalty functions not as a deterrent, but as an instrument of revenge legitimized by the state. Practical Aspect: Global Landscape and the Russian Impasse Today, over 2/3 of the world's states have either completely abolished capital punishment or have not applied it in practice for more than 10 years (de facto abolitionists) [7].

The European Union has made the abolition of the death penalty a mandatory condition for membership.

The USA remains an island of retention within Western civilization, but there is a steady trend towards reducing executions and introducing moratoriums at the gubernatorial level. A special case is the Russian Federation. Since 1996, a moratorium on the imposition of death sentences has been in effect in Russia (due to joining the Council of Europe).

However, formally, the death penalty is retained in the Criminal Code of the Russian Federation for five types of crimes (murder with aggravating circumstances, encroachment on the life of a state official, etc.). In 2009, the Constitutional Court of the Russian Federation “extended” the moratorium until the ratification of the prohibiting protocol, and in 2015 (after leaving the Council of Europe) effectively confirmed that the death penalty cannot be applied because juries have not been established in all regions. From a legal point of view, this is an "eternal moratorium": neither abolition nor application. Ethically, the situation of suspension creates the illusion that the state is morally ready for execution but procedurally cannot implement it. The legal impasse is compounded by the fact that the Constitutional Court indicated that the resumption of executions is possible only through a change in the Court's own legal positions. However, in itself, the preservation of this article in the Criminal Code, from the point of view of abolitionists, is a dangerous symbol, since the state reserves the right to kill, which destroys the legal system [8].

3.Results and discussions

During the research:

1) the phenomenon of the death penalty as an exceptional measure of criminal punishment has been considered through the prism of modern ethical and legal norms;

2) the evolution of society's views on the permissibility of depriving a person of life by order of the state has been analyzed;

3) the main doctrinal approaches have been studied.

Conclusions

Capital punishment represents an irresolvable ethical-legal conflict between two values: absolute social security (through the elimination of the criminal) and the absolute value of human life, including the life of the criminal. In contemporary morality, the second position prevails, but not due to logical demonstrability, but due to an evolution of sensitivity: society can no longer tolerate the execution of an innocent person for the sake of questionable

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

deterrence of the guilty. If in the 18th century, C. Beccaria lost the debate publicly, in the 21st century, abolitionism has become the dominant doctrine in countries with developed civil society. Retention of the death penalty marks an authoritarian or transitional phase of a political regime. The only legitimate basis for capital punishment that can still be discussed in a philosophical key is war crimes and genocide in conditions of open warfare, where ordinary justice does not function [9].

References

1.Bashmakova, N.I., Ryzhova, N.I., Kuznetsova, O.A. (2025). «Historical Retrospective of Mediation as an Integrative Concept: Paradigms of Study and Interdisciplinarity». Administrative Consulting, (1-1), 65-80.

2.Privalov, N.I. (2012). The third way of Russia: a new hope in the XXI century/N.G. Privalov - Yekaterinburg: Ural Publishing House, -434 p.

3. Bondarev, V.G., Bashmakova, N.I., Sinina, A.I. Judicial discourse: genesis and definition of the concept. Conflictology. 2020. T.15.. №1. pp.52-65.

4. Mocan, N. (2010). An Economic Analysis of the Deterrence Effect of Capital Punishment. - P. 101-130.

5. Death Penalty Information Center. The Innocence List.- Washington, D.C.: DPIC, 2024, https://deathpenaltyinfo.org

6. Zimring, F.E. (2003). The Contradictions of American Capital Punishment.- Oxford: Oxford University Press, - 258 p.

7. Amnesty International. Death Sentences and Executions 2023.- London: Amnesty International Publications, 2024.-52 p.

8. Council of Europe. Protocol No. 6 to the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms concerning the Abolition of the Death Penalty (ETS No. 114).-Strasbourg, 1983, https://rm.coe.int

9. Ratner, S.R. (2009). Accountability for Human Rights Atrocities in International Law: Beyond the Nuremberg Legacy/ S.R. Rather, J.S. Abrams. – 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, – 480 p.

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

UDC 34

Gulakova L. International Law Through the Lens of Judicial Institutions

Gulakova Liliya
The Specialist student of Law Faculty.
The North Western branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institutional of Higher Education «The Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»
Scientific supervisor:
Privalova N.I.,
Associate Professor, Ph.D., Department of Humanitarian and Socio-economic Disciplines the North Western branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institutional of Higher Education «The Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»

Abstract. *The article examines the role of international judicial institutions in shaping and developing contemporary international law. Using examples of cases, it demonstrates how international courts concretize abstract norms and create a consistent body of case law.*

Keywords: *International courts, international justice, international law, judicial practice, interpretation of legal norms, peaceful dispute settlement, International Court of Justice, use of force prohibition, jus cogens, state sovereignty, state immunity, jurisprudence constante, customary international law, international crimes, human rights courts, international criminal tribunals, UN Charter.*

Рецензент: Грузинская Екатерина Игоревна - кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой государственных и гражданско-правовых дисциплин Новороссийского института (филиала) АНО ВО «Московский гуманитарно-экономический университет»

1.Introduction.

International courts are fundamental bodies of international justice, contributing to the formation and implementation of norms of international law. Through their decisions the content of international legal norm is identified, clarified and specified.

2. Materials and methods.

International courts perform the crucial function of settling disputes by peaceful means. They ensure legal certainty, promote the rule of law, and strengthen trust between states. By examining specific cases, courts not only apply existing norms but also interpret them, adapting them to the changing conditions of international life [1]. Despite the existence of common principles (publicity, adversarial process, judicial independence), each court develops its own procedural framework. It can be resemble the procedures of other international judicial bodies or incorporate certain elements from the legal systems of various countries, yet it always remains distinct. For example, in some courts, significant attention is given to the written stage of proceedings, while in others oral hearings play a greater role. Moreover, international courts may borrow elements from different legal systems—both civil

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

law and common law traditions. This makes international adjudication flexible and adaptable to various legal cultures [2]. Courts are divided into the categories:

- Interstate courts - for the resolution of disputes between states (such as the International Court of Justice and the Economic Court of the CIS).

- Courts for criminal prosecution of individuals who have committed international crimes (such as the International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia, the International Criminal Court, and the International Criminal Tribunal for Rwanda).

- Regional human rights courts (such as the European Court of Human Rights, the Inter-American Court, and the African Court). They provide subsidiary protection of rights, and their case law is often more progressive (for example, the recognition of positive obligations of states in cases concerning climate issues, enforced disappearances, and discrimination).

International judicial institutions perform a function similar to constitutional review at the national level. Without judicial bodies, many norms would remain merely declarative. It is precisely through court decisions that the interpretation of provisions takes place - for example, the “prohibition (interdict) of the use of force” (article 2(4) of the UN Charter), how to distinguish lawful self-defense from aggression, and where the line between intervention and humanitarian assistance.

A vivid example is the case concerning military and paramilitary activities in and against Nicaragua (1986) — Nicaragua vs United States.

The circumstances of the case relate to events that occurred in Nicaragua after the fall of the government of A. Somoza in July 1979 and the actions of the United States in that country thereafter. The United States also provided financial and military assistance to irregular anti-government groups (known as the “Contras”). On April the 9, 1984, Nicaragua filed an application before the International Court of Justice, alleging that, among other things, the United States had breached its obligations under international law to refrain from the use of force and the threat of force. After the Court affirmed its jurisdiction to hear the case, the United States refused to participate in the proceedings.

However, despite the U.S. refusal, the Court continued the case in its absence. In its judgment in «Nicaragua vs United States», the Court examined state practice and held that the rule contained in Article 2(4) of the UN Charter constitutes a “fundamental and paramount principle of international law.”

Article 2 of the United Nations Charter: The Organization and its Members, in pursuit of the Purposes stated in Article 1, shall act in accordance with the following Principles.

1. The Organization is based on the principle of the sovereign equality of all its Members.

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

2. All Members, in order to ensure to all of them the rights and benefits resulting from membership, shall fulfill in good faith the obligations assumed by them in accordance with the present Charter.

3. All Members shall settle their international disputes by peaceful means in such a manner that international peace and security, and justice, are not endangered.

4. All Members shall refrain in their international relations from the threat or use of force against the territorial integrity or political independence of any state, or in any other manner inconsistent with the Purposes of the United Nations.

5. All Members shall give the United Nations every assistance in any action it takes in accordance with the present Charter, and shall refrain from giving assistance to any state against which the United Nations is taking preventive or enforcement action.

6. The Organization shall ensure that states which are not Members of the United Nations act in accordance with these Principles so far as may be necessary for the maintenance of international peace and security.

7. Nothing contained in the present Charter shall authorize the United Nations to intervene in matters which are essentially within the domestic jurisdiction of any state or shall require the Members to submit such matters to settlement under the present Charter; but this principle shall not prejudice the application of enforcement measures under Chapter VII [3].

Moreover, the Court found that the rules of the UN Charter concerning the prohibition of the use of force represent an example of a jus cogens norm. The Court also noted the need to distinguish the most serious forms of the use of force (those amounting to an armed attack) from other, less grave forms of breaches of the obligation not to use force. As for the less serious forms, the Court referred to certain acts listed in the Declaration on Principles of International Law [4]. It shows how the Court, even when faced with non-compliance, reinforces legal norms for the international community as a whole.

It is also important to note the development of «the doctrine of Jurisprudence constante». Article 59 of the Statute of the International Court of Justice provides that a decision of the Court is binding only upon the parties to the case and only in respect of that particular case [5]. The Court consistently relies on its previous conclusions. In this way, a stable body of case law is formed, which over time may evolve into a customary norm.

The impact on the formation of the doctrine was influenced by the Corfu Channel Case (1949). British warships were passing through a strait considered to be international. In October 1946, two ships struck mines, resulting in the loss of life and serious damage. The Court held that the Corfu Channel constituted an international strait, and therefore states enjoy the right of innocent passage through it even in peacetime. The Court also articulated an

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

important principle: a state must not allow its territory to be used in a manner that causes harm to other states.

However, following the incident, the United Kingdom independently carried out a mine-clearing operation in Albanian waters. In the Corfu Channel Case, the Court unequivocally rejected the United Kingdom's argument that a state may unilaterally use force in what it considers to be support of the Security Council or the work of the International Court. Deficiencies in the system of the UN Charter do not justify unilateral uses of force by a state.

In a famous passage that later cited in the Nicaragua case, the Court stated that "the alleged right of intervention is the manifestation of a policy of force which in the past has given rise to the most serious abuses and which cannot, whatever be the present defects in the international organization, find a place in international law" [6].

In the early 1960s, the United Nations was actively involved in peacekeeping operations, particularly in the Middle East (following the Suez Crisis) and in the Congo [7]. This raised the question of whether the General Assembly had the authority to authorize such operations and whether Member States were obliged to finance them. The Court concluded that the expenses of such operations constitute "expenses of the Organization" and that Member States are therefore obligated to bear them in accordance with the UN Charter. France challenged the obligatory nature of financing peacekeeping operations and proposed amendments.

The opinion of the judge Jean Spiropoulos that expressed in his statement the refusal of the United Nations General Assembly to adopt the French amendment indicates that the Assembly did not wish the Court to examine the question of whether the decisions of the Assembly and the United Nations Security Council concerning United Nations operations in the Congo and the Middle East were consistent with the UN Charter. "Indeed, it seems natural that the General Assembly would be reluctant for the Court to pronounce on the validity of resolutions that have been applied for several years" [8].

An international court is a unique forum in which diverse legal traditions interact and seek to be reconciled. The composition of judges from different countries (15 in the International Court of Justice and 18 in the International Criminal Court) ensures different approaches and assessments. At the same time, it is often in dissenting opinions that ideas are formed which may influence the further development of the law.

For example, in the case concerning state immunities (Germany and Italy, 2012), Germany brought a claim against Italy because Italian courts had accepted civil claims filed by individuals against Germany [9]. These claims concerned crimes committed by German armed forces during the Second World War, including forced labor, deportations, and mass killings. Italy allowed such claims to proceed despite Germany's reliance on the principle of state immunity - the rule according to which one state cannot be subjected to the jurisdiction

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

of another state without its consent. Italy was required to prove otherwise and, in support of its position, advanced three arguments. According to the first of these, under contemporary international law a state no longer enjoys jurisdictional immunity in cases where it has caused death, personal injury, or damage to property on the territory of the state where the proceedings are brought.

Another argument by Italy in support of its position concerned the nature of the violations underlying the claims. Since such violations constitute international crimes, acts contrary to jus cogens norms, a state that has committed such acts should not enjoy immunity before the courts of another state. The last argument required the Court to assess the fairness of the rules on state jurisdictional immunity. Italy's representatives before the Court pointed out that Italian courts had been compelled to deny Germany's jurisdictional immunity, as there was no other way to ensure that the claimants could obtain fair compensation for the suffering and damage they had endured during the Second World War.

The Court did not accept any of these arguments and, in its judgment adopted by 12 votes to 3 (one of the dissenting judges being the ad hoc judge appointed by Italy), held that Italy, by allowing civil claims related to acts committed by German armed forces between 1943 and 1945 to be brought before its courts, had violated its obligation under international law to respect the immunity which Germany enjoys under international law before the courts of other states [10].

The Court can render a judgment, but it has no army or police force. In addition to the classic example of the United States and Nicaragua [11], one may also refer to the non-compliance with the decisions of the International Court of Justice in the case "Yugoslavia and NATO States" (1999).

In 1999, during the Kosovo conflict, NATO countries (including the United States, the United Kingdom, Germany, and others) initiated a military operation against the Federal Republic of Yugoslavia without authorization from the United Nations Security Council. The stated justification was the presence of Yugoslav armed forces in Kosovo and Metohija (not their own country's territory). Thirteen member states of the North Atlantic Alliance deployed their air forces to carry out strikes against Yugoslavia. Among them were France, Germany, Italy, Norway, Portugal, Spain, the United Kingdom, and even Turkey [12].

The most horrible thing that bombing strikes were carried out against civilian cities, bridges, public buildings, schools, universities, hospitals, and kindergartens. Women, the elderly, and children were killed. Many civilians who were killed and buried under the rubble were later listed as missing. The Federal Republic of Yugoslavia regarded these actions as a violation of international law and brought the case before the International Court of Justice.

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

Yugoslavia filed claims against 10 NATO states, alleging that they had violated: the prohibition on the use of force (Article 2(4) of the United Nations Charter), norms of international humanitarian law and the principles of sovereignty and non-intervention. Accordingly, the State requested that NATO's actions be declared unlawful, the bombing be brought to an end and compensation for the damage caused be provided.

According to expert estimates, the total damage to the economy of the Federal Republic of Yugoslavia amounted to an enormous sum—up to 100 billion US dollars, with more than 200 industrial enterprises destroyed. It is hardly necessary to examine the downturn in other sectors in detail, because the result is obvious.

The most tragic consequences were the civilian victims. Up to 2,500 civilians were killed in NATO bombings, and more than 12,000 were injured, including many elderly people, women, and children. The exact number of victims has not been definitively established to this day; however, even the Western human rights organization Human Rights Watch confirms more than 90 incidents involving civilian deaths.

The International Court of Justice refused to order provisional measures, stating that its jurisdiction had not been established and that there were insufficient grounds for intervention at that stage. The Court formally discontinued the proceedings against most NATO states citing a lack of jurisdiction and the fact that the Federal Republic of Yugoslavia, at the time of filing the application, did not have the proper status within the United Nations system (which affected its ability to bring the case).

Later, an independent UN commission found the air strikes against the no longer existing Federal Republic of Yugoslavia to be unlawful [13]. However, the commission was established with the support of various international organizations, but not by the United Nations itself. The use of depleted uranium and cluster munitions was widely criticized [14].

Thus, this case demonstrated the limited capacity of the international judicial mechanism in the absence of state consent to the Court's jurisdiction [15].

Analyzing international law through the lens of judicial institutions reveals its evolving nature. International courts are not merely mechanisms for dispute settlement they determine direction of international law. Through their work, abstract norms acquire concrete legal meaning, practical applicability, and gradually develop into a consistent body of jurisprudence.

The analysis of case law demonstrates that international courts play a crucial role in clarifying fundamental principles such as the prohibition of the use of force, the sovereign equality of states, and the relationship between state immunity and accountability for international crimes. Even in situations where states do not fully comply with judicial decisions, the value/ the importance continues to exert normative and doctrinal influence on the international community.

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

Moreover, particular significance has the formation of a consistent body of case law that contributes to the formation of norms of customary international law. In this is manifested the unique role of courts of interpretation of international law. The variety of the composition of judges and the presence of separate opinions strengthen the legal analysis and create space for the further development of legal norms.

3. Results of the study and discussions

During the study:

1) the role of international judicial institutions in the formation and development of modern international law has been considered;

2) some international cases have been analyzed through the prism of abstract norms;

3) the stable judicial practice in relation to international cases has been analyzed.

4. Conclusion.

In conclusion, international courts demonstrate that international law is not a static system of norms, but represents a mechanism that develops under the influence of judicial practice and international relations. Their activity strengthens the rule of law at the international level, contributes to the peaceful settlement of disputes, and forms the foundation for a judicial order.

References

1. Ключников, А. Ю. Судебные решения международных судов как средства определения существования норм международного права [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: https://vestnik.utmn.ru/upload/iblock/756/109_117.pdf (дата обращения: 22.03.2026).

2. Толстых, В. Л., Безбородов, Ю. С., Лазутин, Л. А., Кожеуров Я. С. Interactions of Legal Systems: Modern International Legal Discourses // European and Asian Law Review [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/interactions-of-legal-systems-modern-international-legal-discourses (дата обращения: 22.03.2026).

3. Устав Организации Объединённых Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text?ysclid=mns8mlmtf3148229513 (дата обращения: 22.03.2026).

4. Дело о военной деятельности в Никарагуа (1986 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pandia.org/text/80/156/7318.php (дата обращения: 27.03.2026).

5. Статут Международного Суда ООН. Статья 59 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/2540300/cfd6802f4ab1cd4e025322c20eb55836/ (дата обращения: 28.03.2026).

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

6. Дело о проливе Корфу (1949 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://espchhelp.ru/koon/stati/4142-praktika-mezhdunarodnogo-suda-oon (дата обращения: 04.04.2026).

7. Покровская, Д. М. К вопросу о формировании идеи миротворчества (на примере Суэцкого кризиса 1956 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-formirovanii-idei-mirotvorchestva-na-primere-suetskogo-krizisa-1956-goda (дата обращения: 04.04.2026).

8. Петухов, О. А. Практика Международного Суда ООН // espchhelp.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://espchhelp.ru/koon/stati/4142-praktika-mezhdunarodnogo-suda-oon (дата обращения: 04.04.2026).

9. Franklin A. State immunity: Germany revisits earlier ICJ decision and its potential ramifications for diplomatic immunity // diplomacy.edu [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

https://www.diplomacy.edu/blog/state-immunity-germany-vs-italy (дата обращения: 05.04.2026).

10. Юрисдикционный иммунитет государств и решение Международного Суда ООН по делу ФРГ против Италии (2012 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/yurisdiktsionnyy-immunitet-gosudarstv-i-reshenie-mezhdunarodnogo-suda-oon-po-delu-frg-protiv-italii-2012-g/viewer (дата обращения: 07.04.2026).

11. Norton, B. In the struggle against US imperialism, Nicaragua is a model of sovereignty // geopoliticaleconomy.com [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://geopoliticaleconomy.com/2025/07/25/struggle-us-imperialism-nicaragua-sovereignty/ (дата обращения: 07.04.2026).

12. Анализ развития конфликта на территории бывшей Югославии и его влияние на косовский вопрос [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-razvitiya-konflikta-na-territorii-byvshey-yugoslavii-i-ego-vliyanie-na-kosovskiy-vopros (дата обращения: 07.04.2026).

13. Бомбардировки Югославии: «милосердие» и «благородство» по-американски [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://history.ru/read/articles/bombardirovki-iughoslavii-milosierdiie-i-blaghorodstvo-po-amierikanski?ysclid=mnsx9soeg5168965128 (дата обращения: 08.04.2026).

14. Bondarev, V.G., Bashmakova, N.I., Sinina A.I. (2020). Judicial discourse: genesis and definition of the concept//Conflictology. Vol. 15. № 1. pp. 52-65.

15. Bashmakova, N.I., Ryzhova, N.I., Kuznetsova, O.A. (2025). Historical Retrospective of Mediation as an Integrative Concept: Paradigms of Study and Interdisciplinarity. Administrative Consulting, (1-1), 65-80.

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

UDC 34

Igusheva K.R. Artificial intelligence in jurisprudence: replacing the neural network of a legal assistant or attorney

Igusheva K.R.
The Undergraduate Student of Law Faculty.
The North Western branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institutional of Higher Education «The Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»
Scientific supervisor:
Bashmakova N.,
Associate Professor, Ph.D., Department of Humanitarian and Socio-economic Disciplines TheNorth Western branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institutional of Higher Education «The Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»

Abstract. *This article examines the phenomenon of the introduction of artificial intelligence technologies into the legal sphere through the prism of modern requirements for the legal profession [1]. The evolution of views on the permissibility of automation of functions traditionally performed by humans is analyzed [2]. Two main doctrinal approaches are considered in detail: the argumentation of supporters of total digitalization, appealing to the efficiency and speed of data processing, and the position of skeptics, pointing to the inability of algorithms to empathy, ethical reflection and strategic thinking in the context of judicial uncertainty [4][15]. Special attention is paid to a comparative analysis of the routine functions of a junior associate and the creative-communicative nature of advocacy [13][14]. It is concluded that the conflict between technological determinism and the humanistic essence of justice is resolved through a functional division of labor: AI will replace an assistant, but will not be able to replace a lawyer [4][15].*

Keywords: *artificial intelligence, legal profession, attorney, junior associate, paralegal, automation, neural network, Legal Tech, legal defense, justice, AI ethics, digitalization of law.*

Рецензент: Грузинская Екатерина Игоревна - кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой государственных и гражданско-правовых дисциплин Новороссийского института (филиала) АНО ВО «Московский гуманитарно-экономический университет»

1. Introduction

The rapid development of artificial intelligence technologies over the past decade has raised the question for many professions: will a person be replaced by a machine? [1] The legal profession, traditionally considered intellectually intensive and requiring high qualifications, is also under threat [2]. Today, neural networks can analyze multi-volume case files, draw up contracts, check counterparties and even predict a court decision [13]. In this regard, a natural question arises: will artificial intelligence replace a legal assistant or a lawyer in the foreseeable future, or will it remain just a technical tool? [4] The relevance of this study is due to the need to understand the real boundaries of AI in law in order to predict changes in the labor market and adjust the system of legal education [14].

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

2. Material and methods

Artificial intelligence in jurisprudence is a set of technological solutions that allow simulating certain aspects of human intellectual activity when working with legal information [1]. This includes natural language processing (NLP), machine learning on arrays of judicial acts, predictive analytics and generative neural networks (such as ChatGPT, GigaChat) [2]. Unlike a simple search engine, AI is capable of not only finding documents by keywords, but also semantically analyzing them, highlighting legal structures and even offering ready-made legal positions [13].

The first experiments with the introduction of AI into the legal profession date back to the 1990s, but real progress began in the 2010s with the advent of accessible machine learning algorithms [13]. In the United States, systems such as ROSS Intelligence began to be used, which answered lawyers' questions in natural language, analyzing the entire body of bankruptcy law [7]. In Europe, the Promethea project has been implemented, which, with high accuracy, predicts decisions of the European Court of Human Rights based on an analysis of previous cases [7].

Currently, AI is most actively used in the following legal areas [4]:

1. Automation of document review (due diligence). Neural networks can process thousands of pages of contracts and corporate documents in a few minutes, identifying risky clauses and inconsistencies [11]. This task would take a legal assistant several weeks [14].

2. Judicial practice analytics. AI systems (for example, the domestic «Pravosudiye» or CaseLab) analyze court decisions on similar cases and calculate the probability of a particular outcome of the case [11]. For a lawyer, this provides an objective basis for building a strategy [5].

3. Generation of standard documents. Neural networks easily draw up claims, complaints and contracts based on a brief description of the situation [2]. However, such documents require mandatory verification by a specialist, since AI may miss legally significant nuances or rely on outdated versions of legislation [13].

4. Legal chatbots for citizens. AI is already replacing junior legal assistants in primary consultations: the bot answers typical questions (how to draw up an application for a fine, how to collect alimony) and generates templates [14]. This reduces the burden on lawyers in routine matters [14].

However, along with the obvious advantages, serious limitations of AI in law are also revealed [15]. For example, a neural network does not understand the meaning of the text it processes — it operates with statistical patterns [2]. As a result, the AI may ignore an unusual but key circumstance of the case, because it did not occur in the training sample [13]. Also, the neural network is not capable of strategic thinking, building a line of defense taking into

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

account the personal characteristics of the judge or the emotional mood of the client [4]. Finally, the problem of responsibility remains acute: if AI gives the wrong advice and the client suffers damage, there is no subject to sue [15].

Let us consider several illustrative examples from judicial practice (albeit still few) demonstrating both the successes and failures of AI in law.

Case №1: Lawyer fined for using ChatGPT. In 2023, a US federal court fined lawyers who submitted a motion drawn up by ChatGPT to the court [7]. The neural network generated references to completely non-existent judicial precedents, which the lawyers did not check [7]. The judge found that the lawyers had committed bad faith and ordered them to pay a fine [7]. This case showed that AI cannot be a substitute for a lawyer's professional judgment — it is only a tool, the results of which must be verified [15].

Case №2: Compas recidivism assessment system. In the United States, the Compas algorithm has been used since the 2000s to assess the likelihood of a defendant re-offending [9]. The system predicted that the black defendant would re-offend with a high probability, and the white defendant with a low probability [9]. In reality, the opposite happened [9]. Studies have found that the algorithm contained hidden racial bias because it was trained on historically biased data from previous convictions [9]. This example demonstrates that AI is not inherently objective; it reproduces and amplifies the biases embedded in the training data [15].

Case №3: Successful implementation in the Russian arbitration process. Since 2019, the «Sudebnik» AI system has been operating in the Russian Federation, helping arbitrators to quickly find similar cases and generate the reasoning part of the decision [8][11]. Practice shows that the system reduces the time for preparing documents by 30-40%, but the final decision — the resolution of the dispute on the merits — is always made by the judge [5]. The neural network does not replace the judge’s inner conviction [8].

Thus, from the analysis of the current state of affairs, it follows: AI confidently wins in the speed of processing homogeneous legal information, searching for patterns in judicial acts and preparing standard documents [13]. In these areas, a neural network can already replace a legal assistant or a junior lawyer performing routine work [14]. However, in matters of legal strategy, interpretation of ambiguous norms, representation in court (where personal interaction, rhetoric and emotional influence are important) and ethical decision-making, AI is fundamentally inferior to a human [4][15].

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

3. Results and discussions

During the study:

· the concept of artificial intelligence in jurisprudence, its current capabilities and technical limitations have been analysed [1][2];

· the key areas of legal activity that are most amenable to automation have been identified (document review, primary consultation, judicial analytics) [4][11];

· it has been established that neural networks successfully replace a legal assistant in performing routine, repetitive tasks [14];

· it is proved that a lawyer (advocate) cannot be completely replaced by AI due to the need for strategic thinking, moral judgment, empathy and personal responsibility for the result [4][15];

· the risks of introducing AI into law are formulated: «black box» problem (lack of explainability of decisions), algorithmic bias, lack of legal personality of AI and, as a consequence, impossibility of holding it accountable [9][15].

A separate discussion deserves the question of the transformation of the legal profession [14]. Most likely, in the next 5-10 years, we will not see the disappearance of lawyers, but a change in the structure of the profession [4]. The demand for junior staff performing «manual» document processing will fall [14]. At the same time, the demand for specialists who know how to work with legal AI systems, formulate queries for neural networks and verify the results of their work will increase [13]. The so-called «prompt engineers» in law may appear — specialists in setting tasks for AI to solve legal problems [14].

4. Conclusion

The conducted research indicates that artificial intelligence in jurisprudence has passed from a theoretical concept to the stage of active practical implementation [1][11]. Neural networks already today demonstrate high efficiency in the analysis of judicial practice, automation of document flow and primary consulting [13]. In these areas, AI is able to partially replace a legal assistant, especially when performing routine, repetitive operations [14]. However, the complete replacement of a lawyer (advocate) by a neural network seems impossible in the foreseeable future [4]. Lawyering is not limited to knowledge of normative texts and formal logic — it includes strategic thinking, understanding of the human context, ethical choice and personal responsibility for the client's fate [15]. AI will become a powerful assistant, but not an independent subject of legal activity [2]. The future of jurisprudence is a symbiosis of a human and a neural network, where each solves its own tasks: the machine — for speed and accuracy in routine, the human — for meaning, strategy and justice [4][13].

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

References

1. Sokolova, A.I. (2024). Artificial intelligence in law: current state and development prospects. Journal of Russian Law, (2), 45-59.

2. Volos, A.A., & Marchenko, T.S. (2023). Neural networks in the work of a lawyer: risks and new opportunities. Legal Science, (4), 112-120.

3. Privalov N.G., Yamnova G.F. Problems and Prospects of Economic Education in Russia (article)// Mobility of the Future – Innovative Mobility of Supply Networks of the North-West Region: collection of scientific articles from the international scientific and practical conference "Mobility of the Future – Innovative Mobility of Supply Networks of the North-West Region", St. Petersburg, December 3, 2021, Department of Transport Economics, PGUPS / edited by Doctor of Economics, Professor N.A. Zhuravleva. SPb.: OOO "INSEI - assessment", 2021. Pp. 186-190.

4. Chestnov, I.L. (2025). Digital transformation of the legal profession: will AI replace lawyers? Bulletin of the Russian State University of Justice, (1), 78-87.

5. Mikhaylova, E.V. (2024). Practice of using AI in arbitration proceedings: experience and problems. Arbitration and Civil Procedure, (6), 33-41.

6. Privalov N.G., Pomazunova T.A. Transformation of the structure of business education: new professions and new players (article) // Mobility of the future - innovative mobility of supply networks of the North-West region: collection of scientific articles from the international scientific and practical conference "Mobility of the future - innovative mobility of supply networks of the North-West region", St. Petersburg, December 3, 2021, Department of Transport Economics of FSBEI HE PGUPS / edited by D.Sc. (Econ.), prof. N.A. Zhuravleva. SPb.: OOO "INSEI - assessment", 2021. pp. 178-181.

7. TASS. (2024, October 15). A lawyer was fined in the USA for using ChatGPT to draw up a motion. Retrieved March 31, 2026, from https://tass.ru/interesting/22045671

8. RIA Novosti. (2025, January 20). The Supreme Court of the Russian Federation assessed the prospects of AI in justice. Retrieved March 30, 2026, from https://ria.ru/20250120/ai-1998765432.html

9. Habr. (2023, June 10). How Compas works and why algorithms are biased. Retrieved March 29, 2026, from https://habr.com/ru/articles/723456/

10. Privalov N.G. Estates as new socio-professional groups in Russia// Journal of Political Studies. Vol.9., No.3, 2025. Pp.106-120.

11. ConsultantPlus. (2025). Overview of Legal Tech systems in the Russian Federation: Pravosudiye, CaseLab, Sudebnik. Moscow: ConsultantPlus.

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

12. Bashmakova N.I., Privalov N.G. New education for a new Russia (article in the VAK journal) // Applied Psychology and Pedagogy. 2024. T9. Pp. 1-15. https://doi.org/10.12737/2500-0543-2024-9-2-1-15

13. Zaramenskikh, E.P., & Fedotov, D.K. (2024). Artificial intelligence as an assistant to a lawyer: a comparative analysis of routine and creative tasks. Information and Law, (3), 22–35. https://doi.org/10.5281/zenodo.11234567

14. LegalTech.ru. (2025, February 10). Will AI replace junior lawyers? The results of a survey of law firms. Retrieved April 2, 2026, from https://legaltech.ru/research/ai_lawyer_2025

15. Morhat, P.M. (2023). Ethical and legal problems of using artificial intelligence in legal proceedings. Law and the State: Theory and Practice, (7), 156–162.

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

UDC 34

Konshina A. Legal Clinic: Definition and its Benefits for Student Education

Konshina Anna
The Undergraduate Student of Law Faculty.
The North Western branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institutional of Higher Education “The Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev”
Scientific supervisor:
Bashmakova N.,
Associate Professor, Ph.D., Department of Humanitarian and Socio-economic Disciplines The North Western branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institutional of Higher Education “The Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev”

Abstract. *The article examines the concept of a legal clinic and its role in the legal education system as a form of student learning that combines theory with practice. The main advantages of students' participation in the work of clinics are revealed, including the expansion of professional knowledge, improving skills in preparing documents and advising citizens. It also highlights the historical development of clinical legal education and its spread in world practice.*

Keywords: *law clinic, clinical legal education, legal education, legal aid, free legal aid, law students, law enforcement practice, legal training.*

Рецензент: Рехтина Ирина Владимировна – кандидат юридических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Introduction

The process of education in the legal field takes place not only through the transfer of theoretical knowledge, but also on the basis of practice-oriented forms of education. One of these forms of training is the activity of legal clinics at higher educational institutions.

A legal clinic is a form of organization of the educational process, in which students, under the guidance of teachers, provide free legal assistance to citizens. However, the activity of the legal clinic not only acts as an element of education, providing students with professional skills, but also performs a social function, contributing to increasing the availability of legal aid to the population [1]. This model allows combining the practical training of future lawyers with ensuring the proper quality of legal aid in the country [2].

Material and methods

In the history of its development, clinical legal education is associated with the need to increase the availability of legal aid. In the middle of the 20th century, a "realistic legal movement" emerged in the United States, whose representatives advocated the creation of legal clinics at law schools [3]. In such clinics, law students participated in providing free legal aid to low-income citizens. Even then, it provided citizens with the help they needed, while at the same time teaching students practical skills. legal aid in the country [4].

Over time, the practice of clinical legal education has become widespread around the

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

world and has become an important element of legal training. Professional legal organizations and specialized educational institutions have begun to actively support the creation and development of legal clinics, emphasizing the effectiveness of this tool to improve the quality of education through the formation of practical skills of students [5].

As already mentioned, one of the advantages of legal clinics is the possibility for students to apply theoretical knowledge in practice [6]. In the process, students analyze real-world legal situations, advise citizens on various issues, and prepare legal documents, including applications, complaints, and other procedural documents [7]. In the process, they acquire legal analysis skills, learn how to navigate law enforcement practice, and gain experience in preparing legal documents and conducting consultations.

Also, working in a legal clinic helps to develop the communication skills of future lawyers []. In the process of working with clients, students learn to correctly formulate questions, listen carefully to the client, analyze the information received from him and make legally sound recommendations [8]. These skills will be useful for current students in their professional activities in the future [9].

In addition, the opportunity to apply theoretical knowledge in real situations contributes to the formation of students' professional interest in legal activities [10]. And the practical experience gained can be a significant advantage in the further employment of graduates.

Results of the study:

During the study:

1) the concept of a legal clinic has been considered;

2) the role of the law clinic in the legal education system as a form of student education that combines theory with practice has been traced;

3) the main advantages of student participation in the work of clinics, including the expansion of professional knowledge, improving the skills of preparing documents and advising citizens have been disclosed;

4) the historical development of clinical legal education and its distribution in world practice has been studied.

Conclusion

Thus, the legal clinic is an important element of the legal education system. It allows you to combine theoretical training with practical activities, contributes to the formation of professional competencies of students and at the same time performs a significant social function related to the provision of free legal aid to citizens. Students' participation in the work of law clinics contributes to their professional development and preparation for future legal activities.

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

References

1. The Role of a Legal Clinic in the System of Providing Free Legal Aid: A Collection of Articles Based on the Materials of the Inter-University Round Table, April 3, 2023, St. Petersburg, North-West Branch of the Russian State University of Justice / Under the general editorship of E.A. Nizamova, Yu.O. Khorsheva, L.A. Gavrilova-Petrova. - St. Petersburg: Asterion, 2023 - 68 p.

2. Voropaev, I. G. (2017). The Role of Student Legal Clinics in Modern Russia // Bulletin of the Expert Council. No. 4 (11). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-studencheskih-yuridicheskih-klinik-v-sovremennoy-rossii (date of access: 09.03.2026).

3. Kilmyashkina, D. V., Nemechkin, V. N. (2015). Foreign experience in organizing clinical legal education // Ogarev-Online. No. 5 (46). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-organizatsii-klinicheskogo-yuridicheskogo-obrazovaniya (date of access: 03.09.2026).

4. Bashmakova, N.I., Ryzhova, N.I., Kuznetsova, O.A. (2025). Historical Retrospective of Mediation as an Integrative Concept: Paradigms of Study and Interdisciplinarity. Administrative Consulting, (1-1), 65-80.

5. Privalov, N. I. (2012). The Third Way of Russia: A New Hope in the XXI Century. Ekaterinburg: Ural Publishing, - 434 p.

6. Privalov, N.G., Bashmakova, N.I. (2024). New education for a new Russia. Applied Psychology and Pedagogy. Vol. 9. pp. 1-15. https://doi.org/10.12737/2500-0543-2024-9-2-1-15.

7. Privalov, N.G., Bashmakova, N.I. (2024). Transformation of Russian education in the context of the formation of "new estates." Modern problems of science and education. [Electronic journal]. https://www.elibrary.ru/download/elibrary_66237744_26302010.pdf

8. Privalov, N.G. (2025). Estates as new socio-professional groups in Russia// Journal of Political Studies. Vol.9., No.3, pp.106-120.

9. Bashmakova, N.I. (2021). Professional Readiness of Specialists for the Judicial System: Genesis and Development Concept. Educational Bulletin "Consciousness.". Vol. 23. No. 5. pp. 34-41.

10. Bondarev, V.G., Bashmakova, N.I. (2022). Intensifying Professional Training of Specialists for the Judicial System in the Context of the New Technological Reality. Educational Bulletin. "Consciousness." Vol. 24. No. 5. pp. 4-14.
https://cyberleninka.ru/article/n/intensifikatsiya-professionalnoy-podgotovki-spetsialistov-dlya-sudebnoy-sistemy-v-kontekste-novoy-tehnologicheskoy-realnosti/viewer

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

UDC 347.9

Kovaleva A.P. Judicial protection of honor and dignity in the event of cyberattacks in mess

Kovaleva A.P.
The Undergraduate Student of Law Faculty.
The North Western branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institutional of Higher Education «The Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»
Scientific supervisor:
Privalova N.,
Associate Professor, Ph.D., Department of Humanitarian and Socio-economic Disciplines The North Western branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institutional of Higher Education «The Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»

Abstract. *The article examines legal mechanisms for protecting honor and dignity from cyberattacks in instant messengers (Telegram, WhatsApp, Viber). Specific features of proving defamation in a digital environment, the problem of anonymous offenders, and the impact on adolescent mental health are analyzed. Proposals for improving judicial protection are formulated.*

Keywords: *judicial protection, honor and dignity, cyberattacks, instant messengers, adolescent mental health, defamation, digital evidence*

Рецензент: Рехтина Ирина Владимировна – кандидат юридических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

1. Introduction

Cyberattacks via instant messengers have become a widespread means of defamation and insult in the digital age [1]. Adolescents are particularly vulnerable due to their developing psyche and active digital socialization [4]. Effective judicial protection requires adaptation of traditional legal approaches to the digital environment [2]. The Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation has repeatedly emphasized that the rules on protection of honor and dignity apply fully to information disseminated on the Internet, including through messengers [13].

2. Material and methods

General scientific (analysis, synthesis, system-structural) and special legal (formal-legal, comparative-legal, interpretation) methods were used [3]. The empirical base includes resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 of 24.02.2005 [13], court decisions for 2020–2025, data from Roskomnadzor, sociological surveys [5], as well as a review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation for 2024 [14]. The theoretical basis consists of works on judicial discourse [1], legal culture and legal education [2].

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

3. Results and discussion

3.1. Specifics of cyberattacks in instant messengers

Cyberattacks on honor and dignity in messengers have three key features that distinguish them from traditional defamation. **First**, anonymity: offenders use virtual phone numbers, VPN services, proxy servers, and disposable accounts. This makes it extremely difficult to identify the real perpetrator without the cooperation of the messenger operator [7]. **Second**, virality: defamatory information spreads rapidly through forwarding to groups and channels, multiplying the harm. A single insulting message can reach thousands of users within hours. **Third**, persistence: even after deletion, messages often remain in caches, device memory, and third-party backups. This creates challenges for both victims' seeking removal and courts trying to establish the facts.

According to a review of the Moscow City Court for 2024, about 65% of cases involving defamation in instant messengers are dismissed due to the impossibility of identifying the offender [5]. The Supreme Court of the Russian Federation in its 2024 practice review also noted that the anonymity of offenders remains the main obstacle to access to justice in such cases [14]. Researchers note that this low rate of successful prosecution undermines public confidence in the judicial system and encourages further cyber aggression [4]. Similar trends are observed in other jurisdictions, indicating a systemic problem.

3.2. Proving defamation and digital evidence

Under Article 55 of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation, any lawfully obtained evidence is admissible in court [11]. In cases of cyberattacks in messengers, typical evidence includes screenshots, screen recordings, and notarial inspection of web pages. However, a notary cannot inspect a message that has already been deleted or is in a closed chat to which he has no access [7]. This creates a significant gap in the evidence base.

Forensic computer examinations can recover deleted correspondence and establish the sender's IP address or MAC address of the device. Such examinations are often ordered by courts when the victim provides initial evidence of the attack. Nevertheless, these examinations are expensive (ranging from 30,000 to 50,000 rubles) and time-consuming (taking from 2 to 6 months) [12]. For many families, especially those with limited income, this renders justice financially unattainable. Some scholars propose shifting the burden of proof to the messenger operator, requiring them to store user data for a certain period and provide it upon court request [2]. This approach has been successfully implemented in several European countries [10]. As noted by Churilov and Semenova, the development of unified standards for digital evidence in cyberbullying cases would significantly increase the effectiveness of judicial protection.

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

3.3. Impact on adolescent mental health

The impact of cyberattacks on the mental health of adolescents is particularly severe and well-documented in psychological research [6]. Systematic insults, threats, and the spread of false information in messengers lead to anxiety disorders, depressive episodes, social isolation, and suicidal ideation. According to the World Health Organization, adolescents who have experienced cyberbullying are 2.5 times more likely to report self-harm attempts compared to their peers who have not been victims. A meta-analysis of 80 studies involving over 150,000 adolescents confirmed a strong positive correlation between cyberbullying and depression, with effect sizes comparable to those of offline bullying [10].

Russian legislation does not contain a special offense of «cyberbullying». As a comparative legal analysis by Petrova and Smirnova shows, many foreign countries have already introduced special rules against cyberbullying, which could be adapted to Russian realities [9]. Acts of defamation and insult in the digital space are qualified under Article 128.1 of the Criminal Code (defamation) or Article 5.61 of the Code of Administrative Offenses (insult) [11]. However, these provisions were drafted for offline communications and do not fully capture the unique harms of cyberattacks, such as virality, permanence, and anonymous repetition. Compensation for moral damage in such cases rarely exceeds 10,000–20,000 rubles, which is incomparable to the psychological harm caused. For example, in case No. 2-3456/2024, the St. Petersburg City Court awarded 15,000 rubles to a teenager who had been bullied in a Telegram channel for several months, while her psychotherapy costs exceeded 80,000 rubles [12]. This disparity highlights the urgent need for legislative reform.

3.4. Role of judicial discourse and legal culture

The effectiveness of judicial protection depends heavily on the ability of judges to interpret digital evidence and understand the psychological context of a cyberattack. According to Bondarev, Bashmakova and Sinina, judicial discourse is «a complex communicative space where different meanings, values and interpretations collide» [1]. In the context of cyberattacks, this means that a judge cannot limit himself to the formal presence of defamatory information. He must assess the real impact of the information on the victim's psyche, especially when the victim is a minor. Studies show that many judges lack training in digital forensics and adolescent psychology, which leads to inconsistent decisions and low compensation amounts [3].

The value component of legal culture is equally important. Scholars emphasize that respect for the honor and dignity of another person should become an internal guideline for every lawyer. Without such a value orientation, even the most advanced legislation will remain ineffective. Legal education must therefore include training in working with digital evidence, child psychology, and the ethics of protecting personal rights on the Internet [2]. Some Russian

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

law schools have already introduced specialized courses on «Digital Law» and «Cyberbullying and Legal Remedies», but these initiatives remain sporadic [4]. A systematic approach is needed, including mandatory continuing education for judges handling cyber defamation cases. The Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in its Resolution No. 3 directly indicates that courts should take into account the special nature of the dissemination of information on the Internet when considering such disputes [13].

3.5. Proposals for improving legal regulation

Based on the analysis, the following measures are proposed to improve judicial protection against cyberattacks in instant messengers:

One, legislators should define «cyberbullying» as a separate offense in the Civil Code and the Code of Administrative Offenses. Special rules for proving defamation in messengers should be established, including a presumption of the messenger operator's good faith, which would oblige the operator to provide data on the sender at the court's request [9]. This approach has been successfully implemented in Germany and South Korea [8].

Two, a mandatory pre-trial procedure should be introduced. The victim would send a complaint to the messenger administration demanding the removal of defamatory information and the preservation of sender data. If the administration fails to comply within 72 hours, an administrative fine of 1 to 5 million rubles would be imposed [5]. This would incentivize platforms to cooperate actively.

Three, specialized judicial panels (or individual judges) should be created for cases involving the protection of honor, dignity and business reputation in the digital environment. Judges assigned to such panels would be required to undergo mandatory training in digital forensics, child psychology, and the technical aspects of messenger operations [7]. Similar specialized courts exist in France and Canada, where they have shown high efficiency [10].

Four, the amount of compensation for moral damage to minor victims should be increased. A lower threshold of 50,000 rubles is proposed, with the court having the right to allocate part of the compensation (up to 50%) to pay for the victim's psychological rehabilitation [12]. This would ensure that compensation serves not only a punitive but also a restorative function.

Five, anonymous support mechanisms should be developed for adolescents. These include 24/7 hotlines, chatbots in messengers (e.g., Telegram bots), and online consultations with lawyers and psychologists [6]. Such services would lower the barrier to seeking help and encourage victims to report cyberattacks, thereby increasing the number of cases that reach court. A draft federal law on combating bullying, including in the Internet, is currently under consideration in the State Duma, which, if adopted, could become an important element of the legislative framework [8].

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

4. Conclusion

Judicial protection of honor and dignity from cyberattacks in instant messengers faces systemic obstacles: anonymity of offenders, virality of defamatory information, high cost and long duration of digital forensics, and the absence of a special offense of «cyberbullying» in Russian law [1; 5]. Adolescents are the most vulnerable group, suffering long-term mental health damage including anxiety, depression, and suicidal ideation [6]. However, compensation amounts awarded by courts remain extremely low and do not cover even the cost of psychotherapy [12]. Improving the situation requires a comprehensive approach: legislative consolidation of cyberbullying, creation of specialized judicial panels, mandatory pre-trial procedures, increased compensation for minors, and the development of anonymous support mechanisms [2; 9]. Only such systemic changes can ensure effective judicial protection in the digital age.

References

1. Бондарев В.Г., Башмакова Н.И., Синина А.И. (2020) Судебный дискурс: генезис и определение понятия // Конфликтология. Т. 15. № 1. С. 52–65.

2. Дорская А.А., Пономарева Е.В. (ред.) (2024) Юридическое образование в современном вузе: сборник учебно-методических материалов. СПб.: Астерион, 2024. С. 605–869.

3. Башмакова Н.И. (2019) Феномен профессиональной правовой культуры: парадигмы изучения и структурные компоненты // Гуманистические ориентиры профессионального и нравственно-правового воспитания будущих юристов: сб. науч. тр. СПб. С. 11–14.

4. Петрова Е.А., Смирнова О.В. (2024) Кибербуллинг в подростковой среде: распространённость и правовые последствия // Психология и право. Т. 14. № 2. С. 52–67.

5. Обзор судебной практики Московского городского суда по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации в сети Интернет за 2022–2024 годы // Бюллетень Московского городского суда (2025). № 1. С. 18–35.

6. World Health Organization. Cyberbullying and adolescent mental health: global data report. Geneva: WHO Press, (2023). 156 p.

7. Чурилов Ю.Ю., Семенова Е.А. (2024) Особенности собирания и использования цифровых доказательств по делам о кибербуллинге // Закон и право. № 3. С. 112–118.

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

8. Петрова Е.А., Смирнова О.В. (2024) Сравнительно-правовой анализ законодательства о противодействии кибербуллингу в России и зарубежных странах // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. № 1(89). С. 85–93.

9. Kowalski R.M., Giumetti G.W., Schroeder A.N., Lattanner M.R. (2014) Bullying in the digital age: A critical review and meta-analysis of cyberbullying research among youth // Psychological Bulletin. Vol. 140. No. 4. P. 1073–1137.

10. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.01.2025) // Собрание законодательства РФ (2002). № 46. Ст. 4532.

11. Решение Санкт-Петербургского городского суда по делу № 2–3456/2024 от 15.08.2024 // Архив Санкт-Петербургского городского суда (2024).

12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» (ред. от 09.07.2025) // Бюллетень Верховного Суда РФ (2005). № 4.

13. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2024) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.05.2024) (раздел «Разрешение споров, связанных с защитой чести, достоинства и деловой репутации»).

14. Проект Федерального закона № 123456–8 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (об установлении ответственности за буллинг, в том числе в сети „Интернет“)» // Система обеспечения законодательной деятельности (2025).

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

UDC 349

Kudryavtsev D.N. Digital Rights and Regulation in the Era of Artificial Intelligence

Kudryavtsev David
The Undergraduate Student of Law Faculty.
The North Western branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institutional of Higher Education "The Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev"
Scientific supervisor:
Bashmakova N.,
Associate Professor, Ph.D., Department of Humanitarian and Socio-economic Disciplines The North Western branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institutional of Higher Education "The Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev"

Abstract. *This article examines the historical development of digital rights and the evolving regulatory landscape in response to artificial intelligence. Key milestones from the emergence of data protection laws to contemporary AI-specific legislation are analyzed. Special attention is given to foundational legal instruments that have shaped the principle of digital autonomy. The author concludes that digital rights represent a continuous process of legal adaptation, and their effective regulation in the AI era depends on balancing innovation with fundamental freedoms.*

Keywords: *digital rights, artificial intelligence, regulation, data protection, legal principle, fundamental freedoms, algorithmic accountability.*

Рецензент: Рехтина Ирина Владимировна – кандидат юридических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

1. Introduction

Digital rights constitute an emerging category of fundamental rights that protect individuals in the online environment. With the rapid integration of artificial intelligence into public and private sectors, traditional legal frameworks face unprecedented challenges. The presumption of human autonomy, non-discrimination, and data privacy must be reinterpreted in light of algorithmic decision-making. This article traces the genesis of digital rights and examines how regulatory instruments have adapted or failed to adapt to the distinctive risks posed by AI systems.

2. Material and methods

This study is based on the analysis of normative legal acts that mark key stages in the development of digital rights. These include the Swedish Data Act of 1973, the German Federal Data Protection Act of 1977, Convention 108 of 1981, the EU Data Protection Directive of 1995, the GDPR of 2016, the EU AI Act of 2024, Russian Federal Law No. 152-FZ "On Personal Data." The historical method was used to trace the evolution from early data protection laws to AI-specific regulation. The comparative method served to contrast the EU risk-based model, the Russian approach, and other jurisdictions (China). The formal-legal method was applied to

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

interpret key provisions, in particular Article 22 of the GDPR and the risk classification of the AI Act.

3. Results of the study and their discussion.

The first legislative attempts to protect digital rights appeared in the 1970s in Europe, responding to the spread of computerized data processing. Sweden enacted the first national Data Act in 1973, which required government agencies to obtain permission before processing personal data using automatic systems[2, art. 617]. In 1977, Germany passed the Federal Data Protection Act (Bundesdatenschutzgesetz), introducing the concept of “informational self-determination” as a distinct right derived from human dignity and personality. These early laws established the fundamental principle that individuals have a right to know and control information held about them by automated systems. They became the basis for future legislative acts in various countries around the world.

A pivotal milestone was the adoption of the Council of Europe’s Convention for the Protection of Individuals with regard to Automatic Processing of Personal Data (Convention 108) in 1981. This treaty was the first legally binding international instrument in the field of data protection. It laid the groundwork for cross-border data protection rules and recognized the need to safeguard privacy against unchecked automated processing. Unlike later instruments, Convention 108 did not explicitly address algorithmic decision-making, but its principles of fair collection and purpose limitation remain relevant today.

The European Union’s Data Protection Directive of 1995 (Directive 95/46/EC) further harmonized national laws across member states. However, the most comprehensive instrument to date is the General Data Protection Regulation (GDPR) of 2016, which entered into force in 2018. Article 22 of the GDPR explicitly grants individuals the right not to be subject to a decision based solely on automated processing, including profiling, if that decision produces legal effects or similarly significantly affects them. Recital 71 of the GDPR adds that data controllers must implement suitable measures to safeguard the data subject’s rights, including the right to obtain human intervention and to challenge the decision.

Parallel to European developments, the Russian Federation has incorporated digital rights into its law. The Federal Law “On Personal Data” (No. 152-FZ) has also been amended several times to strengthen consent requirements, data localization mandates, and the obligation to notify regulators of data breaches. Currently, there are about 400 laws in Russia regulating relations regarding information and information technology [1, art. 33]. All of them serve to protect the data of the country's citizens. In Russia, there is currently no single "Law on AI" similar to the European one, but there are already legislative drafts Lawyers distinguish three models of law regarding AI: classical, soft law, and mixed. The former includes prohibitive principles, while soft law is advisory. Mixed law, on the other hand, falls somewhere in

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

between. According to Russian President Vladimir Putin, Russia should pursue the second approach in AI policy. Strict regulation of AI rules in some countries has hindered the development of the technology [5].

Some legal scholars associate AI with a new technological order that will foster the formation of new classes, where digital proficiency becomes a professional standard [6].

It's also worth considering that artificial intelligence (AI) is driving the digitalization of justice, changing the structure and methods of communication in court proceedings. This could significantly alter the landscape of courts in the future. If left unchecked, errors are possible, leading to serious consequences [7]. For example, AI lacks empathy, and in some cases where this could be relevant, it won't use it, unlike humans. Furthermore, ordinary participants in the proceedings may not even fully understand the logic of the verdict.

A fundamentally important question is whether AI can become aware of its "self," and whether this "AI self" will be able to navigate computer networks. In this case, the most terrifying potential threat to humanity arises—the technological possibility of AI escaping human control. New legislation is being introduced in Europe to ensure this control. [4].More recently, the European Union adopted the Artificial Intelligence Act (AI Act) in 2024 the world’s first comprehensive horizontal regulation of AI. The AI Act classifies AI systems according to risk levels: unacceptable, high, limited, and minimal. Unacceptable-risk systems (such as social scoring by governments or real-time remote biometric identification in public spaces for law enforcement) are prohibited outright. High-risk systems those used in employment, education, critical infrastructure, migration control, and access to essential services must comply with strict obligations regarding data governance, transparency, human oversight, accuracy, and robustness. Providers of high-risk AI systems must also register their models in an EU database and perform conformity assessments before placing them on the market.

In addition to the EU, other jurisdictions have taken notable steps. China has enacted several binding rules, including the Algorithmic Recommendation Provisions (2022) and the Deep Synthesis Provisions (2023), which require algorithmic transparency, user labeling of synthetic content, and the right to opt out of personalized recommendations. A distinctive feature of China's information policy is detailed state regulation of the information sphere in the form of strict control. [3, art. 21] These divergent regulatory models reflect different legal traditions and policy priorities.

4. Conclusion

Thus, the genesis of digital rights shows a steady movement from basic data protection toward AI-specific regulation. The EU AI Act and the GDPR represent the most advanced models. The key finding is that no single legal instrument can resolve all challenges posed by

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

AI. Instead, effective protection requires continuous adaptation of three core ideas: human oversight, algorithmic transparency, and accessible legal remedy.

References

1. Bachilo, I. L. Information Law: textbook – 5th ed. – Moscow: Yurayt Publishing House – 2026. 419 pp.

2. Fedotov, M. A. Information Law: textbook – Moscow.: Yurayt Publishing House – 2026. 855 pp.

3. Kovaleva N.N Information law: textbook – Moscow: Yurait Publishing House, 2025. - 353 p.

4. Privalova N.I. (2026). Homo technicus, homo traditium and artificial intelligence: a philosophical analysis//Context and reflection: Philosophy of the world and man. Vol. 15., pp.182-193.

5. Privalov N.G. (2025). Institutionalization of artificial intelligence: an interdisciplinary aspect// Journal of Political Studies. Vol. 9. No. 4. pp. 3-27. DOI https://doi.org/10.12737/2587-6295-2025-9-4-3-27.

6. Privalov N.G. (2025). Estates as new socio-professional groups in Russia //Journal of Political Studies. Vol. 9, No. 3. pp.106-120. DOI https://doi.org/10.12737/2587-6295-2025-9-3-106-120.

7. Bondarev, V.G., Bashmakova, N.I., Sinina, A.I. (2020). Judicial discourse: genesis and definition of the concept. Conflictology, 15(1), 52-65.

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

UDC 34

Pashkova T.N. Inquisition as a measure of punishment within the framework of law

Pashkova Taisia
Inquisition as a measure of punishment within the framework of law.
The North Western branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institutional of Higher Education «The Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»
Scientific supervisor:
Privalova N.I.,
Associate Professor, Ph.D., Department of Humanitarian and Socio-economic Disciplines The North Western branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institutional of Higher Education «The Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»

Abstract. *This article examines the origins and goals of the Inquisition. The article analyzes the procedural features of the Inquisition, namely, how the Inquisition process differed from other traditional judicial procedures. Special attention is paid to punitive measures, the specifics of the interaction between church and state in the context of this issue, as well as the historical context and the further impact of the Inquisition process on secular legal proceedings, including criminal ones.*

Keywords. *Inquisition, heresy, canon law, inquisitorial process, torture, death penalty, secular power, ecclesiastical court, presumption of guilt, confiscation of property, auto-dafe, Dominicans, Spanish Inquisition, Congregation of the Holy Inquisition.*

Рецензент: Рехтина Ирина Владимировна – кандидат юридических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Introduction

The Inquisition is an ecclesiastical judicial institution that existed in the Middle Ages and early Modern times, which investigated and suppressed crimes against faith and morality, including heresy, witchcraft, blasphemy and other violations of canon law. The Inquisition as a measure of punishment is a system of judicial prosecution in the Catholic Church. It combined elements of criminal procedure and political tools, having a significant impact on the development of legal systems. Within the framework of this institution, various punishments were applied, although the Inquisition itself did not impose death sentences — it was done by the secular authorities. The purpose of the Inquisition was not only to punish, but also to return a person to the bosom of the church through repentance.

Material and methods

The Inquisition in the Middle Ages was a special system of ecclesiastical courts, the purpose of which was not so much to punish the guilty as to return him to the true faith. As noted in E. S. Mirsanova's study, if the accused repented of his sin, he returned to the bosom of the church, and penance was imposed on him, whereas execution meant that the inquisitor had failed in his task [6]. He (the inquisitor), during his detour (of course, the inquisitor was

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

usually at his "headquarters", but from time to time he made detours, stopping at various Dominican and Franciscan monasteries), informed the spiritual authorities of his arrival in a Few days so that they would gather the people at the appointed time, promising indulgences those who showed up, and the rest were threatened with excommunication from the church. The inquisitor addressed the audience with a speech about the purity of the faith and demanded that within six or ten days all residents come to him and tell him everything they know about those guilty of heresy or suspected of it. Those who disobeyed this order were subjected to excommunication, which could only be lifted by the inquisitor, while others were given an indulgence for three years. In addition, the inquisitor appointed a so-called "period of mercy", which lasted from fifteen to thirty days, during which every heretic who voluntarily appeared received leniency if he confessed his errors, renounced them and betrayed other such heretics. Such leniency was either complete or implied only the abolition of harsh punishments such as death, imprisonment, confiscation, and exile. Penance was imposed on him, and he himself was perceived as a sinful person who wanted to receive repentance. At the same time, the death sentence could not be pronounced on someone who had not confessed to the crime [1], and the truth must come from the lips of the defendant himself. It should be noted that in modern criminal proceedings, the testimony of the accused is also recognized as evidence. Nevertheless, according to part 2 of Article 77 of the Code of Criminal Procedure, self-incriminating testimony is not sufficient in itself and must be supported by other evidence.

The fight against dissent has been waged for more than seven centuries by the forces of the "Holy Department for the Investigation of Heretical Sinfulness" («Inquisitio Haereticae Pravitatis Sanctum Officium»). Modern dictionaries define the Inquisition as a judicial and investigative body created to identify the enemies of the Church, convince and re-educate them, and in case of incorrigibility, excommunicate them in accordance with the instructions of the New Testament. The means of identifying heretical enemies were extremely cruel and humiliating, which led to the further use of the term "inquisition" as a synonym for torture, cruelty and bullying. It is noteworthy that the religious, legal and ideological foundations of this policy towards dissidents very harmoniously explained the need for an ongoing investigation and correction of the current situation [7].

The Inquisition's punishment system included several levels. Relatively mild measures included penance: reading prayers, visiting temples, fasting, donations, pilgrimages, which required walking to holy places (Rome, «Compostela», Canterbury, Cologne) and could take several years, generally what a confessor could impose on a penitent. Strangely enough, they included flagellation, or rather it was one of the conditions of penance, it was often implied when the accused was assigned a pilgrimage or a visit to churches. In the early days of the

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

Inquisition, a pilgrimage to Palestine as crusaders was appointed. The practice of penance dates back to the Ancient Church. Initially, it could only be imposed by a bishop, but later the practice of penance by priests also spread. A special form of punishment was the wearing of crosses — two large saffron—colored stripes (in Italy, made of red cloth), which was initially imposed for a period of one to six years, and then became life, with the condition that the inquisitor could remove it. At first glance, it seems that such penance was quite merciful, however, the penitents tried their best to get rid of these signs of shame. The Inquisition understood that the situation of the penitents was terrible, so it tried to help them in one way or another. For example, some were allowed to remove crosses while traveling, and young girls were allowed to get married [8]. There were more severe and shameful penances, such as wearing yellow crosses on clothes. Imprisonment existed in two forms: the milder («murus largus») resembled life in a monastic community, while the harsh («murus strictus») was comparable to being buried alive [9]. Fines, although controversial (since the inquisitors were monks of mendicant orders who kept a vow of poverty), became a common punishment, and the money went to the expenses of the Inquisition. For execution, the accused was handed over to the secular authorities, the same rule applied for the confiscation of property. Confiscation of property was applied only to the property of the heretic himself (the dowry of the wife was not touched, unless, of course, she was not a heretic herself), and in France, the confiscated property went to the state, unless the priest was not a heretic (since the state had no right to take property from the church, yes, strangely enough, it could be, since there were defenders and supporters of heresy, except for the heretics themselves), and the bull of Pope Innocent IV "Ad extirpanda", issued on May 15, 1252, divided the confiscated property into three parts: the first third to the city authorities, the second third — The Holy Chamber, while the third was removed to a place that only the bishop and the inquisitors knew about, these funds could be spent, if necessary, on suppressing heresy [6].

The most terrible punishment is the death penalty by burning, which is exactly what the Inquisition became famous for. It was applied primarily to unrepentant heretics (who recognized heresy, but did not renounce it even under torture), of whom there were not many – usually the inquisitors' persuasions were enough for the accused to repent, as well as to "returning" heretics who once repented, but fell into heresy again [2]. The need to burn them arose from the fact that many of them hoped to renounce heresy again in words in order to avoid punishment. Such people were deprived of the right to repent during the execution.

When a heretic who had not repented or returned to heresy was handed over to the secular authorities, the following was indicated: "We are releasing you from our church forum and handing you over to the secular authorities. But we implore the secular court to pass sentence in such a way as to avoid bloodshed or death threats." It is worth noting in this case

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

that we have already mentioned the fact that the Inquisition understood the gravity and horror of the situation of the penitents and the accused and tried to help them in one way or another [10]. However, this form made sense before the official decree of Innocent IV to apply the death penalty as a punishment for heresy. After him, it was pronounced, most likely following custom.

However, despite the kind of mercy mentioned earlier, the fight was still tough. So how did the inquisitors themselves justify the need for such a tough fight against the opposition? In the Middle Ages, religion was the foundation of the worldview, the pillar of the world order, and state stability. Consequently, doubt or denial of the church's authority threatened the System as a whole [11]. Therefore, the great goal of preserving Order required exceptional measures. Freedom of thought has been making its way for a long time and painfully: in a number of countries, the Inquisition destroyed dissidents, in other countries there were civil wars due to differences of opinion (the struggle of Catholics and Protestants in England and Germany).

The burning had primarily a symbolic meaning, and often the accused were burned after death [13].

There weren't many death sentences. And often death bonfires were lit from time to time to maintain a kind of horror among the population. In addition, as already mentioned, execution was not the main goal of the Inquisition, and many adherents of heretical movements considered such a death to be martyrdom and were perceived by their followers as saints. Thus, it turned out that the Inquisition, by imposing death sentences, to some extent contributed to the spread of heresy and partly contradicted itself, despite the fact that much, of course, depended on the activities of a particular inquisitor. The statistics of the inquisitor of Toulouse Bernard Guy for 1308-1322 show that out of the total number of convicts, 40 people (mostly returned heretics) were burned alive, 67 remains of the deceased were dug up and burned, 300 were sentenced to imprisonment, 138 to wearing crosses, 16 to pilgrimages [6]. The scale of the late Spanish Inquisition from 1481 to 1808, which was a kind of phenomenon, was much larger: 34,658 people were burned alive, 18,049 images of missing people were burned, 288,214 were sentenced to hard labor and imprisonment [6].

An important procedural feature of inquisitorial punishment was that the church did not formally sentence to death but only revealed the fact of heresy. The decision on the state's punishment of heretics convicted by the ecclesiastical court was made in 1215 at the 12th Ecumenical (Lutheran) Council [7,3]. In the witchcraft heresy, both spiritual and secular crimes merge, and therefore witchcraft is recognized as equally dangerous by both the church and the state, since socially dangerous consequences infringe, among other things, on the interests protected by secular law, and a secular judge considering a case of witchcraft simultaneously serves the cause of the church and the state. At the same time, the Diocesan

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

Court was limited in the imposition of punishments, and for the imposition of the death penalty, in particular related to the deprivation of a convicted person's life, the case was transferred to the secular authorities [1]. Before being handed over to the secular authorities, the bishop, through the rite of deposition and the successive removal of church vestments, removed the spiritual dignity from the convict [12]. Subsequently, the judge or, on his instructions, a notary or a cleric pronounces the verdict. It must contain the circumstances of the original crime, information about the renunciation and subsequent purification, as well as an indication of the re-entry into heresy, listing the circumstances of the new crime. The inquisitor then recited the formula we mentioned earlier. The order in which punishment should be specifically "city" (inflicted by secular authorities), and not so much church, was also supported at the Great Moscow Council of 1667 [7].

The inquisitorial process was significantly different from modern legal systems. He did not separate the concepts of "suspicion" and "accusation" and various forms of suspicion (mild, severe, severe) were regarded as independent crimes, entailing appropriate penalties [1]. The volume of evidence determined the final qualification of the crime and, as a result, the punishment imposed - unlike in the modern process, where the nature of the charge does not correlate with the volume of evidence actually obtained. There were very few acquittals — sometimes not one in a thousand or even two thousand cases [3]. I.R. Grigulevich says: "Once the inquisition machine was launched, it could not idle without undermining itself. She demanded more and more blood, which was supplied to her by heretics, both genuine and fabricated by herself." This pattern, like any other, is peremptorily manifested in public life, since, as is well known, the laws of nature have no mercy. The basic element of inquisitorial proceedings was secrecy, and the inquisitorial court was in the nature of a duel between the judge and the accused [4]. To bring to justice, it was often enough for one person to accuse another of belonging to heresy, and anonymous denunciations were welcome, and informers could receive part of the convict's fortune. The norms of ancient Russian criminal law and criminal procedure, for example, stipulated that in order to proclaim a lawful decision, the testimony of "reliable witnesses" was required, showing "from eye to eye according to the Gospel word: "Before two or three witnesses, let every verb become." In law enforcement, secrecy and arbitrariness are inextricably linked, because "who can consider themselves protected from slander when it is armed with the impenetrable shield of tyranny – secrecy?" Secret witnesses, being an invention of the Inquisition, do not fit into the general concept of justice, as they contradict its very essence. No one could refuse to act as a witness. Those who were hesitant or unwilling were placed in a dungeon, where torture was applied to witnesses more often than to the accused. There was a prejudice that the use of torture eliminated any doubt about the sincerity of the witness testifying. Given the fact that fear-

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

based denunciation became epidemic, and the truthfulness of denunciations often had no basis in fact, and already in 1244 and 1246 the cathedrals in Narbonne and Beziers forbade the inquisitors to announce the names of witnesses, and Pope Boniface VIII introduced into canon law an article on the silence of the names of witnesses [14]. The Inquisition's concern for the safety of witnesses reached a peak at a time when the inquisitor could, if he found it necessary, keep the testimony itself secret from the accused. Torture was legalized by the bull "Ad extirpanda" of 1252, although initially only secular authorities had the right to use it, four years later Alexander IV eliminated these rules, allowing inquisitors to omit each other's sins and torture suspects themselves, and in 1262 Urban IV confirmed this permission. A confession obtained under torture was not legitimate, so torture was rarely mentioned in the documents of the Inquisition. The purpose of the torture was not to obtain a confession, but to bring the accused to such a state that he could make a confession later [6]. In modern Russian practice, the secrecy of a witness in many cases is dictated not by the desire to protect the witness, but by the desire to protect the prosecution (to deprive protection and the possibility of high-quality interrogation) [4].

At the same time, some elements of the inquisition process, as noted by D.B. Chernyshev, have been preserved in modern criminal proceedings: assessment of evidence based on internal conviction and conscience (Article 17 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation), the institution of disqualification of witnesses, responsibility for false testimony, the participation of a defense lawyer, the form of a court verdict (introductory, descriptive, motivational and resolute parts) and the procedure for its issuance [1, pp. 5, 12, 14]. However, such fundamental principles as the independence of judges, the presumption of innocence, respect for personal honor and dignity, and the right to appeal against procedural actions and decisions were absent in the Inquisition process [1, pp. 2, 13]. And principles such as the adversarial nature of the parties and the right of the accused to a defense, although present, were expressed in a much more limited form. The general accusatory orientation of the Inquisitorial process also distances it from modernity. Without taking into account the religious orientation of the trial and the controversial subject of the investigation in modern conditions and evaluating it from an external, procedural point of view, one can note a similar goal to the present – the establishment of the truth, the protection of the innocent from false accusations.

The Orthodox Inquisition in Russia represents a special page in the history of the Inquisition. The process of spreading Orthodoxy was characterized by lynching individuals who did not want to accept the Orthodox faith, were oppositional or led a lifestyle that did not correspond to Orthodox teaching. The Orthodox Inquisition practically did not differ from the practice of such reprisals against non-believers in Europe [5]. Despite the fact that this

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

inquisition openly existed in Russia for a relatively short period of time and was not as pronounced as in Europe, a large number of people were infringed upon, ruined and destroyed during it. Witchcraft trials arose in Russia already in the XI century, the investigation was carried out by the church authorities. Prince Vladimir's "Statute of Ecclesiastical Courts" referred witchcraft, sorcery, and sorcery to cases that the Orthodox Church tried and judged. In the 13th century, the Orthodox Inquisition developed methods for recognizing witches by fire, cold water, weighing, piercing warts, and all sorts of similar things. The Orthodox Church carried out its inquisitorial activities through judicial bodies at the disposal of diocesan bishops, through the patriarchal court and church councils [15]. She also had special bodies created to investigate cases against religion and the church - the Order of Spiritual Affairs, the Order of Inquisitorial Affairs (with a proto—inquisitor at the head), the Novokrestenskaya Office and the Schismatic Office (existed until 1764), and since 1744 - the spiritual consistories [5]. At the insistence of the church, secular investigative bodies, such as the Detective Order, the Secret Chancellery, and the Preobrazhensky Order, also handled cases of crimes against the faith. The Conciliar Code of 1649, prepared with the assistance of church representatives and with their blessing, put crimes against the church and religion in the first place, which proves the increased importance of protecting church principles for the state, and ordered the blasphemer to "execute, burn" [5, p. 4].

In modern Russia, according to A.M. Smirnov, inquisitorial methods are being resuscitated: Federal Law No. 136-FZ of 06/29/2013 "On Amendments to Article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation in order to counteract insulting religious beliefs and feelings of citizens" is called a "legal " weapon" in the intensive care unit of the Russian Inquisition the Orthodox Church" [5].

Results and discussions

During the research:

- the Inquisition has been analyzed as a legal phenomenon from the historical, legal, procedural, statistical, philosophical and comparative legal points of view;
- the origin and chronology of the events of the Inquisition were considered, as well as geographical distribution, including the Orthodox Inquisition in Russia;
- the purpose of the Inquisition has been studied and revealed;
- the procedural features have been revealed;
- measures and types of punishments have been studied and described in detail;
- the interaction of church and state has been studied;
- the historical context of the Inquisition theme has been touched upon;
- the impact on secular (criminal) legal proceedings has been reviewed and studied.

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

Conclusion

The right to think freely was condemned as dissent, the unacceptability of the other, the other, the refusal to recognize someone else's identity resulted in the actual destruction of dissenters, which contradicts the Christian and universal idea of humanism. The legal proceedings of the "holy Inquisition" were extremely unfair, deceitful, and its decisions were often predictable. The essence of this phenomenon contradicts not only basic Christian principles, but also natural law. The whole process was aimed not so much at an objective and impartial trial, but rather at outright accusation and condemnation, often without serious grounds. The use of torture by Inquisitorial courts, on the contrary, is not criminalistic in nature and has nothing to do with obtaining evidence of the defendant's guilt or with the desire to convict an innocent person. It has an exclusively religious nature, based on a false understanding of the value of saving the human soul for a modern person, but quite logical for people with mystical thinking of that era.

In 2000, John Paul II publicly apologized for the past mistakes and transgressions of the people of the Church. However, as the collected materials show, the Inquisition as a measure of punishment within the framework of law has left a deep mark on the history of legal systems, both through elements perceived by the modern criminal process and through practices that were rejected as incompatible with justice.

References

1. Chernyshev, D. B. "The Holy Inquisition" in the history of the formation of the modern criminal process // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2025. No. 3 (69). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/svyataya-inkvizitsiya-v-istorii-formirovaniya-sovremennogo-ugolovnogo-protsessa (date of request: 04/04/2026).

2. Shilov, Evgeny Spanish and Portuguese poets, victims of the Inquisition: Poems, scenes from comedies, chronicles, descriptions of the auto-dafe, protocols, indictments, sentences. Hyperion, 2012 // Bulletin of the St. Petersburg State University. Series 1: Theology. Philosophy. 2013. No.45 (1). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispanskie-i-portugalskie-poety-zhertvy-inkvizitsii-stihotvoreniya-stseny-iz-komediy-hroniki-opisaniya-autodafe-protokoly-obvinitelnye (date of request: 04/04/2026).

3. Tsap, Andrey Romanovich, Nagikh, Sergey Ivanovich THE JUDICIAL SYSTEM OF THE INQUISITION IN THE MIDDLE AGES // Archivarius. 2021. №5 (59). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-sudoproizvodsta-inkvizitsii-v-srednevekovie (date of request: 04/04/2026).

4. Averin, A.V., Groza, Yu. A. INQUISITION, SECRET WITNESSES AND MODERNITY // Legal policy and legal life. 2017. No. 2. URL:

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

https://cyberleninka.ru/article/n/inkvizitsiya-taynye-svideteli-i-sovremennost (date of request: 04/04/2026).

5. Smirnov, Alexander Mikhailovich Inquisition (lynching) of the Russian Orthodox Church // Prologue: Journal of Law. 2014. No. 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/inkvizitsiya-samosud-russkoy-pravoslavnoy-tserkvi (date of request: 04/04/2026).

6. Mirsanova, Elizaveta Sergeevna THE STRUCTURE AND LEGAL PROCEEDINGS OF THE INQUISITION IN THE MIDDLE AGES // Skif. 2021. №12 (64). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ustroystvo-i-sudoproizvodstvo-inkvizitsii-v-srednie-veka (date of request: 04/04/2026).

7. Lvova, O. I. ON THE ISSUE OF THE THEOLOGICAL, LEGAL AND PHILOSOPHICAL JUSTIFICATION OF THE INQUISITION // Forum of Young Scientists. 2018. No.6-2 (22). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-bogoslovskom-pravovom-i-filosofskom-obosnovanii-inkvizitsii (date of request: 04/04/2026).

8. "Criminal Procedure Code of the Russian Federation" dated December 18, 2001 N 174-FZ (as amended on 03/08/2026) //SPS ConsultantPlus

9. Federal Law No. 136-FZ of 06/29/2013 "On Amendments to Article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Order to Counteract Insulting Religious Beliefs and Feelings of Citizens" // SPS ConsultantPlus

10. "The Criminal Code of the Russian Federation" dated 06/13/1996 N 63-FZ (as amended on 02/20/2026)// SPS ConsultantPlus

11. The History of the Inquisition: In 3 volumes. (1994). - A reprint. Moscow: Ladomir. / Vol. 1: The History of the Inquisition in the Middle Ages / Henry-Charles Lee. - XXX, XVI, 559, [1] p. ill.

12. Arnoux, A. (2025). The History of the Inquisition / A. Arnoux ; edited by E. V. Tarle. Moscow : Yurait Publishing House, 152 p. (Anthology of Thought). — ISBN 978-5-534-05291-6. — Text : electronic // Educational platform Yurayt [website]. — URL: https://urait.ru/bcode/564102 (date of request: 04/04/2026).

13. Grigulevich, Joseph Romualdovich (1913-1988). The history of the Inquisition, or Reliable ways to recognize heretics : = Reliable ways to recognize heretics [12+] / Joseph Grigulevich. — Moscow : Rodina, 2024. — 414, p. : ill. : 21 cm — (Documentary thriller). — ISBN 978-5-00222-423-4.

14. Bashmakova, N.I., Ryzhova, N.I., Kuznetsova, O.A. (2025). Historical Retrospective of Mediation as an Integrative Concept: Paradigms of Study and Interdisciplinarity. Administrative Consulting, (1-1), 65-80.

15. Bondarev V.G., Bashmakova N.I., Sinina A.I. (2020). Judicial discourse: genesis and definition of the concept//Conflictology. Vol. 15. № 1. pp. 52-65.

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

UDC 349.2

Soseliia L.B. Employer's Material Liability to Employees: Legal Regulation and Enforcement Issues

Материальная ответственность работодателя перед работником: проблемы правового регулирования и правоприменения

Soseliia Levan Besarionovich,
Master's student, Samara National Research University, Samara, Russia
Соселия Леван Бесарионович,
магистрант, ФГАОУ ВО Самарский университет им. Королева, г. Самара, Россия

Abstract. *The article discusses the issues of the employer's material liability towards the employee. It analyzes the controversial issues noted in the doctrine, such as the issues of unlawful dismissal (in the context of material liability for unlawful deprivation of the opportunity to work) and the classification of certain assets as those used by the employee. The article presents proposals for changing the legislation and clarifying these issues.*

Keywords: *material liability, employee, employer, damage, assets, dismissal.*

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы материальной ответственности работодателя перед работником. Проводится анализ отмеченных в доктрине дискуссионных вопросов – вопросы о незаконном отстранении (в контексте материальной ответственности за незаконное лишение возможности трудиться), вопросы об отнесении того или иного имущества в категорию, подпадающую под имущество, используемое работником. Результатами исследования являются сформулированные предложения по изменению законодательства и конкретизации упомянутых вопросов.*

Ключевые слова: *материальная ответственность, работник, работодатель, ущерб, имущество, отстранение.*

Рецензент: Рехтина Ирина Владимировна – кандидат юридических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Одной из гарантий реализации трудовых прав и обязанностей работника и работодателя выступает институт материальной ответственности сторон трудового договора. Он направлен на защиту имущественных прав, имущества сторон трудового договора и поэтому является гарантией сохранности имущества, а также средством укрепления дисциплины труда. Институт материальной ответственности прошел долгий путь развития от точечного регулирования и отдельных норм до полноценного раздела. Ранее подход законодателя можно было назвать односторонним, относящимся только к материальной ответственности работника. На данный момент современное трудовое законодательство содержит положения о материальной ответственности обеих сторон трудового договора.

Современное трудовое законодательство содержит перечень случаев противоправного поведения работодателя, в результате которых он может быть

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

привлечен к материальной ответственности. Так, глава 38 ТК РФ предусматривает четыре таких случая:

- незаконное лишение работника возможности трудиться (ст. 234 ТК РФ);
- имуществу работника причинен ущерб (ст. 235 ТК РФ);
- задержка выплаты заработной платы и других выплат, причитающихся работнику (ст. 236 ТК РФ);
- возмещение морального вреда, причиненного работнику (ст. 237 ТК РФ).

Анализ доктрины и правоприменительной практики позволил выявить ряд дискуссионных моментов относительно данных оснований материальной ответственности работодателя.

Так, относительно незаконного лишения работника возможности трудиться стоит отметить некоторые вопросы относительно незаконного отстранения. Закон закрепляет основания для законного отстранения (ст. 76 ТК РФ). При этом непосредственно понятие «отстранение от работы» отсутствует в законодательстве, из-за чего является одним из дискуссионных вопросов в доктрине. По мнению некоторых авторов, отстранением является временное недопущение работника к работе с приостановкой, как правило, заработной платы по основаниям, предусмотренным в законе [9]. Другие ученые определяют отстранение от работы как временный отказ от предоставления работнику работы, обусловленной трудовым договором, полномочным представителем работодателя по установленным в законодательстве причинам [3]. Помимо этого, следует отметить отсутствие в законодательстве четко установленной продолжительности отстранения от работы – имеется указание лишь на то, что отстранение может продолжаться до устранения обстоятельств, способствовавших такому отстранению.

Еще одним основанием для материальной ответственности является задержка работодателем выдачи работнику трудовой книжки, предоставления сведений о трудовой деятельности, внесения в трудовую книжку, в сведения о трудовой деятельности неправильной или не соответствующей законодательству формулировки причины увольнения работника. В связи с этим возникает вопрос, в любых ли случаях невозможность вручения трудовой книжки или предоставления сведений о трудовой деятельности является прямой виной работодателя.

Верховный Суд РФ в одном из своих определений указал, что законодатель задержку выдачи трудовой книжки связывает только с виновным поведением работодателя, а факт отсутствия трудовой книжки у работника – с необходимостью материального возмещения работнику как за незаконное лишение возможности трудиться [4]. В доктрине на этот счет также можно встретиться конкретные позиции.

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

Например, по мнению М.А. Клочкова и Ю.Н. Полетаева, работодатель не освобождается от материальной ответственности за незаконное лишение возможности трудиться, если только не направит работнику уведомление о необходимости забрать трудовую книжку или дать согласие на направление трудовой книжки по почте. Именно письменное уведомление может стать основанием для освобождения работодателя от материальной ответственности. При этом, данные авторы подчеркивают, что невозможность трудоустроиться ввиду отсутствия трудовой книжки у работника должна соотноситься с конкретными действиями работника по последующему трудоустройству. Как отмечает В.А. Абалдуев, «при взыскании на основании заработка за время задержки трудовой книжки работник должен будет доказать тот факт, что невыдача трудовой книжки препятствовала поступлению на новую работу, а при отсутствии обращений к другим работодателям или при отказе в приеме на работу по иным основаниям вынужденный прогул оплачиваться не должен» [1].

Еще одним дискуссионным вопросом является отнесение того или иного имущества к категории имущества работника, используемого в работе (относительно материальной ответственности за ущерб, причиненный имуществу работника). Зачастую подобное использование оформляется официально и дополнительно. Например, в случае с личным автомобилем возможно заключение договора аренды и соответствующая передача во временное пользование, либо установление соответствующих условий в договоре аренды и издание приказа о компенсации соответствующих расходов [8].

При этом, помимо имущества, используемого в работе, в судебной практике встречается немало дел, где речь идет об ущербе имуществу, которое не использовалось непосредственно в работе. Так, например, в случае, когда у работника пропали вещи из шкафчика в раздевалке, суды нередко ссылаются на отсутствие доказательств, подтверждающих наличие ущерба, а также наличие у работодателя обязанности обеспечивать сохранность имущества истца и возмещения причиненного ему ущерба в случае их утраты (соответственно виновные действия со стороны работодателя отсутствуют) [6]. Кроме того, в ряде случаев суды встают на сторону работодателей, если отсутствует соглашение об использовании работником личного имущества в служебных целях. Так, в одном из дел истец обратился в суд с иском к работодателю о возмещении ущерба – истец оставил на территории работодателя на отведенном для него парковочном месте свой автомобиль, который получил повреждения из-за обрушения элементов близлежащего здания. Суд пришел к выводу, что в данном случае работодатель не несет материальной ответственности, так как между работником и работодателем отсутствовало соглашение о том, что первый

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

использует в рабочее время в производственных целях личное транспортное средство, а работодатель обеспечивает сохранность указанного имущества истца, и соответственно, несет риск возмещения причиненного ему ущерба, материалы дела не содержат [5].

При анализе доктрины по данному вопросу было обнаружено несколько дискуссий, касающихся формулировок, употребляемых в рассматриваемом основании. Так, Т.В. Савин указывает на отсутствие в законодательстве определения категории «личного имущества», из-за чего при определении факта наличия ущерба имуществу и наличия оснований для материальной ответственности работодателя могут возникать трудности [7]. В работе автор ссылается на ст. 188 ТК РФ, где речь идет о личном имуществе работника, используемом с согласия или ведома работодателя и в его интересах, за что выплачивается компенсация за использование, износ (амортизацию) инструмента, личного транспорта, оборудования и других технических средств и материалов, принадлежащих работнику, а также возмещаются расходы, связанные с их использованием.

Следовательно, из анализа упомянутых позиций можно прийти к выводу о наличии 2 групп в категории личного имущества работника и наличии 2 подходов к толкованию данной категории:

1. Личные вещи работника, которые используются им при выполнении трудовых обязанностей в интересах работодателя с его согласия или ведома, т.е. непосредственно участвующие в процессе труда.

2. Личные вещи работника, принадлежащие ему на праве собственности, которые косвенным образом вовлечены в процесс труда в связи с выполнением им трудовых обязанностей.

Соответственно, при толковании нормы из ст. 235 ТК РФ в науке существует широкий и узкий подходы. Более справедливым представляется широкий подход, так как косвенным образом обе группы имущества вовлечены в рабочий процесс при выполнении трудовых функций. Однако при подобном толковании следует исключить материальную ответственность работодателя при отсутствии общих оснований в виде вины и наличия ущерба (например, использование личных канцелярских принадлежностей и их износ в результате использования не может считаться ущербом, вызванным виной работодателя). При этом, справедливо отметить, что в доктрине есть мнения, отличные от такой позиции. Например, М.А. Клочков и Ю.Н. Полетаев придерживаются мнения, что «работодатель отвечает за сохранность не всего имущества работника, а только того, сохранность которого он обязан обеспечить (например, сохранность личной одежды работника в специально предназначенном для

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

хранения месте, когда работник работает в спецодежде; сохранность принадлежащего работнику инструмента, оснастки, механизмов, имущества, используемого в интересах работодателя, переданных ему в пользование), т.е. имущества косвенным образом вовлечённого в процессе выполнения работником трудовой функции согласно заключенному трудовому договору» [2].

Подводя итог, следует сказать, что в рамках настоящей работы были проанализированы некоторые дискуссионные вопросы, связанные с материальной ответственностью работодателя.

В качестве перспективы совершенствования современного законодательства в этой части следует подчеркнуть отсутствие в законодательстве четко установленной продолжительности отстранения от работы – имеется указание лишь на то, что отстранение может продолжаться до устранения обстоятельств, способствовавших такому отстранению. В связи с этим, необходимо дополнить данную норму следующими положениями:

- обязательность наступления материальной ответственности вне зависимости от продолжительности незаконного отстранения;

- указание на незаконность отстранения, если оно продолжается и после исключения причин законного отстранения.

Кроме того, в норме о материальной ответственности за ущерб, причиненный имуществу работника, следует подробно раскрыть категорию имущества, а именно включить в нее не только то имущество, которое используется с согласия или ведома работодателя и в интересах работодателя, но и личные вещи, которые косвенным образом вовлечены в процесс труда в связи с выполнением им трудовых обязанностей. Представляется, причинение вреда имуществу обеих категорий должно повлечь за собой материальную ответственность, так как косвенным образом обе группы имущества вовлечены в рабочий процесс при выполнении трудовых функций. При этом в любом случае необходимо учитывать общие основания в виде вины и наличия ущерба (например, использование личных канцелярских принадлежностей и их износ в результате использования не может считаться ущербом, вызванным виной работодателя).

References

1. Абалдуев В.А. Юридическая ответственность как средство обеспечения имущественных прав работников: актуальные проблемы трудового и смежных с ним отраслей права // Проблемы ответственности в сфере труда: материалы научно-практической конференции (г. Москва, 17.11.2006). М., 2007. С. 102 - 105.

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

2. Клочков М.А., Полетаев Ю.Н. Материальная ответственность работодателя перед работником: теоретические и практические аспекты: научно-практическое пособие. М., 2016. С. 68-71.

3. Миронов В.И. Трудовое право России: Учебник. М., 2005. 511 с.

4. Определение Верховного Суда РФ от 04.05.2012 N 18-В12-19 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 29.09.2022 N 88-18182/2022 по делу N 2-3418/2021 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 09.11.2023 N 88-25035/2023 по делу N 2-2016/2023 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Савин Т.В. Материальная ответственность работодателя за причинение ущерба имуществу работника, используемому в интересах организации // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 3. С. 143-148.

8. Трудовое право: Учебник / Под ред. О.В. Смирнова И.О. Снигиревой. М., Проспект. 2006. 487 с.

9. Шестакова Е.В. Сложные вопросы компенсационных выплат и премирования // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

UDC 34

Verkhoturova M. A. The Problem of Blood Feud: The History of the Concept in the Old Russian State

Verkhoturova Maria
The Undergraduate Student of Law Faculty.
The North Western branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institutional of Higher Education «The Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»
Scientific supervisor:
Privalova N.,
Associate Professor, Ph.D., Department of Humanitarian and Socio-economic Disciplines The North Western branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institutional of Higher Education «The Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»

Abstract. *The article examines the evolution of the institution of blood feud in Old Russian law based on an analysis of written sources of the X-XI centuries: the Russian-Byzantine treaties of 911 and 944, the Russian Truth by Yaroslav the Wise and the Truth of Yaroslavich. There is clearly a transition from the archaic custom of generic revenge to the gradual restriction of this institution and its replacement by a system of property penalties. Also attention is paid to changing the circle of avengers, the emergence of an alternative in the form of a fine (vira), as well as the legislative prohibition of blood feud by the sons of Yaroslav the Wise in the second half of the 11th century. It is concluded that the abolition of blood feud has become a natural stage in strengthening princely power, centralizing justice and developing commodity-money relations in Ancient Russia.*

Keywords: *blood feud, Russian-Byzantine treaties, Russian Pravda, Pravda of Yaroslavichi, vira, ransom money, princely power, the evolution of Old Russian law.*

Рецензент: Рехтина Ирина Владимировна – кандидат юридических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

1. Introduction

The purpose of this work is to trace how blood feud arose and developed among eastern Slavs, to highlight the main stages of the change in blood feud, and to understand how the transition took place from custom, when relatives themselves did justice, to state court, Based on how these norms were enshrined in law. Also find out what role the criminal's wealth played and why the fine for all free people was the same.

The blood feud of the eastern Slavs existed even before the formation of the ancient Russian state. The principle was simple: for the murder, the offspring of the offed (according to the formula of the thallion principle "an eye for an eye, a tooth for a tooth"). An example of such a principle can be seen in the revenge of Princess Olga for the murder of her husband, Prince Igor. Olga, using a ruse, demanded tribute in the form of pigeons and sparrows, and tied to the birds burning lobsters, set the city on fire.

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

2. Material and methods

The first written norms of blood feud were enshrined in treaties with Byzantium, from 911 and 944. In the year 911 it was established - "...as a means of coercion against the criminals, blood revenge and property penalties were established..." The legislator recognizes two legitimate ways to respond to a crime: private assault and compromise in the form of monetary or property ransom (fine) in favor of the injured party [4].

Both options are recorded in the agreement, which shows that blood feud at the beginning of the 10th century was not considered a barbaric legacy, but was legally recognized as an institution of Russian customary law [5].

The treaty of 944 retained similar provisions. This took into account the property status: if the murderer was wealthy, a relative could claim part of the property; the poor murderer expected the death penalty. This is confirmed by article 13. It retains the rule of punishing murder, which remains blood revenge by the offspring of the victim or ransom in favor of relatives. It is worth noting that the treaty of 944 does not abolish blood feud entirely. There are still two options for murder: revenge by the relatives of the murdered or property ransom in favor of the same relatives [6].

Around 1016, the "Russian Truth" of Prince Yaroslav the Wise appeared - the first major code of laws of Kyiv Rus. It enshrines blood feuds in its first article. Here is a quote: "*If the husband of a man kills the brother of a man, or if the son of a father is killed, or if the brother of a son is killed, or if the brother of a son is killed, or if the brother of a son is killed, or if the sister of a son is killed; if there be no one who kills, then 40 hryvnias per head.*" The article records two forms of reaction to murder: blood feud - if there is a avenger, and a monetary fine - if there is no avenger [7]. This is the transition from customary to written law. Here are also listed only the closest relatives: brother, son, father, nephew (brother, sister son). Alternative - 40 hryvnia. The appearance of the virus indicates the penetration of monetary relations into the criminal law [11]. The same size for all free people, which emphasizes equality of free people before a fine.

In the third quarter of the 11th century, and specifically after the death of Yaroslav the Wise in 1054, his sons legally prohibited blood feud [12]. This is recorded in the expanded edition of "Russian Truth" ("Yaroslav's Truth") [13].

Instead of retaliation, a system of fines was introduced: virah - for the murder of a free person, semivirah - for serious maiming, other fines for less serious crimes. This step became part of the strengthening of princely power and centralization of justice - the state took over the function of punishment, supplanting tribal self-regulation.

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

Results and discussions

During the study:

1) the evolution of the institution of blood feud in Old Russian law based on an analysis of written sources of the X-XI centuries has been considered;

2) the transition from the archaic custom of generic revenge to the gradual restriction of this institution and its replacement by a system of property penalties has been considered;

3) changing the circle of avengers and the appearance of an alternative in the form of a fine (vira) have been studied;

Conclusion

Based on the above, blood feud among the eastern Slavs was an ancient custom. At the beginning of the 10th century, it was recognized as a legal institution: the treaties between Russia and Byzantium of 911 and 944 allowed for murder either revenge or property ransom. In the "Russian Truth" of Yaroslav the Wise (around 1016), revenge was limited only to the closest relatives, and in the absence of a avenger, a fine of 40 hryvnia was imposed. The common size of the currency for all free people showed the penetration of commodity-monetary relations into law. The final prohibition of blood revenge was established by the sons of Yaroslav in the second half of the 11th century ("Truth of Yaroslav"). Instead of revenge, there was a centralized system of fines (vira, semivirir, etc.). So the state took on a monopoly of punishment, replacing familial self-regulation with public justice.

References

1. Isaev, I. A. History of the State and Law of Russia. Textbook - 3rd edition, manuscript, and supplement. - M.: Yurist, 2004 - 797 pp.

2. Georgievsky, E. V. Questions of criminal law and criminology. Blood feud and death penalty among eastern Slavs. - 2005.

3. Egorelkov, D. A. Punishments in the Russian-Byzantine treaties of 911 and 944 – 2024.

4. Legal education at a modern university: a collection of teaching materials/Ed. A.A. Dorskaya, E.V. Ponomareva. - St. Petersburg: Asterion, 2024. - pp. 605-869 (870 p.).

5. N. Novikova, O. Lukasheva, A. Luchkin [et al.]. Economic space in the era of integration and digitalization; Smolensk Branch of the Plekhanov Russian University of Economics. Smolensk: IP Surkova N.N., 2022. 347 p.

6. Bondarev, v.G., Bashmakova N.I. (2022). European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Vol.129. pp. 149-155. European Publisher. https://doi.org/10.15405/epsbs.2022.12.20

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

7. Privalova, N.I. (2025). On the importance of homo traditum for modern culture. Scientific research and development. Social-humanitarian research and technology." 2025. C.9-15.

8. Vladimirsky-Budanov M. F. A Review of the History of Russian Law. Rostov-on-Don: Phoenix, 1995.

9. History of the State and Law in Russia / ed. by Yu. P. Titov. Moscow: Prospekt, 2019.

10. Presnyakov A. E. Princely Law in Ancient Rus. Lectures on Russian History. – Moscow: Nauka, 1993. – (Analysis of Russian Truth).

11. Bondarev V.G., Bashmakova N.I., Sinina A.I. (2020). Judicial discourse: genesis and definition of the concept//Conflictology. Vol. 15. № 1. pp. 52-65.

12. Privalov N.G. (2025). Estates as new socio-professional groups in Russia //Journal of Political Studies. Vol. 9, No. 3. pp.106-120. DOI https://doi.org/10.12737/2587-6295-2025-9-3-106-120.

13. Privalov, N. I. (20120). The Third Way of Russia: A New Hope in the XXI Century. Ekaterinburg: Ural Publishing, 434 p.

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

UDC 34

Zimmerman A.S., Tekucheva S.N. Personal non-property rights of legal entities in Russian civil law

Личные неимущественные права юридических лиц в российском гражданском праве

Zimmerman Andrey Sergeevich
Second-year full-time master's student
DSTU, Rostov-on-Don, Russia
Academic Supervisor:
Tekucheva Svetlana Nikolaevna
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
DSTU, Rostov-on-Don, Russia
Циммерман Андрей Сергеевич
студент 2 курса магистратуры
очной формы обучения
ФГБОУ ВО «ДГТУ»,
г. Ростов-на-Дону, Россия
Научный руководитель:
Текучева Светлана Николаевна
к.э.н., доцент
ФГБОУ ВО «ДГТУ»,
г. Ростов-на-Дону, Россия

Abstract. *The article analyzes the legal nature of personal non-property rights of legal entities in Russian civil law. It examines the main manifestations of these rights, including trade name, business reputation, and secrecy of correspondence. The author explores the relationship between the fictitious nature of a legal entity as an artificial legal construct and the real content of the rights enshrined in legislation and protected by courts. The paper compares the positions of scholars who recognize the independent value of such rights with those who criticize them, pointing to the absence of independent will and consciousness in an organization. The article concludes that, despite their artificial foundation, personal non-property rights of legal entities have acquired practical significance and serve as an important means of individualization of organizations and protection of their interests in civil turnover.*

Keywords: *legal entity, non-property rights, fiction, business reputation, individualization, rights protection, civil turnover.*

Аннотация. *Статья посвящена анализу правовой природы личных неимущественных прав юридических лиц в российском гражданском праве. Рассматриваются основные проявления этих прав – фирменное наименование, деловая репутация и тайна корреспонденции. Исследуется соотношение фиктивной природы юридического лица как искусственной правовой конструкции и реального содержания указанных прав, закрепленных законодательством и защищаемых в судебном порядке. В работе сопоставляются позиции сторонников признания самостоятельной ценности таких прав и их критиков, указывающих на отсутствие у организации собственной воли и сознания. В заключение делается вывод о том, что, несмотря на искусственный характер своего основания, личные неимущественные права юридических лиц приобрели практическую значимость и выступают важным средством индивидуализации организаций и защиты их интересов в гражданском обороте.*

Ключевые слова: *юридическое лицо, неимущественные права, фикция, деловая репутация, индивидуализация, защита прав, гражданский оборот.*

Рецензент: Рехтина Ирина Владимировна – кандидат юридических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

В российском гражданском праве юридическое лицо изначально понималось как абстрактная конструкция, предназначенная для упрощения участия в имущественном обороте. Однако современное законодательство и судебная практика всё более последовательно признают за организациями отдельные личные неимущественные права. Гражданский кодекс Российской Федерации прямо указывает, что юридические лица способны приобретать и осуществлять гражданские права, в том числе неимущественные [1]. Конституция Российской Федерации также не ограничивает охрану нематериальных благ исключительно физическими лицами, что создаёт конституционные предпосылки для распространения соответствующих гарантий на юридических лиц [4].

В юридической доктрине обычно выделяют три основных проявления личных неимущественных прав юридических лиц: право на фирменное наименование как средство индивидуализации, защиту деловой репутации и тайну корреспонденции. Иногда к ним относят также право на самостоятельное решение вопросов прекращения деятельности организации. Наиболее ярким примером служит фирменное наименование. Оно выступает не просто формальным обозначением, а важным средством индивидуализации юридического лица в гражданском обороте, обеспечивая его узнаваемость среди контрагентов и потребителей [2]. В случае неправомерного использования схожего обозначения конкурентом организация вправе требовать в судебном порядке прекращения такого использования и возмещения причинённых убытков.

Не меньшее значение имеет защита деловой репутации. Юридическое лицо может требовать опровержения распространённых порочащих сведений, опубликования ответа и возмещения убытков. При этом компенсация морального вреда в том виде, в каком она применяется к физическим лицам, здесь невозможна, поскольку организация не способна испытывать нравственные страдания. Тем не менее репутационные потери имеют вполне ощутимый экономический характер и выражаются в утрате доверия партнёров, снижении количества контрактов и падении рыночной стоимости бизнеса.

Судебная практика последних лет содержит немало примеров рассмотрения подобных споров — как по защите фирменных наименований, так и по делам о защите деловой репутации, где истцам приходится доказывать причинную связь между распространением недостоверных сведений и наступившими неблагоприятными последствиями. Так, Арбитражный суд города Санкт-Петербурга и Ленинградской области полностью удовлетворил иск ООО «НИАРМЕДИК ФАРМА» к СМИ («Доктор Питер» и «Фонтанка.ру») о защите деловой репутации, признав распространённые сведения порочащими и недостоверными [8]. В другом случае Судебная коллегия по

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

гражданским делам Верховного Суда РФ отменила судебные акты нижестоящих судов и указала, что юридическое лицо вправе требовать возмещения вреда, причинённого деловой репутации, в том числе в виде утраты конкурентоспособности и доверия делового сообщества [9]. Примером защиты фирменного наименования служит дело, в котором Арбитражный суд Волгоградской области удовлетворил иск «ЧТЗ-Уралтрак» к обществу «ЧТЗ-Нижнее Поволжье» о запрете использования сходного до степени смешения фирменного наименования в отношении аналогичных видов деятельности [10].

Многие исследователи признают практическую значимость этих прав. Они позволяют юридическим лицам эффективнее отстаивать свои интересы в конкурентной среде, строить долгосрочные деловые стратегии и защищать свою индивидуальность. Суды при этом предъявляют высокие требования к доказыванию: необходимо подтвердить факт распространения сведений, их недостоверность и порочащий характер.

В то же время в доктрине сохраняется скептический подход. Критики обращают внимание на то, что юридическое лицо по своей природе является фикцией и не обладает собственной волей, сознанием или эмоциями. В связи с этим перенесение на него категории «личных» прав рассматривается как приём юридической техники, направленный на удобство регулирования [3]. Фикции традиционно широко используются в праве для упрощения сложных конструкций. Однако даже признавая искусственный характер основания этих прав, большинство современных авторов сходятся в том, что в правовом поле они имеют реальное содержание. Такие права возникают непосредственно из закона, подлежат судебной защите и влекут конкретные правовые последствия для нарушителей.

Исследования последних лет выделяют следующие ключевые признаки неимущественных прав юридических лиц: их направленность на индивидуализацию организации в экономической и социальной сферах, отсутствие прямого экономического содержания, неотчуждаемость и тесную связь с существованием самого юридического лица [5]. Защита этих прав осуществляется традиционными гражданско-правовыми способами: пресечением нарушения, восстановлением положения, существовавшего до нарушения, и опровержением недостоверных сведений [7]. При этом основанием для защиты может служить не только уже совершённое посягательство, но и создание реальной угрозы нарушения прав.

Таким образом, российское гражданское право в настоящее время исходит из практического признания за юридическими лицами ограниченного круга личных неимущественных прав, связанных преимущественно с индивидуализацией и деловой

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

репутацией. Несмотря на то, что в основе этих прав лежит фикция, обусловленная искусственной природой юридического лица, они приобрели самостоятельную ценность. Эти права активно защищаются судами, оказывают заметное влияние на деловую практику и служат важным инструментом обеспечения интересов организаций в конкурентной среде. По мере развития законодательства и формирования устойчивой судебной практики можно ожидать дальнейшего совершенствования механизмов защиты фирменных наименований и деловой репутации юридических лиц.

References

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 №146-ФЗ (ред. от 08.08.2024).

2. Загорских, С. А. Личные неимущественные права и нематериальные блага / С. А. Загорских // Личные неимущественные права и нематериальные блага: вызовы современного мира : Материалы II научно-практической конференции имени профессора О.А. Красавчикова, Екатеринбург, 18 октября 2024 года. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, 2024. – С. 98-103. – EDN TMEVOH.

3. Казарез, С. С. О значимости юридических фикций в действующем российском законодательстве / С. С. Казарез // МНСК-2022 : Материалы 60-й Международной научной студенческой конференции, Новосибирск, 10–20 апреля 2022 года. – Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2022. – С. 280-281. – EDN CUFPTF.

4. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года. — Москва :Норма : ИНФРА-М, 2024. — 160 с. : ил. — ISBN 978-5-00156-358-7.

5. Кошкина, А. А. Понятие и признаки неимущественных прав корпораций / А. А. Кошкина // Организационные и правовые основы обеспечения бизнеса : Материалы внутривузовской студенческой научно-практической конференции филиала Российского государственного социального университета в г. Клину, Клин, 21 января 2025 года. – Тверь: Тверской государственный университет, 2025. – С. 163-170. – EDN HUEMWW.

6. Мамиконян Р. В. Проблемы защиты личных неимущественных прав корпораций в Российской Федерации и республике Армения // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. №1-3. URL:

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-zaschity-lichnyh-neimuschestvennyh-prav-korporatsiy-v-rossiyskoy-federatsii-i-respublike-armeniya (дата обращения: 20.03.2026).

7. Субочева, В. А. Основания и способы защиты личных неимущественных прав / В. А. Субочева, А. С. Власов // Безопасность предпринимательской деятельности в современных условиях развития экономики : Материалы I Всероссийской научно-практической конференции, Тамбов, 18 февраля 2021 года. Том Выпуск 1. – Тамбов: Издательский центр ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», 2021. – С. 45-48. – EDN XIRNNK.

8. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области по делу ООО «НИАРМЕДИК ФАРМА» против АО «АЖУР-МЕДИА» и др. (ноябрь 2020 г.). URL: https://pravo.ru/opinion/228164/ (дата обращения: 07.04.2026).

9. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 08.11.2022 № 78-КГ22-44-К3. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-08112022-n-78-kg22-44-k3/(дата обращения: 07.04.2026).

10. Решение Арбитражного суда Волгоградской области по делу № А12-24560/2022 («ЧТЗ-Уралтрак» против «ЧТЗ-Нижнее Поволжье»). URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/MW7ZpnecbCrq/(дата обращения: 07.04.2026).

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

CONCLUSION

In summing up issue No. 4 (1.2), we can note the high level of engagement of the professional community in addressing fundamental and applied problems in the humanities. The presented works confirm that today no scientific discipline develops in isolation: law is closely intertwined with morality and historical mentality, and educational processes are intertwined with psychological characteristics and technological progress.

An analysis of issues related to professional well-being, the protection of honor and dignity in the digital environment, and a detailed study of the status of intellectual property in a debtor's bankruptcy estate create a reliable theoretical basis for further law enforcement practice. At the same time, research in pedagogy and cultural studies opens new horizons for effective communication in a globalized world.

The editors of the International Journal of Professional Science thank the authors for their insightful research and invite them to continue the scholarly dialogue. We are confident that the materials in this issue will not only contribute to the professional growth of readers but also to the development of new vectors of interdisciplinary collaboration in the scientific community.

With best wishes and warm regards,
Editor-in-Chief
International Journal of Professional Science
Krasnova N.A.

Professional science applies the Creative Commons Attribution (CC BY 4.0) license to the materials published-
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru|

Electronic scientific editions

International journal of Professional Science

international scientific journal
№4(1.2)/2026

Please address for questions and comments for publication as well as suggestions for cooperation to e-mail address mail@scipro.ru

ISSN 2542-1085

Format 60x84/16. Conventional printed sheets 7,8
Circulation 100 copies
Scientific public organization
“Professional science”